

ISSN 2307-5473

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ВЕКТОР-L
POLITICAL
VECTOR-L

КОМПЛЕКСНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

COMPLEX
PROBLEMS
OF A MODERN
POLICY

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№1 2013

SCIENTIFIC JOURNAL

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1943
2013

Выпуск номера
посвящается
70-летию
Южно-Уральского
государственного
университета

La edición
especial del
número se
dedica a la
70 aniversario
de la Universidad
Estatal de los
Montes Urales
del Sur

The issue is
devoted to the
70th anniversary
of Southern Ural
State University

Le numéro est
dédié au 70e
anniversaire de
l'Université d'Etat
de l'Oural du Sud

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL
VECTOR-L

научный журнал
1/2013
issn 2307-5473

Учредители:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ожно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Челябинское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия журнала:
Трегубов Н.А. (главный редактор);
Балакин В.С., д. и. н., проф.;
Бурмейстер А.Н., заслуженный проф. Гренобльского ун-та;
Малышев М.А., проф.-исследователь;
Сибиряков И.В., д.и.н., проф.;
Хвощев В.Е., к. филос. н.;
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, проф.-исследователь;
Мария Луиза Бакарлетт, проф.-исследователь;
Пондесозо О.З., дизайнер.

Адрес редакции:
454080, г. Челябинск
пр. Ленина, 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23

email: vek@susu.ac.ru

Формат 70x108 1/16
Усл. л. 11,2
Тираж 500 экз.
Заказ 326/652

Периодичность – 2 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции6	Леонид Михайлович Батурин Немецкая национальная идея и становление государства.....106
Хосе Антонио Чавес Рамирес Эмиль Мишель Чоран: истины Темперамента.....8	Иван Валентинович Евсеев Истоки трудового использования заключенных в свете российской идеи «Исправлять трудом».....114
Хавьер де ла Фуэнте Роча Жиль Делёз: дискурс о различии и его значение для науки и философии.....22	Максим Юрьевич Гутенев Дискурсивность оснований искусственного интеллекта.....127
Оскар Хуарес Карагоса Жиль Делёз: пересмотр диалектики в связи с понятием «идея» Платоном, Декартом и Гегелем.....34	Игорь Вячеславович Сибиряков, Евгений Андреевич Шерягин Типологии политических партий: исторический обзор.....146
Хосуэ Мансано Арсате Ницше: от филологии к дионисийскому опыту мира.....50	Любовь Афанасьевна Фесенко, Валентин Викторович Рыгалов Социально-политический фактор трансгрессии культурного пространства.....159
Манола Сепульведа Гарса Аграрный раздел и образ «дьявола» (Долорес Идальго, Гуанахуато 1920-1940).....71	Михаил Иванович Разуваев, Михаил Дмитриевич Беседин Реакция на протестное движение: анализ нового «закона о митингах» в России.....168
Никита Александрович Трегубов Национально-культурная специфика голосования на муниципальных выборах 2012 г. (на материалах Челябинской области).....91	

INDICE

De los Editores	6	Ivan V. Evseev Los orígenes de la mano de obra de los presos a la luz de la "dificultad Change" idea rusa.....114
José Antonio Chávez Ramírez Emil Michel Cioran: verdades de temperamento.....	8	Maxim Y. Gutenev Base discursiva de la inteligencia artificial.....127
Javier de la Fuente Rocha Gillez Deleuze: discurso sobre la diferencia y su importancia en la ciencia y en la filosofía.....	22	Igor V. Sibiryakov, Eugene A. Sheryagin Tipología de los partidos políticos: una perspectiva histórica.....146
Óscar Juárez Zaragoza Gilles Deleuze: revisión de dialéctica en torno al uso del concepto de "idea" en Platón, Descartes y Hegel.....	34	Lubov A. Fesenko, Valentin V. Rygalov Socio-político factor de transgresión del espacio cultural.....159
Josué Manzano Arzate Nietzsche: de la filología a la experiencia dionisiaca del mundo.....	50	Mikhail Razuvayev, Mikhail Besedin La reacción al movimiento de protesta: Análisis de la Nueva «Ley de manifestaciones» en Rusia.....168
Manola Sepúlveda Garza El reparto agrario y la imagen del "diablo" (Dolores Hidalgo, Guanajuato 1920-1940).....	71	
Nikita A. Tregubov La identidad cultural de voto en las elecciones municipales de 2012 (en los materiales de la región de Chelyabinsk).....	91	
Leonid Mijáilovich Baturin Alemán idea nacional y la formación del estado.....	106	

CONTENTS

From the editors.....6

Jose Antonio Chavez Ramirez
Emil Michel Cioran: the Truth of
Temperament.....8

Javier de la Fuente Rocha
Gilles Deleuze: the Discourse of
the Distinction and its Implications
for Science and Philosophy.....22

Oscar Juarez Zaragoza
Gilles Deleuze: the Revision of the
Dialectic in connection with the
Concept of «Idea» of Plato, Des-
cartes and Hegel.....34

Josué Manzano Arsate
Nietzsche, from Philology to the
Dionysian Experience of the
World.....50

Manola Sepulveda Garza
The Agricultural Section and the
Image of the «devil» (Dolores Hi-
dalgo, Guanajuato 1920-1940)
.....71

Nikita Tregubov
Cultural Identity of Voting in Mu-
nicipal Elections in 2012 (on the
materials of the Chelyabinsk re-
gion).....91

Leonid Baturin

German National Idea and Devel-
opment of the State.....106

Ivan Evseev

The Origins of the Labor of the
Prisoners in the Light of the Rus-
sian Idea «Correction by La-
bor».....114

Maxim Gutenev

The Discourse of Basis of Artifi-
cial Intelligence.....127

Igor Sibiryakov,

Eugene Sheryagin

Typology of Political Parties: a
Historical Overview.....146

Lubov Fesenko,

Valentin Rygalov

Socio-political Factors of Trans-
gression of Socio-Cultural
Space.....159

Mikhail Razuvayev,

Mikhail Besedin

Reaction to the Protest Movement:
Analysis of the New «Law on
Demonstrations» in Russia.....168

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках первый номер научного журнала «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L. Комплексные проблемы современной политики» – журнала междисциплинарных политических исследований.

Современная политика проникает во все сферы общественной жизни. Это ведёт к расширению предмета политической науки, где власть задаёт приоритеты научных исследований. В результате формируются локальные политические векторы развития, во многом определяющие социальные процессы. Анализ этих векторов возможен лишь комплексными усилиями различных наук, предполагающими изучение богатства межпредметных научных отношений.

Интерес исследователей к комплексным проблемам современной политики неоднороден и проявляется в виде предварительных идей и гипотез, с одной стороны, завершённых (целостных) представлений, с другой, дискурсивного (фрагментарного) осмыслиения межпредметных феноменов, с третьей. Последние будут составлять содержание научного журнала «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L. Комплексные проблемы современной политики».

Журнальные статьи будут печататься на русском, английском, немецком, испанском языках.

FROM THE EDITORS

Dear readers!

You hold in your hands the first issue of the scientific journal «POLITICAL VECTOR -L. Complex problems of modern politics» – the journal of interdisciplinary policy research.

The modern politics penetrates all spheres of public life. This growth of the influence, in turn, requires expansion and development of political sciences, where many priorities for scientific research are determined by the political powers. As a result, local vectors of political development greatly affect and shape the actual social processes.

Comprehensive analysis of these vectors is only possible through multifaceted contributions of various disciplines with strong focus on the wealth of interdisciplinary scientific input. The current approaches to the complex problems of the modern politics are not uniform and are manifested in the formulation of preliminary ideas and hypotheses on one hand; in the attempts of conceptual synthesis on the other; and lastly, in discursive (fragmented) interpretation of interdisciplinary observations. The latter will be the main subject of the scientific journal «POLITICAL VECTOR -L. Complex problems of modern politics».

Хосе Антонио Чавес Рамирес
Эмиль Мишель Чоран: истины
темперамента

José Antonio Chávez Ramírez
Emil Michel Cioran: verdades de temperamento

Jose Antonio Chavez Ramirez
Emil Michel Cioran: the Truth of Temperament

Большая часть философской традиции отмечена непроходимой дихотомией между материальным и нематериальным. В этом отношении тело мыслилось как нечто подозрительное, в лучшем случае, как какая-либо вещь в ряду других вещей. Только очень немногие стремились увидеть влияние этой материальности на наше присутствие в мире. Чоран показывает, что данная ситуация находится на грани самой традиции, хотя и существуют следы иного подхода мыслить тело и его воздействие на окружающий мир.

Ключевые слова: Эмиль Мишель Чоран, материальное и нематериальное, тело, окружающий мир.

Una gran parte de la tradición filosófica ha estado marcada por la insoluble bifurcación de lo material y lo inmaterial; bajo este aspecto el cuerpo ha sido pensado bajo la sospecha de que es una “cosa” como cualquier otra; pocos han sido quienes han querido ver las influencias que esta materialidad tienen en nuestro estar en el mundo. En el pensamiento de Cioran aparecen muestras que han quedado al margen de la tradición misma, pero son pistas que pretextan una forma diferente de pensar el cuerpo y sus influjos.

Palabras clave: Emil Michel Cioran, tangible e intangible, el cuerpo, el mundo natural.

Most of the philosophical tradition marked by insurmountable dichotomy between tangible and intangible. In this respect, the body was thought of as something suspicious, at best, as any thing among other things. Only a very few thinkers sought to see the impact of this materiality to our presence in the world. Cioran shows that this situation is on the verge of tradition, although there are signs of a different approach to think the body and its impact on the world.

Keywords: Emil Michel Cioran, tangible and intangible, the body, the natural world.

«El que está despierto y consciente dice: soy todo cuerpo, no hay nada fuera de él».

Friedrich Nietzsche. Así hablo Zarathustra.

Según una leyenda de inspiración gnóstica que Cioran refiere en el inicio de uno de sus libros¹, en el tiempo antes del nacimiento de los hombres se desarrolló en el cielo una lucha entre seres divinos, donde los ángeles de Gabriel derrotaron y expulsaron a los agregados con Lucifer. Dicha historia, cuenta Cioran, relata que un tercer grupo de entes divinos se limitaron a observar, no tomaron partido por algún bando pues no encontraron razón alguna para adherirse a alguno de ellos; pero este grupo sería castigado con la expulsión de los cielos, siendo encarnados a un cuerpo en la tierra para que aquí llevasen a cabo la elección que en el cielo se negaron a tomar. Así pues, en la tierra han de dejarse de vacilaciones y titubeos, el pecado fue limitarse a mirar, y es así que aquí deben de aprender a actuar, a dejarse de ideales y pasar a la defensa de algún bando. El cielo parece no soportar la neutralidad.

Al igual que la gran mayoría de la humanidad, yo he perdido el recuerdo de mi nacimiento; pero si atendemos un poco a esa leyenda tal vez podría

posibilitarse un entendimiento que trazara una línea de fuga desde aquella invitación socrática hasta el error del suelo firme cartesiano. Pero las leyendas valen lo que valen, y tal vez para la filosofía sistemática un poco menos, sin embargo, suelen ser una manera de dejar caer una sospecha, o por decirlo de otro modo, son una invitación para la reflexión.

Excusemos su poca validez histórica y pretextemos el ejercicio del pensar, aceptemos esa invitación que se hace a la cavilación sobre el hombre.

Finito e infinito, pesadez y ligereza, he aquí el pensamiento que despierta esa leyenda. Y he también aquí que ante el espejo de la filosofía y su historia, éste sospecha tres cosas sobre dicho relato. En un primer momento se instaura en la razón la idea de un fanatismo, el hombre y su imposibilidad de dejar de apasionarse por una causa, lo que lleva a la pasión por la ligereza, pero enseguida se despierta la idea de la pesadez, la de la encarnación, una expulsión de los cielos para pasar a tener cuerpo, y en un tercer momento se identifica una cierta metáfora visual que domina toda la clarividencia de este proceso-relación.

Según la referencia de Cioran, aquellos ángeles se limitaron a observar serenamente,

no encontraron motivos para perturbarse, para dejar su quietud e involucrarse por una causa. Ante su mirada, la batalla por un ideal se desplegaba, y ellos sólo fueron espectadores embelesados, quietud, piedra inamovible. Si el hombre fuese resultado de aquella caída, se pudiese llegar a explicar ciertas matanzas de la historia humana y muchas de las taras de su propia vida.

Tomemos la madeja y pensemos por un momento en la posición de la quietud o de la mera percepción. La violencia reina en el cielo y ante ese espectáculo las miradas impasibles, no son ni semejantes a la mirada de águila, ni mucho menos a la mirada del amor a primera vista; sino que parecen ser, en líneas generales, la mirada común y corriente, escrutadora, analítica, aquella que ve y alumbra, mirada lanzada para buscar una razón que se olvida de que ella misma es parte de la escena. El ojo frente a *las meninas*². Mirada que no vuelve piedra ni tampoco disipa por completo las tinieblas, pero que ha de mirar gracias a un cierto destello de luz provocado por no se sabe que fuerza.

Y si fuimos arrojados al mundo para aprender a optar, entendemos entonces las ganas irreprimibles de aferrarnos a una causa, pero deberíamos de comprender también las formas

de nuestra actitud antes de la caída.

Si atendemos a la historia del pensamiento, confirmamos dos cosas, una pasión por lo inmaterial de nuestras ideas y la metáfora óptica de la razón. Resulta merecedor de mención aquel mito usado por Platón para ilustrar su sistema³. La escena describe a dos mundos, el de la verdad, plenamente iluminado, y el de lo aparente, la ceguera y las sombras. Resulta curioso que uno de los mitos fundadores de la tradición filosófica sea opuesto a su propia tradición; tal vez de aquí venga esa metáfora óptica del pensamiento, donde traer a la luz es idéntico a clarificar, es alumbrar con el ojo de la razón para iluminar y difuminar todo rastro de niebla y oscuridad. El lenguaje adopta entonces la razón de la visión y el juego entre las luces y las tinieblas. De pronto, los discursos comienzan a analizar a través de la mirada del ojo que escruta y observa; la metáfora se servirá de todos los elementos visuales, pasara del sol que representa la posibilidad misma del pensamiento, a las ideas advenidas por iluminación divina, para luego transformarse en las luces mismas de la razón. De pronto, la historia de la filosofía es una metáfora de verbos que remiten a la capacidad de la vista del ser humano. "La luz y la mirada analizadora se

vuelven la herramienta para el buen pensar. La luz me parece cada vez más extraña y más lejana; la miro y me estremezco. ¿Qué ando buscando en ella cuando la noche es una aurora de pensamientos? ...Pero mirad, mirad la luz: cómo se resquebraja y cae hecha añicos siempre que las tristezas nos doblegan. Sólo la ruina del día nos ayudará a elevar la vida al rango de sueño⁴”.

Pero hay de miradas a miradas, y cabría hacer la acotación de que toda nuestra tradición se funda tal vez en una falsa seguridad, pues como lo demostrara Hume, el mismo ojo es capaz de sufrir y de construir sus propios engaños⁵ y tampoco habría que olvidar aquella idea de Nietzsche según la cual las tinieblas también alumbran. Y es aquí donde la leyenda que nos refiere Cioran muestra unos vínculos extraños, entre un olvido, una imagen y la misma luz. “Arrojado a la tierra para aprender a optar, se verá condenado al acto, a la aventura, en la que podrá brillar sólo si ha asfixiado en sí mismo al espectador⁶”.

El hombre que ve y el hombre que piensa, aquel que vislumbra tierras iluminadas por la luz del sol es el mismo que alumbría pensamientos y esclarece cuestiones. De esta imagen que el lenguaje refleja, se construye también una forma

determinada de pensar, o tal vez se debería de decir que de razonar o analizar; porque tal vez pensar nunca podrá existir parado frente a un porque este jamás se deja arrastrar⁷.

Junto a esta imagen óptica, y al lado de aquellos ángeles espectadores se construye una forma propia para generar ideas, para alumbrar y producir pensamiento. Y de esa mirada se desprende también un olvido del propio ojo, de la carne, del cuerpo. La mirada analítica de la razón parte de una pseudo idea de neutralidad; aunque se ha demostrado que tal idea no es posible⁸ en el discurso objetivo tanto de la ciencia como de la filosofía, y cabría decir que de la gran mayoría de raciocinios parecen estar fuera de la oscuridad que intentan disipar.

El ojo no refiere nada, las luces no presuponen nada, el analista se ha retirado a una posición segura tras el telón de la objetividad, desde donde mira el espectáculo del mundo por medio de agujeros hechos con alguna especie de máquina que no deja ningún rastro. Pero olvida que los ojos que ven siguen siendo los suyos, lo que condiciona su mirar al tiempo que lo imposibilita y limita el conocimiento de los medios para mirar; y he aquí la imagen del cuerpo que se deriva de tal metáfora.

La práctica del análisis

racional sólo exige paciencia y control, un buen conocimiento de la lógica aristotélica en su reformulación de la filosofía hegeliana y una capacidad de memoria para parecer lo más erudito posible; quien la pone en marcha debería estar lejos de algún estado como los que llega a describir Cioran, y mucho más cerca de la imperturbabilidad que describían las filosofías helenísticas. Es imposible que bajo estados extremos de corporalidad pueda el ojo examinador producir algún bosquejo de luz.

Es desaconsejable entonces, que aquel que se esfuerza por alumbrar una idea lleve días sin probar alimento, o se encuentre alimentándose sin parar, o no halla dormido las tres noches anteriores y mucho menos debe estar en algún “estado alterado de conciencia” ni vigilia, tampoco enfermo y tampoco haber consumido droga alguna o alcohol; le bastara a lo mucho unas cuantas tazas de café y un par de cigarrillos, que tal vez sean los “vicios” racionalistas por excelencia.

Así, puede razonarse cualquier día y a cualquier hora, hacerlo en casa o en clase, es decir, que parece que no tiene que ocurrir nada insólito ni especial para comenzar a invocar a las luces que han de guiar a la razón; tal vez podría afirmarse

sin exageración que así el ojo mira lo que quiere, a poco normales que sea la situación, el análisis del raciocinio es posible; basta sentarse en la penumbras a la luz de una vela para que las ideas advengan al cerebro, la imagen del pensador, el filósofo sentado⁹.

¿Por qué no dar rienda suelta a nuestras ideas tumbados en la cama, o al borde del acantilado? ¿Por qué no pensar con el cuerpo, hacerlo en el éxtasis o en la locura de cierta idea concebida de la enfermedad o el ayuno? Dar rienda suelta al pensamiento en el espacio, en extensión, a la cavilación que guarde un olor a la carne de la que brota: “¡Pensar de golpe que se tiene un cráneo, y perder inmediatamente la razón!¹⁰”

Son muchos los vértices de la tradición filosófica con los que Cioran está en desacuerdo, para él, los sistemas y las abstracciones de nada valen, prefiere deleitarse en un escepticismo veleidoso¹¹, en la dispersión del aforismo, chapotear en las aguas del desengaño, revertir metáforas y demoler ídolos; si hay algo que no soporta es la abstracción, la inmaterialidad de las ideas, pretende entonces romper con la metáfora óptica.

Si somos resultado de una caída no debemos girar la mirada a las alturas de las que nos han

expulsado, no es la intelección inmaterial de los objetos lo que dará luces y nos redimirá para volver con el “uno” primordial; antes que nada somos carne, somos y tenemos un cuerpo jugando a negarse. “A los pensamientos peligrosos procede una debilidad física. La discreción del cuerpo frente a todo lo no es mundo¹²”.

Cioran apuesta entonces, no por la figura del filósofo sentado pensando en la divinidad de un Dios inmaterial, o poniendo en duda su propia existencia por medio de un método, él aportara por la materia y el tacto, no por la luminosidad de la razón, sino por la lucidez y el peso del pensamiento, para él el canto de las sirenas que invitan a Ulises a perderse en los placeres del cuerpo, revela mucho más que la segunda meditación; Cioran pretende hacer brotar las ideas no como entes luminosos volátiles y sin sangre, sino como entes con cierto olor a huesos y carne.

Heredero de Baudelaire y de Nietzsche, el filosofar de Cioran se nutre de la conciencia misma que reconoce que se tiene un cuerpo, brota de sus enfermedades, de sus vicios y sus lágrimas. Son unas cavilaciones espasmódicas, que se mueven al ritmo del cuerpo. En sus propias palabras: “me gusta el pensamiento que conserva un sabor de sangre y carne, y a la

abstracción vacía prefiero con mucho una reflexión que proceda de un arrebato sensual o de un desmoronamiento nervioso¹³”. Podrá parecer a algunos que estas palabras arrancadas de su primer libro, aún están marcadas por una explosión de lirismo y metáforas un tanto cargadas. El Cioran joven, aquel que escribe tan poéticamente en rumano, es también aquel que siente un incommensurable dolor por la conciencia de su materialidad, basta hojear sus obras de esta época para advertir el momento de desesperación que atravesaba por verlo todo sin poder hacer de lado la conciencia de su cuerpo. Aunque algunos pretendan ver en la obra rumana un simple ejercicio pomposo de metáforas que no hacen más que rayar en la retórica sin fondo, es innegable que este primer lirismo exacerbado se nutre de aquello que siempre será fuente en la obra de Cioran, a saber, la conciencia del cuerpo. Basta con recordar aquella superflua comprobación que él mismo reconoce fue su obra de principio a fin. Si bien es cierto que el estilo cambia entre el Cioran que escribe en rumano y el que escribe en francés, el trasfondo no se altera.

Se ha de aceptar que los libros del Cioran rumano, jamás alcanzaron la lucidez y precisión que expresara en la obra en

francés, pero en ellos ya están delineadas aquellas ideas que se concretaran magistralmente en el *Breviario* y en *La caída en el tiempo*, donde la conciencia del cuerpo, que en un principio es inspiración y pretexto de su pensamiento, pasa a reconocer su deuda hacia los ataques de la enfermedad¹⁴. Querer negar que exista una imagen del cuerpo, como su lastimosa conciencia que provoca la enfermedad, es propio de las interpretaciones que nacen del apego a lo dicho hasta ahora respecto a la idea del cuerpo-caverna, y también de un espíritu que sigue prendado de lo absoluto. Si bien es cierto que en la obra rumana es en donde más cargada aparece dicha imagen, ésta nunca desaparece.

Es en la segunda parte del *Breviario* donde Cioran parece evidenciar las fuentes de donde se nutre su lógica pensante, mostrando que una obra como la suya, siempre se mueve erráticamente, por lo que nunca se podrá entregar a la *honestidad* del argumento, la suya es más inherente al eterno murmullo del cuerpo. Si en su obra rumana Cioran habla del canto del cuerpo, de donde brota toda idea, en la época de la escritura francesa, la misma idea se condensa con un tono de sinceridad y algo de espanto: “las estaciones del espíritu están condicionadas por un ritmo

orgánico; no depende de *mí* el ser ingenuo o cinico: *mis verdades son los sofismas de mi entusiasmo o de mi tristeza*¹⁵”

De esta preferencia por la carne, Cioran parece estar reinvectivando el pensamiento; para él, éste debe primeramente librarse de toda pasión mal sana antes de poder siquiera entender que toda idea guarda algo del peso del cuerpo que la genera: “son nuestros sufrimientos los que dan cierto peso a nuestros pensamientos¹⁶”. Pero esto solamente se advierte cuando se ha difuminado toda niebla del pensamiento, cuando hemos salido del embrujo y se llega a comprender que en toda idea hay algo que hiede a carne.

Wittgenstein manifestaba la tarea de la filosofía como: “una batalla contra el embrujamiento de nuestra inteligencia¹⁷”. En tal sentido, Cioran aún podría guardar algo de filósofo, él pretende generar un pensamiento cargado de llamas y arrebatos que tengan influencia del mismo cuerpo, pero para poder hacerlo, primero hemos de volver a la naturaleza primigenia de la idea: “En sí misma toda idea es neutra o debería serlo; pero el hombre la anima¹⁸”.

Y he ahí de donde brota el embrujo, de la pasión con la que se cree en una idea. El propio pesaje del pensamiento se vuelve una insólita pesadez, no en el

sentido de una gravedad que remite al cuerpo, sino en el de carga, en el de obstrucción. Esta transformación de la idea en creencia, en absoluto, lleva a Cioran a percibirse que se ha dado un paso fatal, a saber, el desequilibrio que provoca la filosofía y sus sistemas en el orden de las cosas, y con ello la preeminencia del ideal inmaterial que terminara bloqueando el devenir del propio pensamiento y su continuidad con la materia.

Una vez que el hombre ha anulado el terror y ha exterminado cualquier rastro de zozobra y desasosiego del cuerpo, nada le cuesta apartarse de la *neutralidad* de la idea, dar ese paso fuera de ella es el beneficio de encontrar suelo firme, pero es también el paso del engaño. Con la misma confianza y seguridad que la idea le infundió en un principio, es momento de retribuir el calor, de transformarla en creencia, en doctrina, en ídolo de un futuro brillante, o simplemente de asumirla como verdad, como su verdad: “En cuanto concibes algo, te apegas a ello. En cuanto tienes una idea, te alegras de tenerla (...) toda idea está expuesta a convertirse en pasión y, por tanto, en un peligro. Es un proceso absolutamente fatal. No hay idea absolutamente neutra, hasta los lógicos son apasionados¹⁹”.

La historia tampoco soporta la *neutralidad*, detesta el quietismo. La humanidad vive con un espíritu prometeico que la hace una masa que revienta de ideales. La sociedad no soporta la falta de compromiso, hay que adherirse a alguna bandera, hay que distinguir al fiel del cismático. En este mundo: “nadie se cruza de brazos: somos más afanosos que las hormigas y la abejas²⁰”.

Bajo el aguijón de lo desconocido y del desasosiego, el hombre disimula persiguiendo una meta, se fascina con arquetipos deslumbrantes, se entretiene con el embrujo de sus proyectos, pone su fe en una idea de progreso, se empeña en adular a estas pústulas del pensamiento. “De ello resulta el fanatismo — tara capital que da al hombre el gusto por la eficacia, por la profecía y el terror—, lepra lírica que contamina las almas, las somete, las tritura o las exalta²¹”.

Según Cioran, se necesita estar en una inundación extrema de razón o locura para seguir buscando seguridad en el orden de lo absoluto y de lo abstracto. Increíblemente, el hombre lo está. Incluso un error es fecundo, aferrarse a algo, aunque sea falso, es preferible a entregarse al vacío y a la Nada que nos tientan. Irrisorio resulta percibirse de que el hombre no puede evitar dejar de entregar su confianza a lo

primero que le cruza la cabeza, se entrega a la creencia de que la salvación está en las alturas, en el “topus uranus”, en la mente de Dios, la “hegemonía de la mirada” pudo más que la fuerza de los otros sentidos. Los ideales, los pensamientos de obediencia a la lógica, las ideas arquetípicas, nos han propiciado una obnubilación de los sentidos. Obligados por este trastorno, lo convertimos en explicaciones de lo real, les damos el carácter de teorías, las volvemos leyes, y nos encomendamos a ellas para mantener el orden estatuido.

Cuando el hombre está plenamente convencido de algo, se desatan los demonios del movimiento, es hora de dar paso a la actividad. Puesto que, en este universo nada está en su sitio, la acción en que desencadena las llamas de las creencias no puede producirse más que para encadenar al hombre a la pesadilla de los fines. Sísifo y su fardo a cuestas. El gusto por la acción, por el obrar, es condenarse a no rematar nunca nada, es emprender la subida de la montaña para jamás alcanzar la cima. Cada movimiento que comenzamos no hace más que defraudarnos, nos condena. Actuar es pactar con Mefistófeles y perdernos para siempre en un afán absurdo.

Ideas que brotan ingenuamente y que

engañosamente el hombre encuentra en ellas algo sobre lo que descansar su cabeza, vueltas creencias, comienzan a irradiar una ficticia sensación de seguridad, entonces, el hombre se decide a ejecutarlas y con esto inicia el escandaloso camino del fuego destructor y creador de la acción. Apartado de la neutralidad de la idea, el hombre adquiere el gusto por la eficacia.

Gran parte de la obra de Cioran pone en evidencia el estado de estulticia en el que el hombre se refugia. Una vez más es la gran desconfianza que muestra Cioran hacia el apego y el gusto por la acción lo que le impedirá entregarse al fuego de la creencia. Si Cioran critica al creyente, al fanático, es porque su escepticismo parece hacerle consciente de los engaños que se tejen al otro lado de cada postura, únicamente fiel a la corrosión de la duda, Cioran se aleja de todo fuego esperanzador. “Cioran, pensador irredento, desesperanzado del mundo luminoso de la razón, de ese trabajo de la razón que consiste en inventar unos encadenamientos, unas relaciones, un sentido, —Cioran se recrea— en fabricar lo neutro, lo indiferente, en desmagnetizar las constelaciones, las configuraciones inseparables para convertirlas en elementos erráticos²²”.

Ante la estulta pasión y necesidad de casi toda la humanidad por el supuesto fundamento que le aportan ficticiamente la creencia y la acción, Cioran se muestra reacio y desconfiado. La duda le hace repeler todo indicio de fe, su postura escéptica parece ser una especie de tela que se le adhiere a toda su materia corpórea para evitarle ceder al calor que emana de la errática seguridad del creer. Pero su imposibilidad de ejercitarse en un dudar que acabe de una vez por todas con todo engaño, le hacen permanecer simplemente en un espacio vacío, en la *neutralidad* de la idea, lejos de todo encadenamiento a la acción, y de todo gusto por los catastróficos sí al mundo. Pero en este punto, el escéptico que encarna Cioran, todavía guarda vagos restos por un gusto extraño y poco accesible, se trata de esas temibles ganas por un universo sin vínculos, por extraviarse en la Nada, por quedar sin forma y sin contenido, vacío. Tal vez la añoranza de un estado anterior al nacimiento le hace “apasionarse” por la liberación de los actos.

Presa de una feroz vacilación, Cioran quiere permanecer en el espacio inicial de la idea, en ese espacio primigenio, en la ausencia anterior al acaecimiento al Ser. Son las primeras páginas, de la

que hasta la fecha, es considerada su obra más lúcida y excelsa, las que explican y dan cuenta de ese extraño gusto por la *neutralidad* inicial de toda idea²³. Para el lector atento, dichas páginas del *Breviario*, muestran el último gusto que Cioran guarda. No resulta exagerado decir que tal vez, sólo tal vez, la idea de vacío permiten pactar con la existencia y volver al acto, en un movimiento no desesperado, sino lúcido, libre de los oropeles de la mistificación y de la mueca de las apariencias²⁴. Al igual que la idea de suicidio permite seguir con la vida, la de lo neutro y de vacío, le ayudan al escéptico a continuar. Recordar que el desenlace de practicar la duda, es la inacción absoluta, al querer entregarse a ésta, Cioran se enlaza a la neutralidad originaria de la idea.

Al repudiar los *Sí* al mundo, Cioran intenta permanecer vacío de toda creencia. Como se ha explicado, la necesidad del hombre por encontrar tierra firme anima el dogma. Dar un *si* es permanecer en el orden estructural de la estulticia, es alejarse de aquello que Diógenes buscaba con su linterna. Es nublarse el pensamiento y encadenarse por la opacidad, y comenzar a quebrantar la medida que alguna vez existió entre la luz de la razón y las tinieblas del abismo.

El pensamiento de Cioran

reacciona contra el dogma, quiere ver difuminado todo fanatismo, quiere ver detenida toda confianza en las apariencias de lo real, sin embargo, el camino que sigue no se sitúa en lo contrario, oponerse al fuego de las creencias y de la fe por medio de la negación, es un acto que el alma escéptica jamás estará dispuesto a ejecutar: "porque nadie podrá impedir que la negación, pese a las reservas que inspira, sea origen de acción o de certidumbre: cuando se niega, se sabe lo que se quiere; cuando se duda, se acaba no sabiéndolo²⁵". El camino de la negación, del *No* al mundo, no resuelve nada, al contrario, nos estanca en la idolatría ciega al dogma. Por esto, es que Cioran no es un mero nihilista, su pensamiento no se yergue para negar las creencias del fanático, sino que se establece en un punto de indeterminación, puesto que quiere restablecer el equilibrio entre la luz y la noche, su escepticismo pugna por instalarse en la medida de lo *neutro*, lejos de todo *Sí*, pero también de toda negación, pues el *No* también es fecundo, su poder destructivo es un poder que el practicante del escepticismo se rehúsa a ejercer. Destruir por la negación es creer, es crear y actuar, es permanecer en la obnubilación del pensamiento.

Tanto la afirmación como la negación aparecen cargadas del

calor de la fecundidad. Si bien Cioran reconoce una sensación de emancipación en el negar, ésta jamás es lo bastante duradera para librarnos de toda niebla, antes bien, termina por volverse un mero ejercicio de desesperación. Ambas aprisionan al hombre en una creencia fija, ambas dan la ficticia apariencia de alcanzar la certeza total en cuanto se les toma en serio. Una cadena como cualquier otra²⁶. De la misma naturaleza, el estulto que crea, que afirma, no difiere cualitativamente de aquel que niega, del que destruye, ambos son presa de un estancamiento donde sus creencias valen la pena, ambos permanecen en el engaño, conservando la esperanza de sus sueños.

El pensamiento de Cioran, que se pretende a sí mismo purgado de todo delirio y de toda pasión malsana, encuentra en el total *abandono* el terreno indeterminado de la *neutralidad* primigenia de la idea.

Si la obra de Cioran puede leerse como el diario de una *desintegración*, es debido a que todo su andar puede verse estancado en el *abandono* al que lo llevan la totalidad de sus dudas. Su propia letra nos dice: "no puedo concentrarme en nada, todo me aburre, todo me invita a la dispersión. (...) Soy un obseso disipado, que derrocha y pulveriza sus obsesiones²⁷". No

es, pues, ni la afirmación ni la negación donde Cioran se deleita, es en la *neutralidad* inmóvil de la dispersión. Esto no es una invitación a la quietud, en todo caso, es un inexpugnable gusto por la *inutilidad*.

El pensamiento de Cioran es una empresa que se mueve solamente para restaurar y difuminarse en el equilibrio de tiempos inmemoriales, donde la *neutralidad* de la idea era signo de un pensamiento venido de un oscuro temperamento. Y éste revela los intrínsecos secretos de la distención del universo, donde el andar que emprenderá será recorrido sólo en ocasiones únicas.

Para Cioran debemos de librarnos de esa fiebre, de toda pasión que incline fuera de la *neutralidad* primera del pensamiento, tenemos que acceder a un momento de lucidez feroz que nos muestre los extremos, y si hay algo en la obra de Cioran, es precisamente eso, accesos de lucidez. Pero ¿Qué es eso que se da en nombrar como lucidez? ¿No es una vez más el juego entre el sol y las profundidades de la caverna? Aproximémonos a lo que podemos entender como tal.

L e e m o s : “Lucidez: Condición de lucido, lúcido: luciente, luminoso o transparente (aplicado a las personas y sus ideas). Clarividente (aplicado al

estado de personas o de su mente); en condiciones de pensar naturalmente. Despejado de fiebre o libre de delirio o de locura, en un intervalo entre dos accesos”.

La parte más esencial de esta caracterización se nos ofrece en la parte final de ella, “un intervalo entre dos accesos” de aquí se puede pensar multitud implicaciones, desde algunas que pueden oscilar entre la mirada y su hegemonía, hasta las que pueden pender de una semántica y semiótica con su referencia a la luz. Lo que es cierto, es que el lúcido y su pensamiento están libres de la fiebre, el delirio o la locura que genera el desequilibrio y gusto por lo absoluto, lo inmaterial a cargo, es, por un momento, la normalidad del pensamiento mismo, representa la idea que no se deja arrastrar. “Pero tal condición es inestable; la lucidez se alcanza como intervalo entre dos accesos de arrebato, es sólo un islote en la turbia condición del delirante²⁸”. Intervalo que tal vez no entraña estar fuera también del delirio de la carne.

Todo delirio u obnubilación por lo inmaterial, se desvanece por unos instantes, el lúcido entonces queda en ese intervalo fuera de toda fiebre, pero él mismo sabe que ésta ha de reaparecer. Lo que más vértigo le proporciona es esa separación de

la niebla del pensamiento, ese abrupto momento que se abre de las entrañas de su ser entre él y el mundo, entre su propia carne y una abstracción enfebrecida; advertirá entonces hasta qué punto las luces de nada sirven en un espacio vacío y completamente blanco, experimentara la extrañeza de la plena normalidad y neutralidad del peso de su pensamiento, libre de todo desequilibrio, cerrara los ojos y caída será total, accederá a un vacío pletórico: “La fiebre desaparece y te sientes otra vez desencantado, normal en exceso. No más ambiciones, no más posibilidades, pues, de ser algo o alguien; la nada en persona, el vacío encarnado: glándulas y entrañas clarividentes, huesos desengañados, un cuerpo invadido por la lucidez, puro en sí mismo, fuera de juego, fuera de tiempo, sujeto a un yo congelado en un saber total *sin conocimientos*²⁹.

Sólo ese intervalo, ese pequeño momento es el único que se tiene para poder advertir la neutralidad verdadera y el peso de un pensamiento, no a la luz, sino a la revelación de una arealidad que permite entrever la posibilidad de separar lo finito de lo infinito, el lazo que hace continuo a la carne con el pensamiento, vínculo que marida la enfermedad con la lucidez. Un pensamiento de momentos

únicos, en espacio, preciso y extenso, momentos posibilitados por la materia que le es fértil.

Notas

1. Cfr. Cioran, Emil. Desgarradura. Montesinos, Barcelona, 1989, I.
2. Cfr. Foucault, Michel, Las palabras y las cosas. Siglo XXI, México, 1999, I y II.
3. Cfr. Platón, La República. Gredos, Madrid, 2005, VII.
4. Cioran, Emil. El ocaso del pensamiento. Tusquets, Barcelona, 1995, p. 95.
5. Cfr. Hume, David, Tratado de la naturaleza humana, Germika, México, 2002, parte dos.
6. Cioran, Emil. Desgarradura. Montesinos, Barcelona, 1989, p. 7.
7. Cfr. Savater, Fernando. Ensayo sobre Cioran. Taurus, Madrid, 1980, p. 34.
8. Cfr. Starobinski, Jean. Razones del cuerpo, Cuatro, Buenos Aires, 2005, pp. 37—49.
9. Cfr. Descartes, René. Meditaciones metafísicas. Gredos, Barcelona, 2001, Primera meditación.
10. Cioran, Emil. El aciago demiurgo. Taurus, Madrid, 2000, p. 102.
11. Cfr. Cioran, Emil. La caída en el tiempo. Tusquets, Barcelona, 2003, III.

12. Cioran, Emil. *El ocaso del pensamiento*. Tusquets, Barcelona, 1995, p. 214.
13. Cioran, Emil. *En las cimas de la desesperación*. Tusquets, Barcelona, 2003, p. 44.
14. Cfr. Cioran, Emil, *Breviario de podredumbre*, Punto de lectura, Madrid, 2004, pp. 195-220, 326-331. Y: *La caída...* pp. 107-122.
15. Ibid., p. 199.
16. Ibid., p. 76.
17. Cfr. Wittgenstein, Ludwig. *Investigaciones filosóficas*. Crítica, Barcelona, 1990, p. 37.
18. Cioran, Emil. Op. cit., p.29.
19. Cioran, Emil. *Conversaciones*, Tusquets, Barcelona, 2001, pp. 50-51.
20. Cioran, Emil. *Breviario...* p. 105.
21. Ibídem, p. 31.
22. Constante, Alberto. *La mirada de Orfeo. Aquesta Terra*, México, 2000, p. 209.
23. Cfr. Cioran, Emil. *Breviario...* pp. 29-38.
24. Cfr. Astier, Ingrid. *Un lyrisme de la négation*. Posfacio a: *Exescices négatifs*, P.U.F. París, 2009, p. 224 y ss.
25. Cioran, Emil. *La caída...* p. 76.
26. Cfr. Cioran, Emil. *La tentación de existir*, Taurus, Madrid, 2000, pp. 189-191.
27. Cioran, Emil, Cuaderno de Talamanca, Pre-textos, Valencia, 2002, pp. 45-46.
28. Savater, Fernando. *Ensayo....*pp. 31-32.

Хосе Антонио Чавес Рамирес – маэстро философии, преподаватель-исследователь факультета Архитектуры Автономного университета штата Мексико.

Maestro en Filosofía José Antonio Chávez Ramírez es profesor-investigador de la Facultad de Arquitectura de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Jose Antonio Chavez Ramirez – Maestro of Philosophy, lecturer and researcher at the Faculty of Architecture of the Autonomous University of the State of Mexico.

Хавьер де ла Фуэнте Роча
**Жиль Делёз: дискурс о различии и его значение для науки
и философии**

Javier de la Fuente Rocha
**Gilles Deleuze: discurso sobre la diferencia y su importancia
en la ciencia y en la filosofía**

Javier de la Fuente Rocha
**Gilles Deleuze: the Discourse of the Distinction and its Implications
for Science and Philosophy**

Опираясь на концепцию Делёза, автор предлагает другое видение различия, которое, принимая во внимание тотальность и становление мира, представляет последний многообразно содержательным, иными словами, наполненным различиями. Анализируя методические возможности науки и философии, автор намечает наиболее общие линии рациональной герменевтики.

Ключевые слова: Жиль Делёз, дискурс о различии, разнообразие мира, рациональная герменевтика

El autor, apoyándose a la concepción de Deleuze, propone otra visión de la diferencia, a partir de que, al considerar la totalidad del mundo, y su devenir, encontramos multiplicidad de contenidos, es decir diferencias. Se analizan las posibilidades metodológicas de la ciencia y la filosofía y se proponen los lineamientos más generales de una hermenéutica racional para la ciencia y la filosofía.

Palabras clave: Gilles Deleuze, un discurso sobre la diferencia, la diversidad del mundo, la hermenéutica racional

Based on the concept of Deleuze, the author offers a different vision of the differences, which, taking into account the totality and the formation of the world, sees the world as filled with differences. Analyzing the methodological possibilities of science and philosophy, the author outlines the most common lines of rational hermeneutics.

Keywords: Gilles Deleuze, a discourse on the difference, the diversity of the world, the rational hermeneutics

Gillez Deleuze publicó en 1968 su obra: diferencia y repetición. Ahí propone que la diferencia, presente en las disparidades y desemejanzas, no es pensable a partir de la representación; pues, sólo es posible representarla cuando se somete a la identificación conceptual, a la oposición de predicados, a la analogía en los juicios, ó a la semejanza en la percepción¹.

La diferencia no es pensable, para Deleuze, ni en lo infinitamente pequeño del cálculo infinitesimal leibniziano, — pues a su entender, tal postura, trata de “conquistar lo finito mediante la identidad analítica infinita²” — ni tampoco es pensable en lo infinitamente grande, expresado en el movimiento de contradicción Hegeliana, la cual, a juicio de Deleuze, inscribe lo inesencial en la esencia, pues pretende que la contradicción sea la más grande diferencia, pero pensada con relación a lo idéntico³.

Considera, este autor, que nunca dos cosas son la misma. Critica la identidad platónica del mundo de las ideas, consideradas como “*posición de identidad como esencia de lo Mismo*⁴”. Dice: “... desde el momento en que se reduce la Idea a lo Mismo, o a la identidad de un concepto, lo negativo empieza a adquirir

auge⁵”. Para él, es en la idea donde se encuentra lo diferencial, y los conceptos a su vez se encuentran integrados por otros conceptos que vinculan diferencias que el Ser distribuye a sí mismo⁶. Pero no es posible hacer de toda diferencia una diferencia conceptual, por lo que es inalcanzable un concepto que comprenda la diferencia⁷. Para él, diferencia en intensidad es el ser de lo sensible⁸; no subordinada a la semejanza. Tampoco subordinada a la limitación o a la oposición, ni a lo negativo. La diferencia se da sin negación⁹.

La diferencia, según este autor, ha sido subordinada a la identidad, creando, en la representación, formas de ilusión trascendental en la sensibilidad, en el pensamiento, en la idea y en el ser, llevando a considerar al sujeto pensante como idéntico¹⁰. Así, la Idea inaugura los iconos que constituyen la representación, es decir que se convierte en fundamento de la misma¹¹. Pero posteriormente se considera que lo idéntico es un carácter interno de la representación, con lo que el la representación se hace infinita. Se otorga así, a la Idea, según Deleuze, una identidad, que por sí misma no tiene¹².

Para Deleuze, la idea carece de identidad y de actualidad, pues es virtualidad pura, e indiferenciada¹³. La materia y la

forma no son separables. La materia se encuentra informada, y tal pareja es interior a la representación¹⁴. El pensamiento determina en base a la diferencia.

La diferencia es un conjunto de relaciones diferenciales, experimentables en sí mismas, a partir de las cuales el sujeto categoriza y unifica creando conceptos unificantes tales como las sensaciones y las ideas, pero incapaces de trascender la experiencia.

Por otro lado, cuando Deleuze considera que la Idea es virtualidad pura e indeterminada, confunde a esta con el concepto de la misma. La Idea no se crea racionalmente, sino que resulta del encuentro de una totalidad propia, correspondiente a un contenido parcial del mundo percibido. No cambia por ser propia, encontrada en la percepción, y no una creación o construcción conceptual, que trate de expresarla mediante la creatividad lingüística ó simbólica.

Deleuze, al negar la identidad, de manera general, la niega en la mismisidad del ente. Éste, si bien, en el continuo devenir cambia un infinito número de veces, ello es sólo resultado de un intento de intelección humana, en la que

se trastocan cantidades continuas, en cantidades discretas. Es cierto que la identidad, como igualdad, no se da en momentos diferentes, aún cuando su diferencia en el tiempo sea infinitamente pequeña, pero ello no niega que se de en la simultaneidad de todo contenido perteneciente a ese infinito de tiempo.

Si se habla de diferencia, no es debido a la identidad conceptual, ni se debe a una exclusiva mismisidad de la Idea. La mismisidad, abarca la totalidad del Ser, considerado en su infinitud propia, y en la de sus diversas maneras de expresarse en la existencia. La diferencia surge del cotejo de contenidos que varían de algún modo en el devenir. La identidad no es un producto del hombre, sino la mismicidad, de la que éste se apercibe, y que se convierte en rectora de su pensamiento, en tanto que principio de identidad. El mismo discurso deleuziano requirió, para su estructuración del principio de identidad. Sin él su misma propuesta sería impensable.

Después de las consideraciones previas podemos hacer el siguiente discurso en relación a la diferencia y a su importancia en la ciencia y en la filosofía: Dentro de la unidad del mundo,

que su totalidad integra, encontramos la presencia de la multiplicidad de sus contenidos. El mundo de las sensaciones abre la puerta del conocimiento, diría Kant, a través del acceso a la materia del fenómeno y, también, según dicho autor, gracias a las formas puras de la sensibilidad, es decir, las intuiciones del tiempo y del espacio; las cuales, en conjunto con las formas puras del entendimiento, llevan a una ordenación de la materia del fenómeno.

En otras palabras, en tal concepción epistemológica, el mundo cognoscible, es enlazado gracias a las funciones de la mente y es ello lo que posibilita al ser humano conocer esa realidad que hace presencia en su ser.

Si nos preguntamos por las diferencias, es decir, la multiplicidad de contenidos encontrados en nuestra percepción, de inmediato nos damos cuenta que se nos presentan de una manera innegable; y que gracias al acceso que a ellas tenemos, es posible no quedar atrapados en un universo homogéneo, en el cual, carece de sentido la distinción, en donde el todo y las partes se identificarían en una absoluta mismicidad.

La diferencia es condición del entendimiento de las cosas

y, es ella la que nos permite distinguirnos en una realidad, en la que nos encontramos inseparablemente integrados. Es ella la que posibilita la conciencia del cambio, y con ello, la del movimiento y el devenir.

Es la diferencia la que permite señalar la realidad actualizada, de la que, quedó simplemente en el pluscuamperfecto y de la que nos habla Mijail Malishev¹⁵; es decir: entre lo que es y lo que podría haber sido. También, es la diferencia la que permitió que existiésemos nosotros como lo que somos y no otros. Es ella la que permite conocer la variación de las posibilidades en la acción, y prever diferentes escenarios consecuentes a las mismas. Por tanto su conocimiento es condición necesaria para convertir la vida humana en existencia escogida.

Es la diferencia la que permite reconocer lo previamente conocido, de lo que previamente fue ajeno a la conciencia. Es ella la que permite distinguir dos gotas de agua, o la misma gota en dos momentos diferentes; o la misma de la reflejada en un espejo.

Es la diferencia la que permite reconocer el crecimiento, la juventud y la vejez, Es ella la que permite

separar la ignorancia del conocimiento, y del mismo modo hace posible encontrar la incoherencia en el discurso, o reconocer la coherencia de lo que se dice, con lo que se dice.

La diferencia se da a la conciencia cuando en la mente se hace presente el mundo del ser humano, que es parcialidad infima de la realidad, de la que es parte. En ella surgen procesadas las diferencias. Procesadas por el aprendizaje previo, por las vivencias del pasado, por la participación de las emociones, por las intensidades variables, por la velocidad de los cambios, por las diferencias en la atención y en la motivación humanas.

La diferencia también aparece en las imágenes, tanto en los estados de vigilia, como en las que se presentan en los sueños y, también, las hay en las ideas. Diferencias, que no son sólo intersubjetivas, ni aquellas que se generan en el devenir de la existencia de un mismo sujeto, sino en la misma idea, pues, por ejemplo, en la idea de triángulo puedo distinguir los ángulos de las rectas, y lo unido de lo separado; y en la idea del círculo el centro del perímetro, y de éste los segmentos del arco que lo integran.

Un pensamiento puede parecer idéntico, al no mostrar

diferencias consigo mismo, cuando se considera como abstracción pura, aunque en la acción, del pensamiento, presente diferencias en los diversos momentos de su consideración, puramente referidos al tiempo en que fue pensado, aún cuando no hubiesen variado otros contenidos.

Los estados de ánimo también presentan diferencias. Estos pueden llegar a grados extremos; tal sucede cuando se considera la sensación de bienestar pleno, o la depresión del suicida. Así mismo hay diferencias sutiles, como las fluctuaciones de la intensidad amorosa en el devenir, y en la diferencia de las circunstancias.

Las interacciones humanas generan diferencias continuas múltiples, a manera de redes complejas, en una interconexión de modificaciones dialécticas, a manera, a veces, de circuitos reverberantes, mostrando, en los mismos, diferencias en sus diversos elementos constituyentes. La historia se define como la diferencia actualizada que resulta de la interacción dinámica de la totalidad de diferencias que en ella participan, es decir cada uno de los diferentes seres humanos, cada una de las diferentes circunstancias, cada uno de los diferentes

antecedentes, etc.

La vida y la muerte se expresan como la diferencia entre los posibles y los imposibles de natura. La felicidad es a expresión anímica que resulta de estar en la manera, que es diferente, dado su coherencia con las motivaciones del individuo.

El comportamiento de la naturaleza es diferente, varía con el fenómeno que se estudia y con las circunstancias del mismo. Se han querido reducir las diferencias a comportamientos promedios y matematización de sus variaciones, por medio de los procedimientos estadísticos. Se alcanza así no la igualdad con todas las variaciones, sino una nueva diferencia, que trata de representar a las diferencias consideradas y, la cual, en si misma es otra diferencia, que ha permitido al ser humano acercarse al conocimiento de los fenómenos.

El ser humano es capaz de crear con su imaginación diferencias que previamente no existían en el mundo. Es la misma creatividad de diferencias, la que da lugar a diversos modos de vivir, es decir a la diversidad cultural, y también a las diferencias creativas en sus expresiones, es decir en el arte.

Es cierto que las

diferencias generacionales expresan el reconocimiento de lo que la nueva generación considera los fracasos de sus antecesores, y trata de corregirlos creando con su imaginación diferencias nuevas, las cuales vienen a generar cambios revolucionarios. Así surgen diferencias en las costumbres, en las maneras de vestir, hablar, comportarse, valorar, etc. y tales diferencias son compartidas por las nuevas generaciones, las cuales se identifican por medio de tales diferencias, además de las biológicas.

La diferencia es propia de una realidad compleja, que impone al ser humano, que ha querido hacer ciencia, la obligación de observar, suponer y luego tratar de comprobar experimentalmente sus conjetas, además de tratar de poner de manifiesto su exactitud por medio de intentos de refutación. Cada hipótesis es una diferencia que viene a agregarse a las ya existentes, pero no todas las diferencias creadas a manera de hipótesis se corresponden con las diferencias del mundo considerado en la totalidad asequible a la mente humana, la cual en su devenir histórico adquiere nuevas conciencias de diferencias no consideradas, lo que viene a revolucionar las

concepciones de las ciencias. Ello obedece al reconocimiento de la insatisfacción teórica, diferencia surgida por la incoherencia no interna de la teoría, sino de esta con los fenómenos que se interpretan y ya no resulta posible entender. La teoría en tales condiciones es diferente de lo deseable a los propósitos de la ciencia, y con ello aparece la necesidad de crear nuevas formas teóricas.

La enorme cantidad de diferencias que se presentan al científico, en el estudio de los fenómenos hace que cada experimento presente variaciones, y por ello limita sus variables y las controla. Sin embargo sus generalizaciones, obtenidas de la inducción, siempre han resultado contingentes, y la marcha de la ciencia natural es diferente a la de las ciencias formales.

A pesar de todo ello, el científico pretende acercarse al conocimiento de las diferencias de las relaciones entre diversos elementos, que permiten entender el comportamiento del mundo, para obtener con ello una cultura diferente que permita a su vez una humanidad con más conocimientos científicos.

Pero las diferencias dadas por el crecimiento científico y tecnológico, no van de la mano con las diferencias que expresen

un crecimiento en el respeto humano. Ello genera las diferencias actuales en la calidad de vida de la humanidad.

Las constantes lógicas son diferentes de la materia a la que se aplican, y ellas mismas son diferentes de aquellos principios de donde surgen, los cuales a su vez son diferentes del origen que los justifica; pues los principios lógicos no tienen fundamento en la lógica misma, y sin embargo, sin ellos, carecería de sentido cualquier ciencia, o filosofía, en tanto que posibilidad de comprensión del mundo. Los mismos que señalan la falta de fundamento racional de los principios lógicos, han presentado su discurso en términos lógicos, con lo que avalan lo que por otro lado tratan de refutar. Es cierto que ignoramos su origen, pero como señalan los abogados nadie puede valerse de su propia ignorancia. Estamos ante la diferencia entre lo conocible y lo no conocible.

La diferencia es un hecho; pero hablar de la diferencia lleva a la consideración del concepto de identidad, pues sólo puede ser diferente lo que no es idéntico, y el concepto de identidad ha sido cuestionado en la filosofía contemporánea, y particularmente por Gilles Deleuze. Es verdad que en el

devenir, el tiempo es un infinito, es decir, un continuo divisible en infinito número de partes y por tanto los modos de ser se dan en un infinito número de modos, siempre diferentes, al menos en el tiempo, si no es que en muchos otros aspectos. De ese modo podría considerarse que la identidad es sólo una abstracción, que no corresponde al mundo. Sin embargo hay que considerar que tal infinito es continuo, es decir sin interrupciones, y por lo tanto es una unidad y que en cada uno de sus infinitos componentes, un ente considerado tiene identidad consigo mismo.

Como puede verse, si bien es verdad que los entes se dan en una variación continua con infinito número de entes diferentes, en el devenir, también es cierto que hay un infinito número de identidades, de cada ente, consigo mismo, considerado en cada momento infinitamente pequeño, y dando lugar a una sucesión infinita de identidades.

En otras palabras, es gracias a que hay identidad, que puede hablarse de diferencias, puesto que se trata de términos correlativos; si bien es cierto que, la capacidad de recepción de sensaciones del ser humano se encuentra limitada en el tiempo, y por tanto sus

identificaciones tienen un sentido pragmático y no absoluto. Pero a pesar de nuestras limitaciones sensoriales, la velocidad de cambio de los entes permite en la práctica encontrar diferencias en los entes, que permiten continuar distinguiéndolos de los otros entes.

En síntesis, en este sentido podemos decir que la identidad no se afecta por la infinita posibilidad de división del tiempo y de los cambios, por un lado, y por otro que, la capacidad de conocer las diferencias es afectada por nuestras limitaciones sensoriales, sólo en cuanto a que conocemos por medio de secuencias formadas por elementos discretos tomados sin apego a la infinita continuidad.

Por otra parte, también hay diferencias en la interpretación del mundo y de sus leyes, y ahí, surge la ciencia, que trata de encontrar las diferentes relaciones, que aparecen al conocer metódicamente, mediante la observación y la experimentación ese mundo que se presenta en su multiplicidad y con sus dinámicas variaciones. Cada ciencia difiere en sus contenidos, los cuales son diferentes opciones de estudio, y en sus métodos. Sin embargo, aunque Claude Bernard — ejemplo de un

talento del método experimental — decía: “*la filosofía no enseña nada y nada puede aprender de nuevo por sí misma, puesto que no experimenta ni observa nada*¹⁶”, hay en realidad una ciencia que observa al conjunto de las ciencias, en sus caracteres particulares y generales, y de la misma manera que el astrónomo, no puede experimentar con los astros que observa, y sin embargo, pueden hacer ciencia; así, el filósofo observa las ciencias y experimenta al plantear diferentes interpretaciones posibles, de los principios que las rigen, las cuales luego pone a prueba, conformando de esa manera la filosofía de la ciencia, la cual ya es ciencia. Pero su labor no se limita a ser ciencia de las ciencias, como se ha venido diciendo en el pasado, sino que trata de penetrar en el conocimiento de un mundo, que abarca al arte, a los sentimientos, al entendimiento mismo de la realidad y la existencia. Por ello a filosofía además de ser ciencia de las ciencias, es interpretación, orientada a la comprensión de la realidad universal, cuyo único límite es el marcado por los límites humanos del conocimiento. En otras palabras, filosofía en la ciencia de la comprensión de las

relaciones generales que permiten la comprensión del mundo, y de sus diferencias, dentro de los límites de las capacidades humanas. Es la ciencia del conocimiento del “por qué” de las diferencias, que se fundamenta en la observación del “qué” de las mismas. Es una ciencia observational, no de lo puramente sensible, sino de las interpretaciones posibles del mundo, cuyo método general es, cuando racional, el análisis y la síntesis. La filosofía es hermenéutica, en tanto que ésta es entendida como interpretación coherente de los principios generales descubiertos en los hechos mismos, e integrados en una interpretación tan general, como le es posible al ser humano.

Ahora bien, en el momento mismo en que el científico enuncia una ley, en ese momento, ha dado un salto de lo observable, de lo experimentable, a un mundo de principios, los cuales constituyen las piedras preciosas que la ciencia busca, pero las cuales no pertenecen a las ciencias particulares, pues por medio de sus métodos clásicos le resultan inalcanzables. — Como se ve, la ciencia encierra aquí una contradicción entre sus pretensiones y sus

posibilidades. — Trata de obtenerlas mediante la inducción, sin embargo, ésta representa pretender haber pasado un abismo, que la ciencia misma ha reconocido, que le es infranqueable, al grado de que si lo salta, se encuentra con frecuencia que después de algunos años, se hace patente la inexactitud de sus principios. Ello resulta de una invasión indebida, por parte de la ciencia, a un campo de conocimiento, del cual, ella sólo es una parte, es decir de la filosofía. Claude Bernard erraba al no percatarse que la filosofía si observa y experimenta la totalidad cognoscible por el hombre; sobre ella medita, aprende y enseña. Sus interpretaciones del mundo son generalizaciones, que como tales, tienen un toque metafísico; sin embargo, y en última instancia, se encuentran arraigadas en la experiencia de las diferencias y de la identidad. En el devenir y en lo permanente. Saltar de la interpretación fundamentada en las implicaciones estrictas, e intentar generalizar en forma de leyes o principios, es ya haber pasado de la ciencia concreta a la ciencia filosófica. La ciencia tiene un acercamiento progresivo al conocimiento de los principios que rigen el mundo; ello se ve en sus

aplicaciones, sin embargo las diferencias siempre aparecen a medida que su ignorancia disminuye.

Tal dificultad de las ciencias concretas, radica en que las generalizaciones universales válidas, no le pertenecen a la ciencia concreta. Son incursiones atrevidas a un mundo que va más allá de la observación y la experimentación. Se trata de un mundo que sólo podría ser alcanzado en la abstracción coherente de una totalidad, de lo considerado. Tal condición rebasa al mundo experimental.

La ciencia matemática puede encontrar las leyes absolutas, gracias a que ha sabido partir del estudio de contenidos, cuyo número de variables se encuentra limitado, y los ha analizado exhaustivamente, antes de incorporar nuevas variables. En cambio las ciencias de la naturaleza, han querido comenzar estudiando fenómenos, en los que participa un gran número de variables, y ello la ha obligado a la matematización estadística de sus resultados.

Por su parte, la filosofía de la ciencia, tiene como contenido, material, el estudio de los principios que rigen a las ciencias. Los observa, los analiza, y trata de encontrar las

relaciones fundamentales, que hacen posible a las ciencias en general. Trata de encontrar, las diferentes leyes necesarias y suficientes a toda ciencia, abstraerlas e integrarlas coherentemente en una interpretación que las abarque en su conjunto. Así la filosofía de la ciencia es uno de los diferentes componentes de la filosofía, que puede ser abordado desde el punto de vista de una hermenéutica racional de su contenido. Tal interpretación abstracta se separa de la metafísica pura debido a que toda su interpretación, aunque organizada y sistematizada, como en toda ciencia, tiene como fundamento último la experiencia de las diferencias en el mundo, manifestadas en el continuo devenir, con el objetivo de buscar los principios que rigen las maneras o métodos científicos de su comprensión.

La filosofía y la ciencia pretenden penetrar en la abstracción de las identidades relationales que se manifiestan en el devenir de las diferencias. Estas constituyen el cambio permanente heraclitiano. Las primeras son las que expresa Pamménides en el poema del Ser.

Hay, en todo proceder científico, el estudio de las

diferencias, con la pretensión de comprender las identidades. El principio mismo de la comprensión presupone la identidad, sin la cual habría incoherencia en toda interpretación, lo cual imposibilitaría la hermenéutica racional.

El método hermenéutico racional de las ciencias, ha de partir del reconocimiento de que toda ciencia parte de la observación de los diferentes elementos que estudia, luego procede al análisis de los mismos, y habiendo señalado las diferentes implicaciones de los mismos, ha de establecer sus diferentes relaciones. Establecidas estas, surgirán nuevas implicaciones y en cada paso del proceso, habrá de integrar lo obtenido, es decir a un proceder sintético, coherente, en todos aspectos.

Si se quiere establecer leyes o principios, se deberá limitar los contenidos estudiados en cada paso, al máximo y, sólo abarcar la cantidad de variables que sea posible controlar. Si no se hace, así, obligatoriamente, habrá que recurrir al método estadístico y a renunciar a la formulación de leyes definitivas, pues las leyes propuestas tendrán siempre el carácter de provisionales.

En todo momento, la interpretación habrá de ser

susceptible de revisión y corrección si es necesaria. Si el mundo es diferencia, pero se rige por principios de identidad, entonces, el mundo es comprensible, la ciencia posible, la filosofía es una actividad con sentido. Si no es así, hablar es vano.

Notas

1. Deleuze Gilles (1968/1988). Diferencia y Repetición. Júcar Universidad. Madrid, p. 417.
 2. Ibíd., p. 419.
 3. Ídem.
 4. Ibíd., p. 421.
 5. Ibíd., p. 426.
 6. Ibíd., pp. 427-428.
 7. Dice Deleuze: "... nunca se alcanzará, de hecho, el infinito de la comprensión que pudiera hacer de toda diferencia una diferencia conceptual." Op. cit., p. 428.
 8. Ibíd., p. 423.
 9. Ibíd., p. 424.
 10. Ibíd., p. 422.
 11. Ibíd., p. 432.
 12. Ibíd., p. 434.
 13. Ibíd., p. 441.
 14. Ibíd., p. 435.
15. XVI Congreso Internacional de Filosofía, "Razón y Violencia" en Toluca, México, Martes 25 de Octubre de 2011. Mijail Malishev: Pluscuamperfecto Facultad de Humanidades.
16. Bernard, Claude (1859 / 1976). Introduction à l'étude de la médecine experimental / Introducción al estudio de la medicina experimental. París: Collège de France / Barcelona: Fontanella. En Introducción ó estudio da medicina experimental . La Universidad de Santiago de Compostela, Madrid por la fundación BBVA.

Javier de la Fuente Rocha es Doctorante en Filosofía de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Хавъер де ла Фуэнте Роча – докторант философии Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мексико.

Javier de la Fuente Rocha is Doctorante of Philosophy of the Faculty of Humanities at the Autonomous University of the State of Mexico.

Оскар Хуарес Сарагоса
Жиль Делёз: пересмотр диалектики в связи с понятием «идея»
Платоном, Декартом и Гегелем

Óscar Juárez Zaragoza
**Gilles Deleuze: revisión de dialéctica en torno al uso del concepto
de «idea» en Platón, Descartes y Hegel**

Oscar Juarez Zaragoza
**Gilles Deleuze: the Revision of the Dialectic in connection
with the Concept of «Idea» of Plato, Descartes and Hegel**

Мы обязаны Платону, Декарту и Гегелю наиболее тщательной разработкой понятия «идеи». Мы не будем вдаваться в детальное изучение каждой из упомянутых теоретических разработок, а будем это делать лишь в той мере, в какой Делёз вступает с ними в схватку, как с противником, которого необходимо победить, чтобы дать простор для нового философского дискурса, для *новой философии*.

Ключевые слова: Жиль Делёз, Платон, Декарт, Гегель, понятие «идей», новый философский дискурс.

Debemos a Platón, Descartes y Hegel algunas de las elaboraciones más precisas del concepto de la «idea». No nos adentraremos a un estudio detallado de cada una de estas elaboraciones teóricas, sino en la medida en que Deleuze las enfrenta como un enemigo al que es necesario vencer para poder dar lugar a un nuevo discurso filosófico, *a una filosofía nueva*.

Palabras clave: Gilles Deleuze, Platón, Descartes, Hegel, el concepto de «ideas», un nuevo discurso filosófico.

We owe to Plato, Descartes and Hegel the most thorough development of the concept of «ideas». We will not go into a detailed examination of each of these theoretical developments, and will do so only to the extent, that Deleuze enters with them into battle as the enemy, who must be defeated in order to give space for the new philosophical discourse, to *the new philosophy*.

Keywords: Gilles Deleuze, Plato, Descartes, Hegel, the concept of «ideas», a new philosophical discourse.

La determinación de la Idea en Platón, como concepto fundamental de la ontología, está motivada por la búsqueda de la verdad. Como es de sobra conocido, la idea se hace indispensable cuando se apela a una verdad eterna, válida por siempre, pero como ningún ente que se da en la materialidad permanece eternamente, hay necesidad de postular la existencia de algo que garantice esa verdad eterna, entonces se dirige la mirada hacia lo inteligible, es decir, hacia la idea. Para poder garantizar la verdad eterna la Idea debe poseer ciertos rasgos: ser primera respecto de todo lo segundo (prototípica), ser eterna, perfecta, delimitada, simple, donadora de forma, clara, brillante, esencial, etc. De todos estos rasgos que la Idea posee en la ontología platónica analicemos de forma detenida aquellos contras los cuales Deleuze arremete.

La idea es esencial. Sabemos, por los diversos estudios realizados sobre la obra de Platón, que la idea es únicamente esencia. En la idea no existe nada accidental. Por esa razón, cuando de conocimiento se trata, se debe buscar el conocimiento de la idea y no de las cosas materiales pues además de participar en mínimo grado de lo esencial, tienen un sin fin de accidentes que nos

impiden llegar al verdadero conocimiento, por ello las cosas materiales poseen una forma (esencia) sólo por *participación* y no en *si*. Las ideas son esencia en sí, en esa medida son eternas, lo esencial no cambia sin destruir al mismo tiempo la idea. Si algo cambia en la idea de hombre ésta se destruye; lo esencial permanece. Sin importar en que existencia se plasme la esencia de hombre, es la misma para todos los hombres habidos y por haber. De ahí el por qué la metafísica clásica siempre da mayor importancia al conocimiento de la esencia que al de la existencia. El conocimiento que se logra al conocer la esencia de algo es permanente, pues como hemos dicho anteriormente, la esencia es permanente. La Idea platónica es siempre esencial. Esto se constata, con mayor precisión, al momento de que Platón lanza la pregunta por la esencia *¿Qué es?* Dicha cuestión, pregunta por lo esencial, sobre todo indaga por la simplicidad de la esencia: la esencia en su simplicidad puede ser enunciada en la definición. La justicia es..., la verdad es..., etc. Por supuesto que la posibilidad de responder a la pregunta esencial, con verdad, implica un alejarse de las cosas materiales para encaminarse únicamente por el camino de lo inteligible. Desde esta

perspectiva el platonismo también puede presentarse como esa incesante lucha por separar de manera nítida lo inteligible de lo material; lo esencial de lo inesencial.

Uno de los muchos rasgos de grandeza de Hegel consistió en superar la dicotomía de lo esencial e inesencial del platonismo. Mientras que para Platón todo consistía en separar de manera clara lo esencial (Idea) y lo inesencial (material y sombras), para Hegel la cuestión es cómo hacer que lo inesencial (Idea enajenada) forme parte de lo esencial (Idea) sin alterarla. El concepto clave para lograr esta superación es el de *contradicción*. La *idea* es *contradicción*, en la medida que se contradice posee lo esencial y lo inesencial en sí misma, por ello en su seno está la *contradicción*. El recorrido que la idea debe realizar para ser idea libre está ya en el origen mismo. La idea es simplicidad. Su simplicidad esencial le permite realizar el tránsito de lo esencial a lo inesencial y, a su vez, de lo inesencial a lo esencial sin riesgo alguno de extraviarse. Si bien lo inesencial juega un papel dentro del despliegue de la Idea no por ello altera la esencia. Más bien su papel está siempre determinado por lo esencial. Lo inesencial al servicio de lo esencial.

Contra esta concepción de la Idea hegeliana, Deleuze, retomando a Leibniz, opone la *vicedicción* de la Idea que invierte los papeles: "...es lo inesencial lo que comprende a lo esencial y solamente como *un caso...*"¹. Al invertir los papeles es lo inesencial lo que comprende lo esencial, el cambio es significativo, no hay una esencia única, eterna, simple, limitada, etc., -no existe el eterno retorno de lo mismo-, que se *repite* de forma constante en cada existencia que la efectúa. No es la idea de hombre la que dona la esencia-forma de todos y cada uno de los hombres habidos y por haber, por el contrario, cualquier hombre como esencia es solamente un caso de la idea. La idea está más cercana al accidente que a la esencia. La pregunta por la idea no debe ser ¿qué es? sino ¿cómo?, ¿cuándo?, ¿quién?, ¿dónde?, etc. Con este tipo de preguntas la esencia pierde toda pretensión de eternidad. Ellas preguntan accidentalmente: ¿Cómo se da la verdad? ¿Cuándo se da la verdad? o ¿quién quiere la verdad?, por esta razón, sólo podemos responder accidentalmente. Mediante este cambio Deleuze nos introduce directamente al ámbito de los acontecimientos. Los acontecimientos son espacio-temporales. Acontecen y, al

acontecer efectúan un espacio y un tiempo que es esencial solamente en sí, solamente en cuanto que se constituye como ese acontecimiento que posee dichas propiedades y no otras. No hay una esencia anterior ni responde a finalidad alguna, únicamente es esencial en función de lo que efectúa. El camino que recorre el acontecimiento es de lo inesencial a lo esencial; el camino de la idea, según Deleuze. Lo esencial que se constituye dentro de la idea es solamente un caso de los muchos que pueden constituirse en ella sin existir esencia anterior alguna que determine su existencia o su posibilidad, ni mucho menos, su finalidad. Dentro de la idea de sociedad pueden darse muchas sociedades que darán cabida a lugares espacio-temporales que no responden ni reproducen una esencia única o eterna, sino más bien, cada una de ellas establece sus propias relaciones mediante las cuales efectúa su esencialidad correspondiente exclusivamente a ella. No cabe duda que toda sociedad necesita una institución económica, política, educativa, etc., pero cada una de las sociedades establece una serie de relaciones entre estas instituciones que las hacen diferentes una de otra. No hay, por lo tanto, una Idea esencial que anteceda a toda sociedad y la

determine a ser de éste y no de otro modo; por el contrario, es la inesencialidad de la idea, como multiplicidad, la que permite el surgimiento de diversos tipos de sociedad que son diferentes, sobre todo, en función de las relaciones que establecen en su interior. La Idea es diferencia y diferenciante. Deleuze dice: "La máquina feudal conjuga nuevas relaciones con la tierra, con la guerra, con el animal, pero también con la cultura y los juegos (torneos), con las mujeres (amor caballeresco): todo tipo de flujos entran en conjugación. ¿Cómo negar al agenciamiento el nombre que le corresponde: <<deseo>>? En este caso el deseo se hace feudal, pero en éste, como en otros, es el conjunto de afectos que se transforman y circulan en un agenciamiento simbiótico definido por el co-funcionamiento de sus partes heterogéneas²".

Deleuze se pregunta: "... ¿cuál es el rasgo característico o distintivo de una cosa en general? Este rasgo es doble: las cualidades que posee, la extensión que ocupa³". Es decir, todo objeto, al constituirse, posee unas cualidades, al mismo tiempo esas cualidades determinan una extensión que ocupa el objeto con esas cualidades. El ejemplo de la sociedad efectúa esa doble

determinación: por una parte, una sociedad es un conjunto de cualidades que al determinarse de esa forma hacen posible una extensión en donde se da la determinación cualitativa. Pero, y esto es lo importante, la sociedad capitalista sólo existe en función de las cualidades que posee, por lo tanto, sólo existe en cuanto esas cualidades se efectúan, no hay una esencia anterior a la sociedad capitalista ni tampoco una finalidad, de igual manera la sociedad capitalista no es sino uno de los muchos casos que la Idea sociedad posee virtualmente, ni mejor ni peor, ni más esencial ni menos esencial, ni preferible ni no preferible; la sociedad capitalista es un acontecimiento de la idea sociedad, en función de eso es esencia en sí misma no de la idea sino de su ser como acontecimiento. Existen muchas otras posibilidades de que la Idea sociedad sea efectuada: sociedad socialista, sociedad esclavista, sociedad matriarcal, sociedad patriarcal, sociedad feudal, etc. Lo fundamental radica en la posibilidad de dar lugar a una nueva efectuación de la Idea sociedad, el filósofo debe ante todo efectuar otras posibilidades de la idea sociedad sin importar si son buenas o malas, con la filosofía del acontecimiento se está más allá del bien y el mal. Efectuar lo nuevo, producirlo es

el mérito del pensar, contrario a lo que se intenta en la filosofía clásica en donde el motor de la actividad consiste en conocer la Idea de sociedad como esencia eterna.

Cada efectuación de la idea sociedad es un dinamismo espacio-temporal, “es decir, agitaciones espaciales, cavidades temporales, puras síntesis de velocidades, de direcciones y de ritmos...”⁴. Cada sociedad o cosa en general determina su propio dinamismo, se diferencia en sí misma y por sí misma; establece su especificación y su organización. Esta determinación múltiple de la Idea obliga necesariamente a un dinamismo conceptual capaz de representar cada una de las diversas efectuaciones de la idea. Si el concepto no participa a su vez del dinamismo que tiene cada efectuación de la Idea no puede representarla, quedándose en el camino. Cada efectuación de la idea debe ir acompañada de un dinamismo conceptual que sólo corresponde a esa efectuación y no a otra; no hay conceptos generales, concepto y efectuación de la idea son una sola y la misma cosa.

Lo inesencial de la idea es lo que hace posible el acontecimiento esencial mediante la cual se efectúa una o muchas veces la idea. Pero ¿qué es lo inesencial? Lo inesencial es

el campo intensivo. Al respecto Deleuze dice: "Aunque la experiencia nos ponga siempre ante intensidades ya desarrolladas en extensiones, ya recubiertas por cualidades, hemos de concebir, justamente como condición de la experiencia, unas intensidades puras implicadas en una profundidad, en un *spatium* intensivo que preexiste a toda cualidad y a toda extensión. La profundidad es la potencia del *spatium* puro e inextenso; la intensidad no es más que la potencia de la diferencia o de lo desigual en sí, y cada intensidad es ya una diferencia de tipo E-E', en donde E remite a su vez a e-e', y e-a e-e', etcétera⁵".

El *spatium* intensivo funciona como el medio o entorno de individuación; en donde cada individuación de la idea es ya diferente de toda efectuación anterior y de toda posible efectuación posterior. La idea en cada efectuación es diferenciación, en esta diferenciación, y sólo en ella, *da lugar a lo esencial como un caso*, lo esencial es el cada caso, porque sólo en ese caso se da una determinación cualitativa única e irrepetible, al mismo tiempo que una extensión que patentiza esa cualidad. Por esta razón, lo inesencial (el *spatium* intensivo o campo de intensidades puras) no posee una

esencia anterior a cada efectuación de la idea; es lo inesencial en función de que la idea sólo adquiere la esencialidad en cada efectuación, pero como un caso. Lo importante en el pensamiento es dar lugar a otras efectuaciones de la idea, a lo nuevo, y no quedarse con esa efectuación, no contentarse con una conquista sino más bien continuar siempre buscando lo nuevo; esa es la riqueza de la Idea, esa es la profundidad de la Idea, la idea no es esencia eterna es más bien diferenciación eterna. Deleuze nos recuerda continuamente que lo eterno como identidad es siempre resultado de lo artificial.

Hay que tener en claro que sobre el campo de intensidades puras la individuación no actúa como composición o división de partes. La efectuación momentánea de la idea no actúa como un simple acomodo o reacomodo de partes. No se trata de una combinatoria de las partes o de los posibles. No podemos decir, en un cálculo de las posibilidades, la idea, en razón de las partes que posee, tiene tantas posibilidades de efectuarse. No es eso lo que Deleuze está entendiendo por *spatium* intensivo. El *spatium* intensivo es el medio en donde las individuaciones son intensivas y cualitativas, es muy claro que existe una gran

diferencia entre una simple combinatoria de partes a una individuación cualitativa en cada caso. En la combinatoria de las partes es demasiado fácil calcular cuantas posibilidades hay de combinación, en las individuaciones cualitativas es imposible determinarlas -además de lo absurdo que resultaría intentarlo-, lo más importante es tratar de efectuar alguna de las infinitas individuaciones cualitativas de efectuación de la Idea. En otras palabras, lo más importante es efectuar la diferencia. Superar nuestro artificial deseo de identidad, abjurar de nuestra memoria, de nuestra *yoidad*, sacudirnos el desafortunado hábito de adquirir hábitos, nuestro conservadurismo filosófico "... dado que la intensidad es diferencia..."⁶

La *vicedicción*, como el concepto lo dice es, precisamente, esa potencialidad de la idea de decirse (efectuarse) de muchas y muy distintas maneras. En cada una de estas *dicciones* lo que cuenta es precisamente la combinatoria cualitativa que efectúa la individuación. Cada una de ellas determina la *dicción* única e irrepetible de la idea que sólo en función de esa individuación es esencial. Por ello Deleuze puede decir: "Nunca hubo más que una proposición ontológica: el Ser es

unívoco. Nunca hubo más que una sola ontología, la de Duns Escoto, que da al ser una sola voz..."⁷. Esa sola voz es la del ser que se dice de una vez y para siempre en cada efectuación de la Idea, no hay grados de ser, no existe lo accidental respecto a lo esencial, lo eterno respecto a lo finito, solamente la voz única del ser en cada efectuación de la Idea. "Intentaré definir más rigurosamente la dramatización: se trata de dinamismos, determinaciones dinámicas espacio-temporales, pre-cualitativas y pre-extensivas, que <<tienen lugar>> en sistemas intensivos en donde las diferencias se reparten en profundidad, y cuyos <<pacientes>> son sujetos esbozados, siendo su <<función>> actualizar las Ideas..."⁸

Se puede percibir con toda claridad la influencia de Nietzsche en Deleuze a partir del eterno retorno, pues para este último el eterno retorno no es "... ni cantidad extensiva, ni movimiento local ni cualidad física, sino dominio de intensidades puras...". Lo que retorna es la diferencia en su diferenciación continua. Por ello la *diferencia* conceptual no existe. Sólo podemos hablar de diferencias, del diferenciante efectuado, ni anterior ni posterior, ni principio ni fin. De

ahí la exigencia deleuzeana de pensar *en el medio*, el verdadero pensamiento es el de la hierba, no el de raíz ni el del fruto. Retomando estudios contemporáneos sobre el cerebro apela a que la estructura de éste no es arborescente sino más bien herbácea. En opinión de Deleuze, "los franceses piensan demasiado en términos de árbol: el árbol del saber, los puntos de arborescencia, el alfa y el omega, las raíces y la copa. Justo lo contrario de la hierba. La hierba no sólo crece en medio de las cosas, sino que ella misma crece por el medio. En eso radica el problema inglés o el problema americano. La hierba tiene su línea de fuga, pero no tiene enraizamiento. En la cabeza tenemos hierba, y no un árbol: eso es lo que significa pensar, eso es el cerebro, <<un certain nervous system>>, hierba¹⁰".

Si la Idea es un campo de intensidades y la intensidad es diferencia se hace necesaria la existencia de un "...<<diferenciante>> de la diferencia, capaz de relacionar lo diferente con lo diferente. Este papel lo desempeña lo que llamamos <<el precursor oscuro>>...¹¹". El precursor oscuro permite la comunicación de las series diferentes, la efectuación de individuaciones. Al entrar en relación dos series diferentes efectúan una

individuación cualitativa que da lugar a una determinación espacio-temporal único. El precursor oscuro permite el *acoplamiento* de las series que, al entrar en contacto, efectúan una resonancia interna, una determinación individual que *resuena* de forma particular y es in-equiparable a cualquier otra, porque lo importante, no es la comparación, la evaluación; el tribunal crítico de Kant se revela totalmente superfluo, absurdo y como la muestra más evidente de aquello en lo cual no puede consistir la actividad de pensar. Pensar es dar lugar a lo nuevo, a nuevas ramificaciones a líneas de fuga, todo lo contrario a la mercantilista actividad de pesar, tazar, comparar, invertir y ganar: "...Si el intercambio es el criterio de la generalidad, el robo y el don son los de la repetición. Hay, pues, entre ambos, una diferencia económica...¹²". Los acoplamientos de series diversas determinan desde su interior resonancias que si bien son el resultado del encuentro y/o acoplamiento entre las series ya no se explican por ellas, pues dan lugar a una resonancia única que se determina internamente. La individuación en tanto es cualitativa es interna al acontecimiento, el acoplamiento no se explica en función de las series que confluyen sino en función de las determinaciones

cualitativas y la organización que este mismo establece. En *Presentación de Sacher-Masoch* Deleuze muestra claramente esta determinación interna del acontecimiento: en las obras de Sade y Masoch se da la confluencia de violencia y sexualidad pero en cada una de ellas su acoplamiento, su cualificación es totalmente diferente, al grado tal que cada una efectúa una resonancia única, por ello se pregunta: "... Entonces, ¿qué significa esta vinculación de violencia y sexualidad en un lenguaje tan abundante y provocado como el de Sade y Masoch?¹³" Para posteriormente reafirmar el carácter único de cada una de estas resonancias. Según Deleuze, "las resonancias clínicas del sadismo y masoquismo no son separables de los valores literarios propios de Sade y de Masoch. En lugar de una dialéctica que pretende lograr, de una manera forzada, la unidad de los contrarios, hay que tender hacia una crítica literaria y a un rigor clínico capaces de distinguir tanto los mecanismos verdaderamente diferenciales como las originalidades artísticas¹⁴".

En la idea deleuzeana no hay identidad primera que determine la existencia de toda efectuación, por el contrario, lo que sucede es totalmente

contrario a cualquier identidad: "Si todo sistema es un campo intensivo de individuación construido por series límitrofes heterogéneas o dispares, la comunicación de las series, bajo la acción del precursor oscuro, producen fenómenos de *acoplamiento* entre las series, de *resonancia interna* en el sistema, de *movimiento forzado* al modo de una amplitud que desborda las propias series básicas. Sólo en estas condiciones un sistema se puebla de cualidades y se desarrolla en extensión. Pues una cualidad es siempre un signo o un acontecimiento que emerge de las profundidades, que brilla entre intensidades diferentes, y que dura el tiempo necesario para la anulación de su diferencia constitutiva. En principio y ante todo, el conjunto de estas condiciones determina dinamismos espacio-temporales que son ellos mismos generadores de tales cualidades¹⁵".

El campo intensivo está, de entrada, constituido por series límitrofes heterogéneas o dispares entre las cuales suceden acoplamientos que determinan una resonancia interna propia y que en esa medida fuerzan el movimiento que da lugar al acontecimiento. La idea, en Deleuze, ha sido liberada de toda identidad, forma única, límite claro, eternidad esencial, etc. La

idea es más bien el medio dionisiaco de la embriaguez, de lo indeterminado, de la potencialidad pura: "La relación diferencial tiene por último un tercer elemento, el de la potencialidad pura. La potencia es la forma de la determinación reciproca, según la cual magnitudes variables son tomadas como funciones las unas de las otras...¹⁶". Los dinamismos, los acontecimientos, la potencialidad de la idea rompe con cualquier esencialidad eterna. En cuanto *potencia* la idea está más próxima a lo larvario que al sujeto constituido. Un sujeto constituido no soportaría ninguna efectuación de la potencia de la idea. Cualquier potenciación de la idea rompe con el sujeto constituido por ello es necesario romper con la identidad del "Yo" que supone todo sentido común, ciencia o filosofía en la imagen clásica. Debemos buscar ante todo la disolución del "Yo": "En lo más profundo de la subjetividad, no hay propio yo, sino una composición singular, una idiosincrasia, una cifra secreta como la posibilidad única de que esas entidades hayan sido retenidas, queridas, de que esa combinación sea la que ha salido: esa y no otra... Las entidades críticas afectivas no se anulan, pero pueden coexistir y

se mezclan, componiendo el *character* del espíritu, constituyendo no un propio yo, sino un centro de gravedad que se desplaza de una a otra siguiendo los filamentos secretos de ese teatro de marionetas. Tal vez la gloria sea eso, ese querer oculto que hace que se comuniquen las entidades, y que las saca en el momento favorable¹⁷".

Para soportar cualquiera de las potenciaciones de la Idea se debe tender a estar próximo a un estado larvario. Recordemos el ejemplo que Deleuze utiliza en *Critica y clínica* y que ilustra con toda nitidez la condición larvaria indispensable para soportarla, que es más o menos así: llega un europeo a una región de clima extremadamente frío, lo primero que le asombra es constatar que los habitantes de esa región no llevan vestido alguno. Inquieto ante semejante situación se acerca a uno de ellos para preguntarle porque no se cubre el cuerpo. En lugar de dar una respuesta inmediata, el nativo pregunta al europeo por qué no se tapa la cara al igual que lo hace con el cuerpo. Para el europeo es muy fácil contestar: - porque es la cara. Ante esta respuesta el nativo contesta a la pregunta del europeo: - no me tapo porque mi cuerpo es todo, cara. Sólo un estado larvario soporta ambas posibilidades de

relación. Si existiese una sola esencia de hombre uno u otro deberían perecer, pero la existencia de ambas da muestra más que de una esencia de un estado larvario que soporta ambos acontecimientos y muchos otros más.

El estoicismo es significativo para Deleuze en virtud, primeramente, de ser una filosofía del acontecimiento, de haber trazado la línea de separación entre la profundidad física de los cuerpos, las cosas y la superficie metafísica del acontecimiento, incorporeal, lo impasible, lo incalificable que son infinitivos-devenires carentes de sujeto¹⁸. Los verbos infinitivos, exceptuando el SER, son devenires ilimitados en donde no se predica de un sujeto constituido, la relación de la oración con el acontecimiento no es la predicación sobre un sujeto, es el acontecimiento mismo que no es sujeto: *llegar, verdear, encontrar*: "...los infinitivos devenires no tienen sujetos: tan solo remiten a un <<EL>> del acontecimiento (llueve), y ellos mismos se atribuyen a estados de cosas que son mezclas o colectivos, agenciamientos, incluso en los casos de mayor singularidad...¹⁹". El estado larvario es precisamente esa indeterminación mediante la cual lo que se constituye en sujeto soporta cualquier relación y la

efectúa, la lleva a la existencia logrando una Idea de la idea, una idea desplazada, una idea cambiante, una idea que logra romper con la identidad y cuya riqueza consiste precisamente en esta virtualidad que soporta cualquier efectuación sin disminuir ni incrementar.

De acuerdo con Deleuze, la idea tiene dos caracteres principales, "por una parte, consiste en un conjunto de relaciones diferenciales entre elementos desprovistos de forma sensible y de función, que no existen más que en su determinación recíproca... Por otra parte, a esas relaciones diferenciales les corresponden distribuciones de <<singularidades>>, de puntos relevantes y puntos ordinarios, de tal modo que un punto relevante engendra una serie que puede prolongarse a través de todos los puntos ordinarios hasta las proximidades de otra singularidad...²⁰"

De esta manera la Idea se nos muestra como: 1) relaciones diferenciales; 2) distribución de singularidades. Hay que decir que estas relaciones diferenciales, como la cita anterior lo muestra, sólo existen en cuanto entran en su determinación recíproca. No hay una anterioridad de la relación, una esencialidad de la relación, ésta sólo se constituye en el

momento mismo que se da el encuentro o el acontecimiento, el acoplamiento, por ello Deleuze apelará al principio de determinación recíproca. La relación determina reciprocamente a los relacionados. De un acoplamiento surge inmediatamente una distribución singular con puntos relevantes y puntos no relevantes mediante los cuales se engendran series que pueden propagarse. De esta manera lo singular y lo regular se muestran más significativos ontológica y epistemológicamente que las nociones de verdad y falsedad. Esto puede entenderse claramente por el hecho de que la Idea no es esencial. Lo singular y lo regular tienen mayor importancia ontológica porque de lo que se trata es de la diferenciación de la idea. En cada diferenciación debe mirarse no lo esencial, no el proceso repetitivo de una esencia siempre idéntica; lo regular. Se trata más bien de encontrar lo singular, la efectuación más singular de la idea. De ahí la preferencia de Deleuze por aquellos literatos, pintores, filósofos, cineastas que han realizado una idea de la Idea, una proliferación de series no basadas en el calco, como lo hace la imagen clásica, en la reproducción de una imagen que no permite al pensamiento ir más

allá de los límites establecidos. Preferencia por aquellos que han hecho una ontología de la diferencia, una ontología pura. La epistemología funciona, principalmente, bajo el cobijo de las categorías de verdad y falsedad. Sustituir esta máquina binaria es uno de los muchos objetivos que persigue este filósofo: "No es cierto que la máquina binaria exista tan sólo por razones de comodidad. Se dice que <<la base 2>> es la más fácil. Pero de hecho la máquina binaria es una pieza importante de los aparatos del poder²¹".

Al momento en que la epistemología asuma los conceptos de lo singular y lo regular, en apariencia se mantiene dentro de lo binario, pero sólo es en apariencia, porque precisamente lo regular está en función de lo singular y lo singular es, precisamente, singular, no se compara con nada, se determina por sí mismo y no por otra cosa; la analogía deja de funcionar. El predominio de las singularidades nos sumiría en una orgía dionisiaca, en la proliferación de lo diferente. La epistemología tendería a conocer esas singularidades: sus relaciones, sus agenciamientos, sus cualidades, su distribución de lo relevante y lo no relevante, etc. De esta manera el sentido depende exclusivamente de la

distribución y distinción de estos puntos de fulgor en el seno de la idea.

Sigamos a Deleuze en las últimas consecuencias que extrae de esta concepción de la idea. Una de las más importantes es la *virtualidad* de la Idea. "En primer lugar, la idea definida de esta forma, no dispone de actualidad alguna. Es virtual, pura virtualidad. Todas las relaciones diferenciales, en virtud de la determinación completa, coexisten en la multiplicidad virtual de las ideas. La idea sólo se actualiza en la medida en que sus relaciones diferenciales se encarnan en especies o cualidades separadas, y en la medida que las singularidades, concomitantes se encarnan en una extensión que corresponde a aquella cualidad...²²"

Hemos dicho anteriormente que la idea se actualiza por diferenciación. Actualizarse, dice Deleuze de la idea, es diferenciarse. Adentrémonos en esto de manera más detallada. A lo primero que se ve obligado es a establecer una precisión respecto a diferenciar: (*différenciation*) con *t* habremos de entenderlo referido a la diferenciación de la idea, mientras que diferenciarse (*différenciée*) con *c* habremos de entenderlo en función de las cosas. Si sólo cuando se

actualiza la idea se diferencia (*différenciée*) podemos inferir que mientras no se actualiza la idea está indiferenciada (*indifférenciée*), pues su diferenciación solamente se da cuando se actualiza, cuando consta de las partes y las cualidades para ello. La idea es virtual, la idea es indiferenciada (*indifférenciée*) en su virtualidad. Pero que sea indiferenciada no equivale a ser indeterminada. Hemos dicho anteriormente que la Idea posee dos principios: 1) principio de determinación reciproca; 2) principio de determinación completa. Por el primero las intensidades entran en relación, dando lugar a una relación diferencial, en donde se determinan mutuamente y ya no se explican por causas. Con el segundo dicha relación logra una determinación completa. No hay la necesidad de algo externo que la complete o la haga posible. En función de esto la idea está completamente diferenciada (*différentiée*) pues en su interior se dan las relaciones y las singularidades, conviven en ella como virtuales. El siguiente esquema muestra esta concepción de la idea.

El conocimiento que podemos tener de la idea se reduce a este funcionamiento de la diferenciación de la idea, no hay por tanto una esencia eterna

de la idea como límite perfecto, como claridad, como luz. La idea es entonces clara en su diferenciación (*différentiée*) virtual; en ella conviven las relaciones diferenciales y las singularidades, pero oscura en la forma como se nos muestra, pues sólo la vemos diferenciada en el momento en que se actualiza en unas cualidades y en una extensión – (como cosa)-. Pero esta diferenciación (*différenciée*) como cosa de la Idea no nos autoriza a intentar establecer un conocimiento de la Idea por semejanza: “Subrayamos, pues, su absoluta condición de no-semejanza: ni la especie ni la cualidad se parecen a las relaciones diferenciales que encarnan, ni las singularidades se parecen a la extensión organizada que las actualiza²³”.

De esta manera, invirtiendo el análisis, Deleuze nos dice que toda cosa posee dos mitades dispares: 1) *una mitad ideal*, 2) *una mitad actual*. *La mitad ideal* es virtual (Idea) y está constituida por relaciones diferenciales y por singularidades concomitantes; mientras que *la mitad actual* está constituida por las cualidades que encarnan aquellas relaciones y por las partes que encarnan las singularidades. De ahí, entonces, las consecuencias que extrae Deleuze, tanto de las relaciones que se dan entre la cosa y la

Idea, como de la Idea misma. “La cuestión del <<*ens omni modo determinatum*>> ha de plantearse así: una cosa en la Idea puede estar completamente determinada (*différentiée*), y carecer sin embargo de las determinaciones que constituyen su existencia actual, quedando por ello indiferenciada (*indifférenciée*). Si llamamos *distinto* al estado de la Idea perfectamente diferenciada (*différenciée*), habremos de quebrantar la regla de proporcionalidad de lo claro y lo distinto: la Idea en sí misma no es clara y distinta sino, al contrario, *distinta y oscura...*²⁴”.

El cambio puede parecer poco significativo, pero en realidad trae una serie de consecuencias que no podemos pasar por alto. Una de las más relevantes consiste en la ruptura de aquella necia persistencia de la búsqueda de la verdad eterna. Con la idea *clara y oscura* la búsqueda de la verdad eterna se muestra como la actividad más pueril que pudiera existir, porque el camino nos está vedado. La idea en su claridad será siempre impenetrable, no se puede tener acceso a ella, es clara en sí misma y por sí misma, pero a nosotros sólo nos toca la oscuridad del antes de toda efectuación, no podemos conocer cómo se efectuará la idea, no hay la posibilidad de un

conocimiento *a priori* de la idea. La idea puede efectuarse de la forma más inesperada en cada caso, lo cual nos priva la posibilidad de elaborar un saber en función de las efectuaciones de la Idea; cada efectuación es diferente, la idea se actualiza por diferenciación; ni una necesidad de la razón, ni una posibilidad del empirismo. Única y exclusivamente la diferencia. En lugar de intentar comprender, contemplar o anticipar a la Idea, hay que efectuar la Idea como diferencia. La diferencia ante todo. "...No hay nada que explicar, nada que interpretar, nada que comprender..."²⁵. *La efectuación es más relevante que cualquier interpretación.*

Notas

1. Deleuze, Gilles. "El método de dramatización" // *La isla desierta y otros textos. Textos y entrevistas (1953-1974)*. Pre-Textos, Valencia 2005, p. 129.
2. Deleuze, Gilles. *Diálogos. (con Claire Parnet)*. Pre-textos, Valencia, 1980, p. 49.
3. Deleuze, Gilles. "El método de dramatización", p. 129.
4. Ibíd., p. 130.
5. Idem.
6. Ibíd., p. 131.
7. Deleuze, Gilles. *Diferencia y Repetición*. Buenos Aires, Amorrortu, 2002, p. 71.
8. Deleuze, Gilles. "El método de dramatización", p. 143.
9. Deleuze, Gilles. "Conclusiones sobre la voluntad de poder y el eterno retorno". En *La isla desierta y otros textos. Textos y entrevistas (1953-1974)*. Pre-Textos, Valencia, 2005, p. 161.
10. Deleuze, Gilles. *Diálogos. (con Claire Parnet)*, p. 49.
11. Deleuze, Gilles. "El método de dramatización", p. 131.
12. Deleuze, Gilles. *Diferencia y Repetición*, p. 21.
13. Deleuze, Gilles. *Presentación de Sacher-Masoch*. Taurus, Madrid, 1967, p. 21.
14. Ibíd., pp. 14 y 15.
15. Deleuze, Gilles. "El método de dramatización", p. 131.
16. Deleuze, Gilles. *Diferencia y Repetición*, p. 266.
17. Deleuze, Gilles. *Crítica y clínica*. Amarortu, Buenos Aires, pp. 167 y 173.
18. Deleuze desarrolla esta forma de entender el estoicismo en la segunda serie de paradojas de *Lógica del sentido*, la cual lleva por título: *De los efectos de superficie*.
19. Deleuze, Gilles. *Diálogos. (con Claire Parnet)*, p. 74.

20. Deleuze, Gilles. “El método de dramatización”, p. 133.
21. Deleuze, Gilles. *Diálogos*. (con Claire Parnet), Pre-textos, Valencia, 1980, p. 27.
22. Deleuze, Gilles. “El método de dramatización”, p. 134.
23. Ibíd., p. 134.
24. Ibíd., p. 135.
25. Deleuze, Gilles. *Conversaciones. Pre-Textos*, Valencia, 1999, p. 16.

Óscar Juárez Zaragoza es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Оскар Хуарес Сарагоса – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного Университета Штата Мексики.

Oscar Juarez Zaragoza - Research Professor, Faculty of Humanities of the Autonomous University of the State of Mexico.

Хосуэ Мансано Арсате
Ницше: от филологии к дionисийскому опыту мира

Josué Manzano Arzate
Nietzsche: de la filología a la experiencia dionisiaca del mundo

Josué Manzano Arsate
**Nietzsche, from Philology to the Dionysian Experience
of the World**

Эти строки призваны привлечь взор читателя к тем работам, которые положили начало публичной карьере Фридриха Ницше. Мы имеем в виду лекции, прочитанные им в Базельском университете. Аппарат лекции о музыкальной греческой драме содержит в себе центральную идею о том, что искусство должно проистрасти из самой глубокой тьмы человеческого существа.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, филология, музыкальная греческая драма, дionисийский опыт мира.

Estas líneas ponen la mirada sobre los trabajos que constituyen el inicio de la carrera pública de Federico Nietzsche, nos referimos a la conferencia que dicta en la Universidad de Basilea para dar inicio a sus clases. El apartado del drama musical griego contiene una idea central: el arte debe emerger de la noche más profunda del ser humano.

Etiquetas: Friedrich Nietzsche, la filología, el teatro musical griega, la experiencia dionisíaca del mundo.

These lines are designed to attract the reader's eye to the work, which began a public career of Friedrich Nietzsche: we mean the lectures delivered by him in the University of Basel. Apparatus lectures on musical Greek drama contains the central idea that art should grow from the deepest darkness of the human being.

Keywords: Friedrich Nietzsche, philology, music Greek drama, Dionysian experience of the world.

HOMERO Y LA FILOLOGÍA

Exploraremos ahora brevemente la forma en que Nietzsche observa la problemática de la filología. De tal ejercicio habría de comprenderse el paso de la filología didáctica, fundamentada en la figura de un personaje importante de la educación universitaria, y la filología que toma en consideración nuevos elementos del pasado y que traen a nuestro presente los elementos propios que la cultura griega contienen en su seno, y la vigencia que nuestro autor necesita para justificar su obra. Así que no explicaremos lo que atañe a la personalidad de Homero en específico, sino que retomaremos los elementos necesarios para demostrar el paso necesario entre una y otra filología de tal manera que se comprenda el advenimiento del *Nacimiento de la Tragedia*, obra esencial del periodo de juventud de nuestro autor.

Ya en Basilea en la Conferencia inaugural de 1869 que tiene como título el nombre de *Homero y la Filología Clásica* advierte sobre el problema en el que se encuentra ésta disciplina, este radica en que tal ciencia impide que se pueda obtener un mayor conocimiento del fenómeno de

la cosa a investigar, las palabras con las que afirma lo anterior son las siguientes: «No existe en nuestro tiempo un estado de opinión concreto y unánime sobre la filología clásica. Tal es el sentir que predomina en los círculos de personas ilustradas, así como entre los jóvenes que se contraen al estudio de esta ciencia. Y la causa estriba en el carácter vario de ella, en la falta de unidad conceptual, en el carácter de agregado inorgánico de las diferentes disciplinas científicas que la componen y que sólo aparecen unidas por el nombre común de *filología*¹.

Para él, la *filología* clásica es como una sanguijuela que se alimenta de otras ciencias pero que es incapaz de autodeterminarse y de obtener un método propio que la lleve a construir un andamiaje conceptual para deslindarse de las demás disciplinas, así que puede considerarse una seudociencia; cosa que el ya observaba y además se enfrentaba a los paladines defensores de tal ciencia; entre otros a Wilamowitz, quien pasaba por ser la máxima autoridad alemana en cuestiones filológicas, además afirma él mismo; "...oculta en sí misma elementos artísticos, estéticos y éticos de carácter imperativo que se resisten obstinadamente a una sistematización científica"².

Pero lo más importante que aquí queremos resaltar es que Nietzsche ya configuraba desde esta época sus líneas de investigación de toda la vida: "Lo mismo puede ser considerada como un trozo de historia, como un departamento de la ciencia natural o como un trozo de estética: historia, en cuanto quiere reunir en un cuadro general los documentos de determinadas individualidades nacionales y hallar una ley que sintetice el devenir constante de los fenómenos; ciencia natural en cuanto trata de investigar el más profundo de los instintos humanos: el instinto del lenguaje; estética, por último, porque de la antigüedad general quiere estudiar aquella antigüedad especial llamada "clásica", con el propósito de desenterrar un mundo ideal sepultado, presentando a los contemporáneos el espejo de los clásicos como modelos de eterna actualidad"³.

Ya desde entonces, Nietzsche menciona la existencia del instinto del lenguaje en el hombre aunque no ahonda en ésta temática, por el momento, si afirma que este es uno de los elementos esenciales olvidados por la filosofía moderna. En primer lugar la historia no puede

estudiarse a partir de un canon fundado en la recolección de datos como si fueran mariposas para exhibirlas posteriormente en una vitrina, esto no es posible porque la historia no puede describirse a partir de dos o tres mariposillas aisladas, en todo caso, esta disciplina para Nietzsche puede estudiarse a partir de lo común que determina a un pueblo, en el presente trabajo lo común en el pueblo griego es Dioniso y Apolo; por otro lado, la historia no puede demostrar a partir de las mariposillas aisladas la regla que muestre como cuidarnos en el futuro, afirmamos esto, pues consideramos que un tipo de ciencia con estas características intenta buscar una certeza, la de la prolongación de la vida, la de la cura eterna de los avatares y sinsabores de la existencia. Por otro lado, la filología se caracteriza por estudiar de manera cercana el instinto lingüístico del hombre. Pero esto sólo tiene un objetivo el de comprender mejor al hombre y para ello se necesita aprender un método que no cambie y que nos muestre al objeto de conocimiento como algo accesible al entendimiento mediante la enseñanza, la filología es para Nietzsche un ejercicio propio de la medición casi casi un ejercicio botánico. Un ejercicio pedagógico. Esto es

así por "...la circunstancia de que la filología, en sus comienzos, ha sido siempre una disciplina pedagógica"⁴. Heidegger a estas ciencias las trata de seudo-ciencias, Nietzsche las llama tendencias científicas.

Nietzsche dictamina que existe una gran confusión en torno a estas tendencias, a esto se agrega un escepticismo radical, se acusa a los doctos de ser ciegos como topos, y en todo caso, que su tarea consiste en aspirar el polvo acumulado de siglos en las páginas de los libros. Para Nietzsche, defensor de la filología en ésta época se debe de experimentar una profunda transformación de tal tendencia científica, ya no es suficiente que un eminente docto imparta una cátedra de filología para que esta tenga un fundamento real, es decir, el fundamento de una disciplina no deviene por la presencia del maestro, sino que en todo caso, se da por la búsqueda constante de sus raíces y de una nueva forma de acercarse al objeto. Resumiendo lo anterior citamos al mismo Nietzsche: "En cambio, anida un odio invencible y enconado contra la filología allí dondequiera que el ideal es tenido como tal ideal, allí donde el hombre moderno cae en beata admiración de sí mismo, allí donde la cultura

helénica es considerada como un punto de vista superado, y, por lo tanto, indiferente"⁵.

Y a esta visión opone lo siguiente: "Frente a estos enemigos, nosotros los filólogos debemos contar con la ayuda de los artistas y de las naturalezas artísticas, únicas que pueden comprender que la espada del bárbaro se cierre siempre sobre aquellas cabezas que tienen todavía ante sus ojos la inefable sencillez y la noble dignidad del helenismo, y que ningún progreso, por brillante que sea, de la técnica y de la industria; ningún reglamento de escuela, por muy acompañado que esté a los tiempos; ninguna formación política de la masa, por extendida que esté, nos puede proteger contra los ridículos y bárbaros extravíos del gusto ni de la destrucción del clasicismo por la terrible cabeza de la Gorgona"⁶.

De aquí que Nietzsche observe que la educación que se ha desarrollado en los centros educativos no desplieguen la capacidad en los alumnos de Alemania, y por supuesto que apela a otro tipo de educación y en consecuencia a otro tipo de ciencias, o en todo caso apela a una nueva filología que no aleje al investigador del terreno de lo clásico, dicho de otra manera, nuevos ojos para las mismas figuras, condición indispensable

para observar el movimiento plástico de la antigüedad; no es que lo antiguo o el pasado carezca de vitalidad, sino que no se ha sabido observar de distinta manera, así Nietzsche afirma; "...yo intentaría hacer patente, por un ejemplo, que el paso más importante de la filología clásica nos ha de acercar a la antigüedad ideal en vez de desviarnos de ella, y que justamente allí donde abusivamente se habla de destrucción del sagrario es donde se construyen y elevan nuevos altares"⁷. "No nos acerca a la solución del problema una bifurcación del problema central, es decir, lo que nuestro autor intenta encontrar es algo común entre el que canta y lo que inspira, es decir, el intuye que hay algo que subyace por debajo del pueblo y del individuo. Así que en primera instancia el problema lo plantea de la siguiente manera: "¿Existe una diferencia característica entre las manifestaciones del individuo genial y el alma poética de un pueblo?"⁸. Y agrega: "No hay en la estética moderna contraposición más peligrosa que la de la *poesía popular* y *poesía individual*, o, como se suele decir, *poesía artística* (*Kunstdichtung*). Esta es la reacción, o, si se quiere, la superstición, que la aparición de

la ciencia histórico-filológica, tan rica en consecuencias, trajo consigo: el descubrimiento y dignificación del *alma popular*. En efecto, sólo ella pudo preparar el terreno para una consideración científica aproximativa de la historia, que hasta entonces, y en muchas de sus formas, era una simple colección de materiales, en espera de que estos materiales se amontonaran hasta el infinito, sin creer que se podría llegar nunca a encontrar una ley y una regla para esta pulsación eternamente renovada. Ahora se comprende por primera vez el poder largo tiempo sentido de las grandes individualidades y de las manifestaciones de voluntad que constituyen el mínimo evanescente de la Humanidad; ahora se comprende que toda verdadera grandeza y trascendencia en el reino de la voluntad no puede tener sus raíces en el fenómeno efímero y pasajero de una voluntad particular; se conciben los instintos de la masa, el impulso inconsciente del pueblo como el único resorte, como la única palanca de la llamada historia del mundo"⁹.

Nuestro autor cree fehacientemente en que es posible hacer renacer el espíritu de la antigüedad a partir de la comprensión del elemento común que se desplaza de un

lado a otro y en boca de todos, *el impulso inconsciente o los instintos de la masa*; se puede percibir que concibe una especie de democracia del ser, lejana a la consideración de que el individuo exaltado o iluminado puede ser el que exprese la última palabra, este elemento lingüístico se hace presente en todos los que participan de los ritos o de las fiestas reconciliadoras con el todo. Lo que más importa es la totalidad de los instintos naturales, en este caso Apolo y Dionisos, y no la pequeña voluntad de un hombre, estos elementos son los que determinan la inspiración del poeta; “El gran poeta de una época literaria es siempre un poeta popular, y no lo es menos que cualquier viejo poeta del pueblo en un período literario”¹⁰. Más aún, para poder encontrar los elementos necesarios que nos permitan, según Nietzsche, encontrar el elemento común que posibilite la comprensión del fenómeno en cualquier cuestión, debe buscarse por otro lado, en todo caso se deben de escuchar otras palabras, así: “El único camino por el que podemos remontar la época de Pisistrato y llevarnos al conocimiento del sentido que pueda tener el nombre de Homero nos conduce, por un lado, a través de las leyendas locales; éstas demuestran con

claridad que el nombre de Homero fue identificado siempre con el de la poesía épico-heroica y que se tomaba en el sentido de autor de la *Iliada* y de la *Odisea*, y no de otro cielo poético, como, por ejemplo, el tebano¹¹. Insistimos en que las citas aludías sólo nos sirven para exemplificar el paso de una filología a otra; existe para Nietzsche entonces el método que tiene que otorgarle una preeminencia no al discurso del docto, sino que la preeminencia la obtiene ahora por meritos propios las leyendas locales, pero al final de cuentas las leyendas nos descubren un sujeto o un individuo difuminado por la tarde en la que se configura tal narración, así que Nietzsche deduce que Homero no es el autor, es un sacrificado, alguien que se oculta en el anonimato y que de esa manera regresa a la totalidad, pues ejemplifica el ejercicio del sacrificio; “Nosotros creemos en un gran poeta autor de la *Iliada* y la *Odisea*; sin embargo, *no creemos que este poeta sea Homero12. Además, “... ciertamente, aquel admirable genio al que debemos la *Iliada* y la *Odisea* pertenece a esta posteridad agradecida; también él, sacrificó su nombre en el altar del padre de toda poesía épica de Homero”¹³.*

Así Nietzsche ejemplifica de una y otra manera, una y otra vez hasta el cansancio como es su estilo que lo individual debe de ser sacrificado ante el todo, el altar de la Uno debe de recibir aquello que ha creado, esta es la postura filosófica, disciplina que debe de acompañar a toda filología, el mundo sólo es posible en cuanto que es nota de toda una sinfonía, y que debe ser consumida en cuanto cesa su *tempo* así Nietzsche afirma; "...toda actividad filológica debe estar impregnada de una concepción filosófica del mundo, en la cual todo lo particular y singular sea condenado como algo despreciable, y sólo quede en pie la unidad del todo"¹⁴.

Uno y todo, dos palabras que denotan el objetivo que Nietzsche quiere alcanzar durante toda su trayectoria, al final de sus años intelectuales, espera el eterno retorno hacia lo Uno como la Ley que hace temblar los sentidos. Uno, templo y altar ante el que se debe de ofrendar lo mejor de si, en esta caso, el pensar, pues, desde nuestra perspectiva, después de preguntarnos para qué pensar, hemos resuelto responder, en todo caso lo siguiente; tan solo para que los goznes de las enormes puertas de lo macro y de lo micro no dejen de abrirse y de cerrarse,

dejar de pensar implicaría entonces, permitir que la subjetividad moderna permita que se sacrifique el Todo por lo particular, siguiendo la lógica de Nietzsche, Todo y Uno es el templo, el atrio y el juego del mundo al que queremos retornar, la razón de esto, un pequeño estado de fractura no fuera del hombre con el mundo, sino una grieta que se abre al interior del hombre y que lo lleva a experimentar la *profundidad* de lo ignoto y que causa un terror. El miedo indeterminado a esta fractura es la posibilidad del pensar. Falta observar si tal fractura puede cerrarse por tal esfuerzo o se abre definitivamente.

Cabe mencionar de manera muy concreta, que el vínculo que se encuentra entre la conferencia a la que aludimos de 1869 *Homero y la filología* y la obra de 1971 *El Nacimiento de la Tragedia*, se puede observar a partir de que la primer obra pública de Nietzsche replantea una nueva forma de hacer filología; para él, esta tendría que tomar en consideración el ámbito de la poesía griega antigua, la tradición filosófica academicista no abarca ni roza la esencia de la problemática que el observa. No se pueden ver las motivaciones de los poetas a partir de la filología academicista, la causa, el

método, éste no es el apropiado para observar éste fenómeno porque lo había anulado desde hace tiempo. Entonces, el vínculo entre una y otra obra es que Nietzsche anuncia que la filología si debe ser una ciencia, debe contener en su interior a la poesía y a los estudios de arte antiguo.

2. EL DRAMA MUSICAL GRIEGO

Son reiteradas las ocasiones en que Nietzsche apela a una nueva visión y a una nueva comprensión que lo lleve a reflexionar sobre la vida; su necesidad está enmarcada por la insistente tarea de eliminar las *taras* que se encuentran *pegadas* al intelecto del hombre, estos *pegotes* pueden entenderse aquí como preconcepciones o prejuicios, los que determinan que el hombre comprenda su ser a partir de ellos. Nuestro autor intenta convencernos, y *convertirnos* a una especie de credo que podemos llamar sin ninguna duda anticristiano y antiplatónico.

La vida debe de ser comprendida entonces no desde el pensamiento, ese elemento del hombre del cual se ha presumido durante siglos como el fundamento indispensable del alma que puede concebir conceptualmente y después decidir qué es lo justo y lo

injusto, lo bueno y lo malo, la vida y la muerte, además de que, se ha definido al individuo a partir de que su espíritu adquiere una forma mediante la materialidad de su cuerpo. La importancia del alma sobre el cuerpo es la postura que Nietzsche rechaza. Toda esta concepción teórica que ataca nuestro autor se hace a partir de que ésta visión filosófica se ha convertido en un *atentado* contra la naturaleza más profunda del hombre a saber, los instintos, mismos que toma de los griegos con el pretexto de fundamentar su guerra contra la teoría del alma.

Todo esto se da a partir del supuesto de que el hombre debe ser libre. La libertad sólo la busca aquel que se siente preso; imaginamos un poco la infelicidad que a Nietzsche le provoca el experimentarse como un ser *limitado* hasta el extremo, por los conceptos heredados por la cultura moderna que habitan en su intelecto. Aquí debemos hacer una aseveración que se ha conformado a través de nuestra reflexión, a saber; no se da el caso que la reflexión de Nietzsche se de a partir de la muerte de Dios o de su existencia, sino que en todo caso, la batalla de Nietzsche se afianza en la tierra a partir de la *función* que tales conceptos; alma, intelecto, espíritu, moral,

bueno, malo, Dios, religión cumplen dentro de todo su espíritu. Podemos aventurarnos que Nietzsche es atormentado día y noche por ellos, son como los perros a los que Platón alude al referirse a las pasiones, así son estos conceptos en el ser de Nietzsche, como *perros rabiosos* que lo muerden constantemente, de allí la experimentación de la infinita culpa de la cual trata de liberarse. Su empeño filosófico es también un empeño libertario.

Perros y rejas, dos elementos propios de un sistema de vigilancia que *someten* el espíritu no solo de Nietzsche, sino del hombre en general según el dictamen médico que hace de la cultura. Bajo la mirada de estos *perros* y dentro de estos *barrotes* es como el hombre moderno se ha vuelto un pusilánime sin fuerzas que prefiere amar las mordidas y su golpeteo constante contra los barrotes que buscar la libertad. *Prefiere amar la nada a no amar.* Prefiere vivir bajo un engaño, bajo melodías que endulcen su encierro que rasgarse los dedos y romperse las uñas en lo que tal vez sea su última y única tarea, la de buscar la libertad de estos límites.

No se puede pensar, desde la perspectiva de Nietzsche dicho sea de una buena vez, la

libertad al estilo de un místico o de alguien que se encuentre encarcelado, porque se ha dado la inversión metafísica; ahora el cuerpo tiene la preeminencia filosófica, es inconcebible un libertad espiritual cuando el cuerpo se encuentra encerrado. A partir de esto, consideramos que desde Platón hasta Descartes, quienes han desarrollado la abstracción como uno de los elementos propios del desarrollo humano, la música debiera de proceder de la tarea reflexiva del hombre; pero la reflexión también es la diferenciación clara con la que él hombre se ha diferenciado de las bestias. En todo caso, si se tiene que atender a los sonidos y a los colores de la naturaleza como manifestación de esta, sólo es posible a partir de un método, es decir, todo sonido animal y natural suena a estridencia. De esto se deriva lo siguiente, *que la escucha de la naturaleza se vuelve una experiencia técnica.* La técnica domina sobre el mundo y aleja al hombre de una experiencia directa y vivencial con ella. Ya existe entonces algo intermedio entre la naturaleza y el hombre.

La postura que se levanta ante esta concepción filosófica que limita al hombre no debe partir de los elementos que la constituyen, nos referimos específicamente a la metafísica

bosquejada en el símil de la línea de Platón o en el símil del sol que aparecen en su *República*,¹⁵ estos más bien son elementos propios del Estado que Platón intenta erigir y que tiene como finalidad proveer al ateniense de tres cosas; casa, alimento y vivienda, idea que ya se ha referido anteriormente.

Pero la concepción artística de Nietzsche que se opone a lo anterior debe apelar a un crecimiento propio de un cielo oscuro, no lucido como el que bosqueja la metafísica; Platón mira hacia el infinito del cielo, Nietzsche hacia la profundidad de la naturaleza; "... todo crecer y evolucionar en el reino del arte tiene que producirse dentro de una noche profunda"¹⁶. No la razón sino en todo caso la locura, la que ha sido exiliada del reino del Estado, o todo aquello que contravenga la educación moral.

Si quiere erigirse como algo totalmente diferente, entonces, no debe contener algo abstracto, sino, que debe ser más bien algo abismalmente instintivo, en esta caso, lo menos instintivo sería la música, parafraseando una parte del *drama musical griego* del *Nacimiento de la tragedia*, podemos afirmar que *la música no puede surgir de una abstracción*, es un error pensar esto, pues, la música "... desprovista de la fuerza

inconsciente de un instinto natural, formada de acuerdo con una teoría abstracta..."¹⁷ sólo corresponde a una creación híbrida que tiene como destino la aniquilación del hombre, pues, un espíritu sin música, es decir sin instintos sería algo así como un pozo seco, esta sería la sensación del espíritu devorado por la metafísica. La creación artística en todo caso debe partir, retomando los elementos griegos, de algunas consideraciones. El primero que puede percibir la *profundidad de la noche* es el poeta trágico.

El ser humano percibe a la naturaleza mediante todo su ser, a partir de esta experiencia es como ella lo desborda a sí mismo; y esto solamente lo provoca la primavera, en ella todo florece y todo es de más. Así mismo el hombre es más, pues la misma naturaleza impregna su ser en él hasta hacerlo otro mediante sus aromas y sus colores; según Nietzsche, es en este lugar alejado de la *polis*, que surge la concepción del arte para los griegos, como una especie de pliegue que la naturaleza deja caer sobre el ser humano. Alejado de las comodidades que puede otorgar una ciudad encontramos al hombre metamorfoseándose en algo que destroza el corazón de la razón, esta pierde su estatuto ante los

colores, una orgía de ellos subyuga el corazón y la razón del hombre hasta llevarlo al límite de sus sentidos, el olfato ya no puede más y sin embargo sabe que es necesario seguir percibiendo todos los aromas; colores y aromas, cosas que se introducen al espíritu del hombre por medio de los sentidos del olfato y la vista; y qué decir del oído, por medio del cual se puede escuchar la música del río. En este medio se contagian los hombres del aroma y el colorido de la naturaleza, hasta llegar al éxtasis mediante el cual el hombre puede percibir la esencia de la naturaleza. Este sería el bosquejo del nacimiento del drama antiguo, según lo narra nuestro autor de la siguiente manera; "... el drama antiguo floreció a partir de una epidemia popular de ese tipo, y que la desgracia de las artes modernas es *no* haber brotado de semejante fuente misteriosa".¹⁸

Es necesario inferir que no se puede olvidar ni aniquilar totalmente estas experiencias del corazón del hombre y mucho menos de la forma de ser de la cultura de los atenienses; así que no es posible pensar que así como al ser humano le van ciertas estructuras antropológicas, como la del etnocentrismo en especial así mismo al griego le va él seguir

considerando o asistiendo a las fiestas dionisiacas a partir de que en el fondo ellos son así: "Por el contrario, el alma del ateniense que iba a ver la tragedia en las grandes dionisias continuaba teniendo en sí algo de aquel elemento de que nació la tragedia. Ese elemento es el impulso primaveral, que explota con una fuerza extraordinaria, un irritarse y enfurecerse, teniendo sentimientos mezclados que conocen, al aproximarse la primavera, todos los pueblos ingenuos y la naturaleza entera".¹⁹

La forma mediante la cual se acerca Nietzsche al fenómeno mismo de lo dionisiaco es el de la intuición, pues, para él, ésta es profundamente artística; "La intuición es un producto estético".²⁰ y es el que posibilita que exista un reconocimiento entre el hombre, la naturaleza y el drama antiguo; los contrarios solamente pueden religarse a partir de que existe algo común que los identifica, y esto es que el griego de la Atenas en el fondo tiene como su impulso más bestial al mismo Dionisos: "Todo aquí es instinto profundísimo: aquellos enormes cortejos dionisiacos de la Grecia antigua tienen su analogía en los bailarines de san Juan y de san Vito de la Edad Media, los cuales iban de ciudad en ciudad bailando, cantando y saltando,

en masas cada vez mayores”²¹.

A partir de esto se justifica lo que decíamos anteriormente, los griegos eran contagiados por la naturaleza conformándose una epidemia, como lo da a entender Marcel Detienne en su obra *Dioniso a Cielo abierto*: “La locura enviada por Dioniso, su *mania*, aparece aquí como un mal que ataca a gran número de personas. Tres en primer lugar. Y pronto ninguna será perdonada. En este relato o en otros semejantes, el dionisismo se presenta bajo la apariencia de una epidemia –que no tiene ninguna necesidad de la teoría del contagio... Y ciertamente la locura dionisiaca lleva en sí un poder de contagio tan grande como la mancha de la sangre derramada. Pero en sentido griego, “epidemia” pertenece al vocabulario de la teofanía... Las *epidemias* son sacrificios ofrecidos a las potencias divinas: cuando ellas llegan al país, cuando se entregan a su santuario, cuando asisten a una fiesta o están presentes en un sacrificio”²².

La naturaleza y el tiempo de la primavera tienen una preeminencia en toda la obra de Nietzsche sobre todas las concepciones o interpretaciones, esto se da porque mediante la primavera el hombre obtiene un sentimiento de omnipotencia; es mediante el exceso de todos sus

elementos por los que el hombre llega a una sabiduría natural, la primavera eleva de manera considerable las fuerzas vitales del hombre y las bestias, aquí ante nosotros entonces se presenta la naturaleza misma como fuente inagotable de fuerza y sabiduría que tiene un objetivo bien definido, el de reunir periódicamente al hombre con las bestias y con la naturaleza toda. Cuando la naturaleza se experimenta como lo apuesta Nietzsche a partir de su búsqueda se concibe como el “... drama antiguo floreció a partir de una epidemia popular de ese tipo, y que la desgracia de las artes modernas es *no* haber brotado de semejante fuente misteriosa”²³.

Que los márgenes o los linderos sean un tema de actualidad, solamente es posible porque se han instaurado como una posible liberación del hombre al horror de saberse naturaleza profunda, abismo infinito o volcán en erupción; en cuanto el hombre se funde con su origen se concilia con él y se olvida de sus construcciones elementales de manera momentánea, solamente para disfrutar del goce que se experimenta al reunificarse con el todo, los márgenes o linderos son propios de una cultura que se está alejando de la naturaleza, ésta pasa por ser algo conocible

más que algo experimentable; hay una gran diferencia en estas dos cosas, pues, si hablamos de la experimentación de la naturaleza solamente es a partir de que marcamos una diferencia con la experimentación del laboratorio; la experimentación de la naturaleza no está enmarcada dentro de lo medible y de lo previsible. Se experimenta entonces la naturaleza como algo nuevo, no hay tesis que se quiera comprobar ni tesis que se quiera desechar, debe haber entonces algo totalmente ajeno al cálculo y a la medición. En la experiencia como concepto moderno y erudito, el hombre se encuentra muy por encima de la propia naturaleza, por esto Heidegger se asustaba cuando veía las fotos de la tierra hechas desde la luna; desde esta perspectiva la naturaleza no es más que algo despersonalizado, no es un dios ni es el lugar en donde radican ellos. Para apuntalar lo anterior traemos a cuentas a Heidegger: "Todo funciona. Esto es precisamente lo inhóspito, que todo funciona y que el funcionamiento lleva siempre a más funcionamiento y que la técnica arranca al hombre de la tierra cada vez más y lo desarraigá. No sé si Vd. Estaba espantado, pero yo desde luego lo estaba cuando vi las fotos de la Tierra desde la Luna. No

necesitamos bombas atómicas, el desarraigo del hombre es un hecho. Sólo nos quedan puras relaciones técnicas. Donde el hombre vive ya no es la Tierra"²⁴.

La modernidad, la que tantas veces se menciona y a la que tanto odio tiene Nietzsche se caracteriza por desacralizar a la naturaleza, de esta manera se cierra la posibilidad de una nueva clarividencia o una nueva epifanía; Nietzsche de cierta manera busca y encuentra una, su filosofía e cierta manera es una revelación.

Nietzsche siempre es muy puntual con respecto a sus aseveraciones, siempre muestra algo distinto en cada frase en cada párrafo, de igual manera nunca deja al aire un tema sin acotarlo de manera tal que este diga lo que el hombre necesita comunicar, para él, el hombre queda hechizado con la naturaleza, la asistencia a las fiestas dionisiacas no es para descargarse de la cotidianidad, ni para engañar a los demás sobre la identidad el que se monta un disfraz, sino que la función del traje y del maquillaje es la de desconocerse uno mismo, volverse otro, aquí es cuando surge la repetición de la cuna del drama primigenio: "Pues su comienzo no consiste en que alguien se disfraze y quiera producir un engaño en

otros: no, antes bien, en que el hombre esté fuera de sí y se crea a sí mismo transformado y hechizado. En el estado de <<hallarse-fuera-de-sí>>, en el éxtasis, ya no es menester dar más que un solo paso: no retornamos a nosotros mismos, sino que ingresamos en otro ser, de tal modo que nos portamos como seres transformados mágicamente. De aquí procede, en última instancia, el profundo estupor ante el espectáculo del drama: vacila el suelo, la creencia en la indisolubilidad y fijeza del individuo”²⁵.

Ante nosotros causa admiración por un lado el esfuerzo del pensar por parte de todos los autores, en todos reconocemos un grado elevado de esfuerzo por comprender la vida y la muerte, pero, también consideramos que enfrentarse a la disolución del cuerpo y del alma implica la locura, un fenómeno en lo que se diluye el lenguaje y aparece el alarido animal; sabemos que en la época actual existe un menosprecio por lo más originario, pero más aún por esta experiencia de la vida y de la naturaleza, aunque surjan tantas prácticas religiosas y creencias ideológicas que busquen afanosamente una comprensión mayor de la vida que amilanen el dolor de sabernos incapaces de solucionar nuestra existencia.

De cierta manera Nietzsche recorre un camino que va desde su época hasta el pasado, y en este trayecto encuentra varios objetos que obstruyen el surgimiento de las artes como una forma vital y que pueda oponerse a la rancia utilización de la razón, a estos objetos les llamamos ideas, actitudes, prejuicios, formas de vida, cultura etc., el análisis de nuestro autor va de la siguiente manera:

La erudición, el saber y la sabiduría.

Desde la alta Edad Media ya no se compone música para el oído, sino para el ojo.

En el ámbito de la poesía (Poetas de libro)

Los poetas: (Píndaro, Esquilo y Sófocles) son comprendidos como poetas del libro.

La unión de dos o más artes no puede producir una elevación del goce estético. (Los juegos olímpicos demuestran lo contrario).

Toda la plástica ideal tiene que ser incolora, que la escultura antigua no permite empleo de color.

Una unión de dos o más artes no puede producir una elevación del goce estético, sino que es, antes bien, un extravío bárbaro del gusto.

Podemos resumir lo anterior con la frase siguiente en la que

se explica cómo se ha obstaculizado de forma general la formación en el hombre de una nueva forma cognitiva, mediante la que se pueda acceder a la experiencia del arte que se trata de explicar en este trabajo, y además las consecuencias de tal obstaculización: “Para el desarrollo de las artes modernas la erudición, el saber y la sabiduría conscientes constituyen el auténtico estorbo: todo crecer y evolucionar en el reino del arte tienen que producirse dentro de una noche profunda. La historia de la música enseña que la sana evolución progresiva de la música griega quedó de súbito máximamente obstaculizada y perjudicada en la Alta Edad Media cuando, tanto en la teoría como en la práctica, se volvió de manera docta a lo antiguo. El resultado fue una atrofia increíble del gusto: en las continuas contradicciones entre la presunta tradición y el oído natural se llegó a no componer ya música para el oído, sino para el ojo. Los ojos debían admirar la habilidad contrapuntística del compositor: los ojos debían reconocer la capacidad expresiva de la música”²⁶.

Por otro lado, en la obra del *Nacimiento de la Tragedia*, su autor propone que el hombre debe de gozar como *hombres*

completos, no como hombres que han sido fragmentados por su trabajo o por su dinámica social; de cierta manera también podemos afirmar, que los griegos que asistían a la puesta en escena de las tragedias no escapaban de sí mismos, sino que escapaban de la mezquindad de la vida pública; “... se refugiaba en la solemnidad de la acción teatral, solemnidad que producía un estado de ánimo tranquilo e invitaba al recogimiento”²⁷. El griego no quería distracción para romper con su intimidad, sino que el teatro era para eso, para reunificarse consigo mismo, necesitaba despertar su ser más profundo, su bestialidad y éxtasis más elevado que lo llevara a *tocar* a la primavera misma.

La modernidad ha cansado al hombre, la fábrica la institución la universidad, el academicismo lo han convertido en un ser de mirada corta y olfato chato, su sensibilidad es tan tosca que cualquier evento multitudinario lo percibe como lo más esplendoroso, ya no alcanza a distinguir entre lo sublime y lo tosco y termina por confundir en su visión a las artes con cualquier *charada* que se exprese como lo más innovador. Por esto, Nietzsche siempre contrapone a la visión moderna, la visión dionisiaca del mundo, o

la visión artística. Esta contraposición que se da entre las dos divinidades griegas y que representan a los instintos artísticos de la naturaleza será el asunto a tratar del siguiente apartado.

3. LA VISION DIONISIACA DEL MUNDO

Este escrito fue realizado por Nietzsche en el verano de 1870, *El Nacimiento de la Tragedia* surge en 1871, cuando su autor contaba con tan sólo 27 años. Para él, los dioses griegos emiten y obturan el lenguaje en un juego constante para mostrar la "... doctrina secreta de su visión del mundo"²⁸. Tal juego lingüístico sólo es posible porque la <<voluntad>> se inserta en las bisagras del tiempo Apolo-Dioniso, para que se dé el juego de la *apertura* de este momento en el que se forma "... la obra de arte de la tragedia ática"²⁹.

Son tres los elementos que juegan y que hacen posible este instante como ya se ve; Apolo, Dioniso y la Voluntad³⁰. Estos elementos conforman el <<principio de individuación>>. Apolo conforma los sueños y Dioniso la *embriaguez*. Dos estados necesarios y consecuentes de este instante, estos dos elementos que Nietzsche pide prestados a los griegos, son los que posibilitan que se dé el surgimiento de la

naturaleza y del hombre. En el sueño se cristalizan la arquitectura, la pintura y la poesía, las tres disciplinas nos refieren la utilización aguda del sentido de la vista por un lado para observar las *figuras* y los colores propios de las construcciones y su decoración. Dos cosas que sólo pueden existir a partir de los sueños y su decoración.

En la interpretación nietzscheana del arte encontramos que la preconcepción onírica del arte mismo es esencial, el sueño otorga la forma en que debe construirse algo y también los colores que deben acompañar a la forma; esta unión, la de la forma y el color viene a repetir la fusión originaria que se da entre Apolo y Dioniso. Debemos acotar que la unión de estos dos dioses diseñan dos obras, a saber, la artística y la natural. En las dos se unen los dos dioses para llegar a resumir toda su lucha en una flor o en un templo. Podemos percibir en esto un juego, esto es; existe una ecuación en el *Nacimiento de la Tragedia* que se afirma así, "... mientras que el sueño es el juego del ser humano individual con lo real, el arte del escultor (en sentido amplio) es el *juego con el sueño*"³¹.

Pero aquí ya hay una cosa para analizar, que Apolo

necesita de algunos representantes; así como el mayordomo que lleva la tarjeta de su Señor a alguna dama funge como representante, así el sueño funge como *representación* del Dios Apolo. El mayordomo no es el Señor, pero sólo puede hacerse presente por medio de alguien de algo, también el presente o la carta de presentación son propias del Sr. El es el dueño de la representación en sí. De igual forma, Apolo no puede hacerse presente porque es un dios deslumbrante, así que necesita de igual forma de un representante o de algo que lo represente. Por otro lado, Nietzsche explica por qué elige a Apolo como dios del arte; porque "... fue posible hacer de *Apolo* el dios del arte? [y responde] Sólo en cuanto es el dios de las representaciones oníricas"³². Apolo necesita de los sueños para revelarse, para salir de lo oculto; pensando tal vez en un cuarto de revelado, sólo se puede ver la imagen clara en el sueño en cuanto que este es como un cuarto de revelado, en el la imagen se fija en el papel para que los demás puedan observar claramente lo oculto. La estatua, la palabra y el templo conforman la esencia del sueño, y la esencia del sueño es lo real, por la que la estatua, la palabra y el templo son lo

real; cosas propias del sueño que vienen en representación de Apolo, pero, tomando en consideración a la estatua podemos citar a Nietzsche para aclarar lo anterior; "La estatua, en cuanto bloque de mármol, es algo muy real, pero lo real de la estatua *en cuanto figura onírica* es la persona viviente del dios"³³. El juego continuo del artista que sueña observa a la estatua como forma de la imaginación, pero en cuanto plasma esta imagen en un bloque de mármol toma sobre sus manos al sueño y al plasmarlo sigue jugando con él. Miguel Ángel Bounarroti en cuanto que sueña como artista juega con lo real, pues a lo real le va el aparecer en los sueños; y en el momento en el que plasma al *David* o al *Moisés* juega con el sueño, entonces podríamos afirmar que tanto los griegos como el genio del Renacimiento juegan constantemente, y pasan de la realidad a la cristalización de los sueños. Los griegos entonces sueñan constantemente y de allí que siempre estén rodeados de la realidad.

Según Nietzsche, a Apolo le va en su existencia el resplandecer constantemente. Pero de esta característica se derivan otras más, a saber, "... se revela en el resplandor. La <<belleza>> es su elemento: eterna juventud le acompaña..."

la bella apariencia del mundo onírico es su reino: la verdad superior, la perfección propia de esos estados... élévalo a la categoría de dios vaticinador [y] ... de dios artístico. El dios de la bella apariencia tiene que ser al mismo tiempo el dios del conocimiento verdadero”³⁴. No le corresponde por lo tanto romper su forma; su propio juego está a salvo, en su esencia va el destino de la obra de arte, tener el sentido de la eternidad³⁵. En tanto Dioniso juega aparte, pero teniendo en consideración que su compañero de juego es Apolo, así que espera el momento adecuado para unirse a él. El juego de Dioniso se da directamente con la embriaguez y con el éxtasis, mediante estos elementos, el hombre puede entrar a la dimensión del olvido de sí. Dioniso resume en sí todos los efectos que producen en el hombre el instinto primaveral, la embriaguez y la bebida narcótica. Ante este fenómeno la cultura misma tiembla ante este dios, pues en la embriaguez el Duque deja de ser Duque y el esclavo deja de ser esclavo, en este momento desaparecen los títulos nobiliarios. El juego de Dioniso con el hombre está más allá de la destrucción, este dios promete al hombre la libertad, la igualdad y la sabiduría, en este momento: “...el esclavo es

hombre libre, el noble y el de humilde cuna se unen para formar los mismos coros báquicos. En muchedumbres cada vez mayores va rodando de un lugar a otro el evangelio de la <<armonía de los mundos>>; cantando y bailando manifiéstese el ser humano como miembro de una comunidad superior, más ideal: ha desaprendido ha a andar y a hablar. Más aún: se siente mágicamente transformado, y en realidad se ha convertido en otra cosa. Al igual que los animales hablan y la tierra da leche y miel, también en él resuena algo sobrenatural. Se siente dios: todo lo que vivía sólo en su imaginación, ahora eso él lo percibe en sí. ¿Qué son ahora para él las imágenes y las estatuas? El ser humano no es ya un artista, se ha convertido en una obra de arte, camina tan extático y erguido como en sueños veía caminar a los dioses. La potencia artística de la naturaleza, no ya la de un ser humano individual, es la que aquí se revela: un barro más noble, un mármol más precioso son aquí amasados y tallados: el ser humano. Este ser humano configurado por el artista Dioniso mantiene con la naturaleza la misma relación que la estatua mantiene con el artista apolíneo”³⁶.

Como se ha visto

anteriormente, más allá de la creencia que Dioniso es la destrucción total, se debe concebir que es la posibilidad artística que se encuentra en potencia y dicho de manera analógica, tanto en la naturaleza como en el ser humano, de allí que éste deviene de un instinto artístico pero que en la época de la modernidad padece de un sentimiento de fragmentación provocado por la propia historia. Dioniso asegura no sólo la libertad y la igualdad, sino la reunión con el todo, aunque sea instantánea, considero que Nietzsche nunca dejó de lado el deseo de reunirse con el Todo o lo Uno, sino que a tanto empeño, lo que si consideraba era que debía hacerse desde otra perspectiva.

Por otro lado, hay una regla o una fórmula que Nietzsche inaugura y que nos permite comprender algo que va a desarrollar con mayor amplitud en el *Nacimiento de la Tragedia*, a saber, que el artista dionisiaco deambula a vueltas experimentando el estado de embriaguez y por otro lado es consciente de ese estado y de la transfiguración a la que llega, es decir, este artista está embriagado y sobrio al mismo tiempo, estado que permite obtener una visión total de la naturaleza. Esta unión fraterna permite que se instaure en la

historia del mundo una cultura que estrecha los puntos antagónicos, los cuales que de manera superficial aparecen como algo imposible.

Ya se ha visto en el punto anterior que es una nueva filología la que permite que estos descubrimientos se lleven a cabo, lo común que existe en el fondo de la cultura griega es la exaltación que se le da no a las figuras singulares, sino al sacrificio de estas en pos de la voz popular.

Esa combinación caracteriza el punto culminante del mundo griego: originariamente sólo Apolo es dios del arte en Grecia, y su poder fue el que de tal modo moderó a Dioniso en Grecia, con esta alianza se rompen las estructuras formales que determinan la cultura griega, y que dan paso a las jerarquías sociales, al desaparecer tales estructuras se inaugura "... entre ellos en una festividad de redención del mundo, en un día de transfiguración"³⁷.

Dos cosas totalmente contrarias se encuentran fraternalmente; el vigor y la fuerza de Apolo solamente se hacen patentes ante la aparición de la violencia de Dioniso, la filosofía y el arte surgen por este encuentro; por un lado Dioniso destruye, pero es dios de la música y una de sus

características es la armonía, por otro Apolo lleva al hombre a la libertad del ensueño. Dicho de otra manera, Dioniso nos muestra la vida, explosiva, convulsionada pero que no puede salirse de sus cauces porque Apolo no lo permite. Sobre esta relación se va a ampliar en el siguiente apartado.

Notas

1. Nietzsche, Friedrich. *El origen de la Tragedia, Escritos Preliminares y Homero y la Filología Clásica*. Terramar, Buenos Aires, 2008, p. 193.
2. Ídem.
3. Ídem.
4. Ídem.
5. Ibíd., p. 194.
6. Ídem.
7. Ibíd., p. 196.
8. Ibíd., p. 201.
9. Ibíd., pp. 201, 202.
10. Ibíd., p. 203.
11. Ibíd., p. 204.
12. Ibíd., p. 206.
13. Ídem.
14. Ibíd., p. 208.
15. Cfr. Los libros VI, y VII del diálogo de la República, en el primero específicamente en 502c se plantea la necesidad del Estado de Educar a sus guardianes bajo el objeto de estudio supremo que es Idea del Bien, y que es superior a la justicia, además, se insiste en la necesidad de conocer adecuadamente, para esto Paltón utiliza las imágenes de la luz y de la oscuridad; para Platón hay una preeminencia del sentido de la vista sobre los demás sentidos, pero la vista nos remite a la intelección, capacidad propia del alma que posibilita la intelección del conocimiento de la Idea del Bien. Así el ojo sólo puede observar la luz del sol y de los demás objetos por una especie de pertenencia del sol con todas las cosas. En el similitud de la línea, Platón refiere los niveles de conocimiento que existen, desde la opinión hasta la dialéctica.
16. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*. Alianza, Madrid, 2009. Nota del Traductor, p. 207.
17. Ibíd., p. 206.
18. Ibíd., p. 212.
19. Ibíd., pp. 211, 212.
20. Nietzsche, Friedrich. *Fragmnetos Póstumos Vol. I*, (1869-1874). Tecnos, Madrid, 2007, pp. [7,116].
21. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*. Alianza, Madrid, 2009. Nota del Traductor, p. 212.
22. Detienne, Marcel. *Dioniso a Cielo Abierto*. Gedisa, Barcelona, 1986, p. 17-19.
23. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*. Alianza, Madrid, 2009, p. 212.
24. Heidegger, Martin. *Entrevista del Spiegel*. Tecnos, Madrid, 1996, p. 70.

25. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*. Alianza, Madrid, 2009, pp. 212, 213.
26. *Ibid.*, pp. 206, 207.
27. *Ibid.*, p. 211.
28. *Ibid.*, p. 244.
29. *Ídem*.
30. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*, p. 276.
31. *Ibid.*, p. 245.
32. *Ídem*.
33. *Ídem*.
34. *Ídem*.
35. Es Giorgio Colli quien ataca esta postura.
36. Nietzsche, Friedrich. *El Nacimiento de la Tragedia*, pp. 246, 247.
37. *Ibid.*, p. 247.

Maestro en Filosofía Josué Manzano Arzate es profesor investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Хосуэ Мансано Арсате – Маэстро философии, преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мексико.

Josué Manzano Arzate - Maestro of philosophy, lecturer and researcher at the Faculty of Humanities of the Autonomous University of the State of Mexico.

Манола Сепульведа Гарса
Аграрный раздел и образ «дьявола»
(Долорес Идальго, Гуанахуато 1920-1940)

Manola Sepúlveda Garza
El reparto agrario y la imagen del «diablo»
(Dolores Hidalgo, Guanajuato 1920-1940)

Manola Sepulveda Garza
The Agricultural Section and the Image of the «devil»
(Dolores Hidalgo, Guanajuato 1920-1940)

В тексте анализируется отказ от аграрного раздела (1920-1940 годы) со стороны большинства крестьян муниципалитета Долорес Идальго как следствие конфликта между церковью, вдохновлявшей региональные контрреволюционные движения, и государством. Эта работа рассматривает политico-идеологические проблемы и базируется на архивных материалах и на устных свидетельствах жителей муниципалитета Долорес Идальго мексиканского штата Гуанахуато.

Ключевые слова: аграрный раздел в Мексике, 1920-1940-е годы, образ «дьявола», восприятие центральной власти.

En el texto se analiza el rechazo al reparto agrario (1920-1940) por parte de la mayoría de los campesinos dolorense, como uno de los efectos de los conflictos entre la Iglesia, que inspiraba los movimientos contrarrevolucionarios regionales, y el Estado. El trabajo analiza problemas político-ideológicos y se basa en fuentes de archivo y testimonios de historia oral del municipio de Dolores Hidalgo del Estado de Guanajuato de México.

Palabras clave: el reparto agrario en México, 1920-1940, la imagen de «el diablo», la percepción de que el gobierno central.

The text analyzes the failure of the agricultural section (1920-1940 period) by the majority of the peasants of the municipality of Dolores Hidalgo, as a consequence of the conflict between the church, inspired the regional anti-revolutionary movement, and the state. This paper discusses the political and ideological issues and is based on archival material and oral evidence of inhabitants of the municipality of Dolores Hidalgo, the Mexican state of Guanajuato.

Keywords: agricultural section in Mexico, 1920-1940's, the image of «the devil», the perception of the central government.

Introducción

En México (y en lo que consideramos Occidente) existe una mitología abundante relacionada con quienes se apartan de su comunidad para vender su “alma al diablo” a cambio de la riqueza, precursora de la destrucción y de la muerte. Hay hostilidad contra la usura, la explotación, el abuso, el intercambio desigual, a lo cual se le asocia con un dinero malamente adquirido que traerá penas y destrucción. Todos estos planteamientos se acentúan en tiempos de incertidumbre y con el propio desarrollo del capitalismo.

Pero la sociedad que aquí se trata no estaba organizada por el mercado, se trata más bien de un “capitalismo atrasado” con tintes feudales en la cual existía una marcada polaridad social: un pequeño sector dueño de los recursos productivos (tierra, agua, ganado, 8%); al lado de un incipiente sector urbano de artesanos, profesionistas y pequeños comerciantes (12%); y una gran mayoría de trabajadores del campo (peones, vaqueros y aparceros 80%)¹. Se organizaban en fincas agro-ganaderas productoras de maíz, frijol, trigo y ganado, con tecnología tradicional (yunta jalada por bueyes, pocas zonas irrigables), trabajo pagado más en especie que en dinero y con

poco margen de movilidad. La producción se destinaba para alimentar a sus productores y para un mercado regional, aunque a veces llegaba a la ciudad de México. La población compartía la religión católica fuertemente arraigada desde los tiempos de la colonización.

Esta sociedad tenía sus propios problemas e insatisfacciones, pero se “revolucionó” al verse obligada a participar en los movimientos sociales de la Revolución y de la posrevolución. En efecto, en Dolores Hidalgo, como en muchos otros municipios del centro – oeste del país, la mayoría social fue muy activa en su oposición a los proyectos del Estado posrevolucionario. Los dolorense formaron parte de diversos movimientos contrarrevolucionarios que se expresaron de manera ininterrumpida con los cristeros (1926-1929); continuaron con las organizaciones de Legionarios y de la Base (1930-1936) y luego con el Sinarquismo que surgió en 1937 y que representó la segunda fuerza política a nivel nacional durante los años 1939 a 1946.

Estos movimientos que, en breve, defendían la continuidad del estatus quo: la religión católica, el clero, la hacienda y con ella la propiedad privada y sus relaciones de trabajo; se

enfrentaban a un proyecto gubernamental que se planteaba la reconstrucción del país y del Estado con criterios anticlericales y socializantes (ejido colectivo y educación socialista, por ejemplo). De la riqueza de estas dos posiciones, quiero resaltar cómo los sectores de trabajadores del campo se enfrentaron al reparto agrario y a sus representantes (peticionarios y funcionarios de gobierno) como si fueran agentes que encarnaban el mal, o como si se tratara del propio diablo. En la poca literatura de la época, es frecuente encontrar referencias a los líderes del agrarismo con el calificativo del “diablo”; y lo que también sorprende es que los campesinos masivamente rechazaron el ejido: sólo el 17% de los beneficiados habían tomado la tierra para 1940².

Así pues, la imagen del “diablo” se da en una sociedad que pasa por un largo periodo de inestabilidad y de confrontaciones armadas por la defensa de las instituciones existentes. En las próximas páginas colocaré especial énfasis en los conflictos Iglesia-Estado que, en mi opinión, influyeron para que la población pensara en el diablo al enfrentarse a la reforma agraria. Adelanto que la imagen del mal la trato como símbolo de un

catolicismo arraigado, como expresión surgida al rebasar los límites de una ética social, y también como un reflejo de algo que la gente pensaba como destructivo, como una representación colectiva de un proyecto de vida con el que se siente que se pierde la vida³.

Las políticas posrevolucionarias y su impacto en la población

Punto de partida para el análisis de los acontecimientos sucedidos de 1920 a 1940, es la Constitución de 1917 la cual representó un “acuerdo” de las distintas fuerzas políticas expresadas durante la Revolución. Esta Constitución fortaleció al Estado, aumentó el poder del Ejecutivo, elevó las reformas sociales al ámbito de programa constitucional y se fijó como objetivos llevar al país por las vías del progreso y modernización. La nueva ley minimizaba el poder de diversos sectores sociales: grandes propietarios y oligarquía porfiriana cuya principal riqueza estaba constituida por la tierra (Art. 27) y le daba un fuerte golpe al clero tanto en su posibilidad de acumular capital, como en su participación activa en el ámbito educativo (Art. 3º) y político (Art. 130). En contraste, favoreció a los sectores populares al adquirir el compromiso de restituir las

tierras a los pueblos que la habían perdido a partir de las leyes de 1856 (Art. 27), difundir la educación (Art. 3º) y dar protección al trabajador (Art. 123).

Aunque la Constitución no fue del agrado del clero ni de muchos católicos y hubo manifestaciones de su inconformidad, los conflictos Iglesia – Estado se intensificaron a partir de 1926. En ese entonces, el Presidente Plutarco Elías Calles ordenó la aplicación inmediata de los Artículos 3º, 27 y 130 y les pidió a los gobernadores de los estados que reglamentaran el Artículo 130. Por lo que las escuelas católicas fueron clausuradas, al igual que los conventos y seminarios; se impuso un número de sacerdotes para cada entidad federativa (en 1926 había 3600 sacerdotes en el país y sólo mil podían ejercer) y se les prohibió toda acción política⁴. A mediados del mismo año (2 de julio) se publicó un decreto en el que el Presidente Calles reformaba el código penal para incluir las infracciones cometidas contra el Artículo 130 (relativas a cultos, enseñanza y prensa); y más tarde, el 21 de julio, el gobierno detuvo a los dirigentes de la Liga Nacional de Defensa a la Libertad Religiosa (la Liga) que insistían que se anularan esos

Artículos de la Constitución⁵. En respuesta a estas medidas y a la imposibilidad del diálogo, el 31 de julio de 1926 los Obispos suspendieron el culto público y el Estado les canceló la posibilidad de ejercerlo a nivel privado.

Ante esta situación, en noviembre de 1926, la Liga se decidió por la lucha armada en contra del “mal gobierno”⁶. Esta rebelión fue marcadamente popular, fue conocida por los gobernantes como movimiento cristero (por el lema de los combatientes “Viva Cristo Rey y muera el mal gobierno”) y abarcó otras entidades del centro-oeste del país: Querétaro, Jalisco, Colima, San Luis Potosí, Michoacán, entre otros.

Los levantamientos se iniciaron desde que se suspendió el culto, pero la toma de las armas por la Liga y la organización militar del movimiento se dio en enero de 1927. En febrero el gobierno ordenó la reconcentración de sacerdotes y su remisión a la Secretaría de Gobernación por considerarlos responsables de los alzamientos masivos⁷, después de lo cual fusilaría a los curas encontrados en los campos y de hecho, de 1926 a 1929, murieron 18 en territorio guanajuatense⁸.

Durante estos años (1925-1929), los dolorense tenían

estrechos vínculos con la Liga y aunque esta organización tenía sus sedes en los centros urbanos, su influencia llegaba hasta las pequeñas rancherías del municipio.

Ante el cierre de templos, muchas haciendas se convirtieron en lugares para esconder las reliquias e imágenes sagradas y a las monjas, seminaristas y sacerdotes que lo requerieran. También se organizaron *resandleros* para continuar el culto y, además, se escondían las armas y la caballada para poder combatir a los federales.

La decisión de participar en la guerra se tomó por fincas y rancherías completas y al estilo de los tiempos de la Colonia y del “Repartimiento”, de cada poblado, mensualmente, salían de dos a cuatro hombres para sumarse a las gavillas y suplir a los combatientes⁹, de tal forma que las gavillas se renovaban constantemente.

De la gente más activa en el municipio podemos señalar: Cosme Aguilar, propietario de El Molino, se levantó en armas con 200 hombres. Por el lado de Ojo de Agua de Cervantes destacó Juan Álvarez, quien encabezó una gavilla numerosa; Salvador Azanza, propietario de una fracción de Trancas y administrador de toda la finca, también participó con más

recursos (peones, caballos y armamento) que Cosme Aguilar. De esta finca también destacaron como “cabezas” de gavilla Camilo Coneja y Patricio Ibarra oriundos de El Tecolote. Isidro Herrera, administrador de El Capulin, también dirigió a un grupo de guerrilleros; Ezequiel Sandoval, oriundo de una ranchería de la hacienda Santa Ana y Lobos, se movía entre Dolores Hidalgo y San Luis de la Paz y, según dicen, controlaba buena parte del norte del estado. Otros cabecillas del lado de El Catalán (rumbo a San Luis de la Paz) eran Simón Quijada, Pancho Romero y Filomeno Osorio; Pedro Garay, oriundo de Soledad Nueva, también encabezaba un grupo de Rebeldes. En Tierra Blanca había tres cabecillas de cristeros: Ricardo y Antonio Godinez y Severino Díaz; Al sur del municipio destacaban Camilo Coneja (de San Cristóbal), José Gutiérrez (de Peña Blanca) y Antonio Escobar (de Joconoxtle el Grande)¹⁰. Muchos jefes de gavilla (o capitanes de los del Cerro, Rebeldes o Alzados, como también se les conocía) surgieron de las rancherías y eran apoyados por sus patrones (les seguían pagando su sueldo de peones) o por la propia organización.

Las batallas se presentaron con enorme violencia, hubo

grandes pérdidas y derramamiento de sangre por ambas partes. En esta guerra, los federales actuaron con una cruel agresión contra los curas disidentes: el 12 de abril de 1927 el padre Álvarez, párroco de Victoria fue fusilado en Dolores Hidalgo; el 18 de julio de 1928 Pedro Rosas y Jerónimo Ramírez, cura y sacristán de la parroquia de Dolores, también fueron fusilados a 4 km de la cabecera municipal¹¹. Además, los templos fueron ocupados por los Federales y algunos de ellos fueron utilizados para resguardar los caballos y el armamento, lo cual se interpretaba como una profanación de los lugares sagrados. Un agrarista de aquel entonces nos cuenta: "la guerra estuvo dura... se desató la Inquisición por parte del gobierno porque ya no aguantaba a los cristeros. La parroquia de Dolores duró como cinco años cerrada... echaron pa' fuera a los sacerdotes y a algunos los mataron. La parroquia de la Tercera Orden, El Calvario, La Saleta y el Convento se convirtieron en cuarteles de los federales"¹².

Los jefes de gavilla estaban al mando del General Rodolfo Gallegos, quien nació en Jalisco y desde 1918 había sido Jefe de Operaciones Militares del estado de Guanajuato. Desde esa

jefatura apoyó al Gral. Obregón y combatió en la rebelión contra De la Huerta¹³. Pero en 1926 se sumó a la oposición y la Liga le otorgó el mando de la rebelión en Guanajuato¹⁴. En enero de 1927, Gallegos incursionó en el norte y noreste del estado seguido por un grupo numeroso de cristeros y aniquiló un regimiento federal en la Sierra de Guanajuato; en marzo (1927) "entre San Felipe y La Quemada asaltó un tren que transportaba 600 mil pesos oro... la operación salió bien y el oro fue confiado a un rico hacendado de Dolores Hidalgo para usarlo en la adquisición de pertrechos de guerra... Su manejo fue turbio y sólo la tercera parte tuvo el debido uso"¹⁵. Pero un poco más tarde (4 de mayo) murió en combate entre San Luis de la Paz y San Miguel de Allende. Su cadáver fue expuesto en San Miguel de Allende y enterrado en Celaya¹⁶. En esa misma época, también había incursionado el general Cedillo (de San Luis Potosí) y según Octavio Mendoza, Gobernador Interino, habían sido sus fuerzas las que aniquilaron al grupo de Gallegos¹⁷.

Aunque se descartaba a líderes importantes del movimiento, la violencia continuaba en la Sierra de Guanajuato, en Dolores Hidalgo y en buena parte del estado.

Después de la muerte de Gallegos, Cosme Aguilar (dueño de El Molino) pasó a ser General¹⁸ y junto con Josafat Godímez, Fortino Sánchez y otros tantos, continuaron la guerrilla en Allende y Dolores Hidalgo¹⁹.

El ofrecimiento de la tierra para los aliados del gobierno

En 1929 el Coronel del Ejército Federal Gonzalo N. Santos fue encargado de seguir el combate de los cristeros en el municipio; estuvo encuartelado en la estación del ferrocarril de Río Laja y desde ahí, extendió sus actividades prometiendo la tierra a los que se aliaran con el gobierno. Pero al no encontrar entusiasmo en su oferta, pasó a la imposición violenta. Nos cuentan: “las primeras solicitudes se hicieron por órdenes del Coronel quien mandó a los administradores de la finca (El Rincón) a juntar a la gente de la zona y realizó un censo en el que apuntó como a cien. A dos de ellos, Lázaro Vidia y Eusebio Granados, que gritaron ¡primero muertos que recibir tierras del gobierno! simplemente, los mató, pues no se trataba de elegir si se quería o no ser ejidatario”²⁰.

La oposición de la mayoría de los campesinos a todo lo que viniera de los federales era firme. Sin embargo, hubo un

sector que había apoyado a Obregón en las rebeliones contra De la Huerta, o que había expresado su demanda de la tierra (1923-1927) y que se sumó al Ejército de Gonzalo N. Santos. Con ellos se armaron las primeras Defensas Rurales (en 1929), se entablaron los combates y se realizó un “paquete” de solicitudes agrarias.

La participación de los agraristas con el Ejército para combatir a los cristeros, no fue sólo en el municipio de Dolores. Agustín Arroyo, gobernador de Guanajuato, informaba: “La zona norte y noreste del estado fueron las más abatidas por la incursión de partidas armadas de fanáticos y por este motivo, el Ejecutivo a mi cargo creyó conveniente cooperar a la extinción de dichas partidas para lo cual se aumentó en número la policía general del estado... solicité el concurso de los elementos agraristas quienes respondieron rápidamente a mi llamado organizándose por cuenta exclusiva del Estado diversas guerrillas cuyo total de hombres ascendió a 730. Con ellos se cubrió la Sierra de Guanajuato y los municipios de San Francisco, Purísima y Manuel Doblado²¹.

El agrarismo que se vivió en Dolores Hidalgo (y en buena parte del país) desde 1923 y

durante los años treinta, fue diferente al planteado por líderes como Zapata y Villa: se trató de una demanda manejada por el grupo gobernante, que la utilizó como mecanismo de integración del campesinado como su base social. Esos agraristas admitieron que su derecho a la tierra provenía del Estado y se subordinaron a su dirección²².

En 1930 el gobernador del estado de Guanajuato autorizó la formación de los primeros cinco ejidos del municipio. La cabecera municipal, parte de su periferia y un enclave en la Sierra de Guanajuato, jurídicamente se convertían en ejidos y ejidatarios, y parte de estos ejidatarios estaban organizados en grupos de autodefensa.

Las dotaciones provisionales abarcaron poblados que alguna vez tuvieron tierras (Dolores, El Llanito y Tierra Blanca), residentes de fincas que habían sido desmanteladas (El Llanito y Tierra Blanca y Los Cerna) o fincas que estaban hipotecadas y habían pasado a ser propiedad del Banco (La Trinidad), y beneficiaban no sólo a los combatientes que apoyaban al gobierno, sino al conjunto de familias que vivían en los poblados de las fincas afectadas.

Sin embargo, la mayoría de los campesinos rechazó el

ofrecimiento. En el ejido de Dolores, por ejemplo, Antonio Ramírez, al dar la posesión provisional informaba: “Al llamado de la 1° convocatoria nadie se presentó y después de la 2° convocatoria sólo pudimos reunir a siete individuos y con ellos formé el Comité Administrativo... la mayoría son comerciantes y empleados municipales... Me vi obligado a formar este Comité porque no había otros interesados, no obstante las reiteradas invitaciones del Presidente Municipal para reunir a mayor número de campesinos”²³.

Los Cerna tuvo una experiencia similar. Veamos el relato de J. Guadalupe Palacios. “En 1929, el presidente municipal Francisco Salgado vino a ofrecer la tierra: nos dijo que ya no había patrón que nos cobrara el piso, los pastos, el sol, el aire, burros y caballos. Nos preguntó si estábamos dispuestos a recibir la tierra y sólo Rito Palacios (padre del actual Comisariado ejidal) aceptó. Luego, vino un ingeniero a levantar un censo y la gente dio su nombre. Cuando se entregó la tierra de forma provisional (1930), se fueron todos y el rancho quedó solo. Unos se fueron a Trancas... ahí no entraban los del gobierno porque era cuartel de Rebeldes, y otros siguieron a los patrones.

No querían aceptar las tierras porque pensaban que era robarle al patrón y que quedarían excomulgados. Sólo unos cuantos recibimos el ejido. Apenas nos dieron la tierra, fuimos atacados por los Rebeldes dos veces... era gente pagada por los hacendados, eran guardias blancas... En la primera se metieron a las casas, robaron lo que pudieron y quemaron los jacales que tenían techos de zacate. No nos hicieron nada porque dormíamos en los campos para protegernos. Luego, el General Aguirre Colorado (o Guerra Colorado) de Irapuato, formó un pelotón y nos dio las armas. Me nombraron comandante cuando tenía unos 18 o 20 años. La segunda vez que nos atacaron ya estábamos armados y los enfrentamos, pero lograron escapar".... El pelotón de Los Cerna participó en un combate en 'Mesa de Dolores', ahí murió mucha gente de las dos partes...²⁴

Los dos casos muestran el ambiente social existente, el rechazo al ofrecimiento de la tierra y los ataques de los que eran víctimas todo aquel que se afiliara al gobierno. Para buena parte de la sociedad local, el agrarista o ejidatario era quien recibía la tierra que el gobierno le robaba a los patrones (lo cual lo hacia cómplice), faltaba a los

principios religiosos (no robarás) y traicionaba a la Iglesia al entablar tratos con un gobierno anticlerical. El ejidatario era quien "había vendido su alma al diablo por un pedazo de tierra". El decidirse por el agrarismo fue una opción que dividió a las familias: el padre de Rito Palacios y dos de sus hermanos siguieron al patrón²⁵, mientras que él, de un día para el otro, pasaba a ser Comandante de un pelotón que obedecía las órdenes de un gobierno que combatía contra sus parientes y paisanos.

No obstante esta situación, entre 1931- 932 las dotaciones provisionales obtuvieron Resolución Presidencial. El fallo presidencial fue menos generoso que el del gobernador y también fue menor el número de beneficiados²⁶. Posiblemente influyeron las protestas de los propietarios afectados que aseguraban que era falsa la demanda de la tierra por parte de sus trabajadores y que estaba fuera de la ley la afectación, ya que se trataba de *peones acasillados* y no de congregaciones con antecedente comunal, como todavía lo señalaba la ley²⁷. Pero también debió haber influido el que el número de campesinos interesados en el ejido, en realidad, era mínimo.

La reforma agraria apenas

empezaba. Los pocos ejidatarios (campesinos o no) se instalaron. Este nuevo sector formaba parte de la Liga Nacional Campesina, organización que a nivel del estado de Guanajuato fue la más fuerte del país durante 1926 a 1930²⁸. Pero, también, eran auxiliares de las tareas que requiriera el Ejército, de hecho eran considerados 1º Reserva del Ejército Federal²⁹, y continuaron con ese estatus en el transcurso de los años treinta.

En 1931 se formó la Casa del Agrarista en la que se estableció la Liga Regional Campesina adherida a la Confederación Campesina Mexicana y al PNR. La Liga Regional tomó el nombre complementario de Ezequiel Aguilera³⁰ en honor a un líder que fue asesinado en 1929 por defender la acción gubernamental³¹. Se integró con una mayoría de individuos de extracción urbana: artesanos, comerciantes itinerantes o establecidos, empleados municipales, gente que había salido de sus ranchos y estaba en desempleo, y algunos trabajadores de las fincas. Estos agraristas que, en 1931, no pasaban de sesenta hombres adultos en todo el municipio, junto con sus familias, autoridades municipales y los pocos maestros existentes en el lugar, empezaron la campaña

que promovía el reparto agrario.

El contexto era verdaderamente adverso por la continuidad de la guerra cristera. Los “arreglos” eran asuntos de las élites políticas y no del “pueblo”... además, no se respetaron. Si bien en 1930 los clérigos se reintegraron al culto, en 1931 reaparecen los ataques del gobierno contra la Iglesia y la reducción del número de sacerdotes a quienes se les permitía ejercer, de tal forma que para 1935 sólo había 305 sacerdotes autorizados en todo el país (35 en Guanajuato) y 500 iglesias y edificios eclesiásticos habían sido confiscados³².

Si a lo anterior se le agrega la acción agraria, no es difícil pensar que se intensificaba la violencia en el campo. En San José de Badillo, Celso Reveles, integrante del Comité Agrario (en 1929) fue asesinado por los del Cerro, y lo colgaron de un árbol en Bordo de San Pedro³³. Jerónimo Flores Torres, peticionario de Palma Prieta, (en 1931) también fue asesinado por las gavillas, se hizo responsable a Jesús Cárdenas (hijo del rentero de Terreros) y a Ezequiel Sandoval, cabecilla de la gavilla de Cristeros más aguerrida de Dolores Hidalgo y San Luis de la Paz³⁴. En 1932, en Coecillo, mataron a Higinio Guerrero por ser ejidatario. Se pensó que fue gente de Cosme

Aguilar (dueño de El Molino)³⁵.

Así se iniciaba una década, en la que el aumento de la pobreza y el hambre se hicieron sentir con la presencia de enfermedades como la lepra y la viruela³⁶. En cuanto al ambiente social, existía un movimiento organizado en el que participaba la mayor parte de la sociedad local y, al lado de ellos, estaban los primeros enclaves del gobierno federal. Las posiciones estaban claras: los dueños de las fincas tenían un amplio control de las rancherías existentes en sus propiedades y estaban comunicados, por redes de parentesco, amistad y afinidad de intereses, con otros propietarios de la zona y del país; además, ya se habían enfrentado al gobierno con las armas y habían dado muestra de su fuerza contrarrevolucionaria. El gobierno, por su parte, marcó su estrategia: combatirlos, también con las armas, y ofrecer la tierra al campesinado y aunque tomó un carácter impositivo, dejó grupos de aliados en la cabecera municipal y en algunas rancherías aledañas, que cuidaban el tránsito de los trenes y de los caminos. En el transcurso de los años treinta estas posiciones continuaron y se agudizaron los conflictos.

En efecto, en 1933 el Plan Sexenal del PNR se

comprometía, entre otras cosas, a extender el sistema escolar y modificar el Artículo 3º para implantar la educación socialista (lo cual se realizó en 1934) y a intensificar el reparto de tierras incluyendo como sujetos de derecho agrario, a los aparceros y peones de las haciendas³⁷. Con estas reformas se legalizaba la acción agraria para la mayor parte de la población rural del país, con lo cual, en teoría, se daba un golpe mortal a los dueños de las fincas del México mestizo y “una salida agrarista, no sólo a la demanda territorial, sino, también, a los movimientos de jornaleros que abanderaban reivindicaciones de carácter laboral”³⁸.

La propuesta del PNR, que continuó Lázaro Cárdenas como Presidente de la República, era hacer del reparto agrario el principal instrumento de justicia social y convertir a los beneficiados en un soporte firme del Estado. Según el Plan, el ejido debería ser la forma predominante de producción en el campo y debía apoyársele con escuelas, créditos, obras de riego y caminos. El proyecto era parte de un plan nacional que esperaba reorganizar económica y políticamente al país y al Estado.

Pero en Dolores Hidalgo (y en el norte de Guanajuato), el proyecto cardenista no fructificó

por la persistencia del movimiento de oposición que a nombre de la “libertad” siguió defendiendo la religión y además, la familia religiosamente constituida (en contra del amasiato, los embarazos fuera del matrimonio y el adulterio), la educación, la propiedad y la hacienda y con esto la continuidad del orden establecido. Por este motivo, la aplicación de la reforma agraria fue difícil, violenta y realmente no fue un éxito como pudo serlo en otras regiones del país.

En efecto, en Dolores Hidalgo la oposición estuvo dirigida por las Legiones y luego por la Base, organizaciones de católicos que realizaban su militancia a través de comités locales y regionales. En este movimiento se integraron los participantes de la Liga: cristeros levantados en armas, comerciantes, párrocos locales, trabajadores de las fincas, entre otros, por lo que su base social fue muy extensa y heterogénea. La mayor parte de los integrantes de estas organizaciones, a su vez, pasó a formar parte de la Unión Nacional Sinarquistas (UNS) formada a mediados de 1937³⁹. Con el término Sinarquista se quería decir orden, autoridad y disciplina. Su fuente ideológica fue la doctrina social de la Iglesia, pero también se

declaraban seguidores de las tradiciones hispanistas, eran anticomunistas, anti-estatistas y por supuesto, defensores de la propiedad privada “porque en ella radica la libertad del hombre”⁴⁰.

Estas organizaciones no fueron de resistencia pacífica. En el norte de Guanajuato la mayor parte de los finqueros hicieron uso de los recursos jurídicos disponibles para proteger sus bienes, realizaron promesas a sus trabajadores de hacerlos pequeños propietarios y, en muchos casos, organizaron “ejércitos blancos” para enfrentar a los agraristas y representantes del gobierno.

Según informes, en esos años se empezó a generalizar la aparcería en el municipio, lo cual para muchos peones era una mejoría, “ya que en aquellos tiempos, había buenas lluvias y se recogían cosechas”⁴¹. Pero en ese entonces, los campesinos daban la “parte” de la cosecha ya no por el préstamo de la tierra y la habilitación, sino como un pago para adquirir la parcela en propiedad: “tenían recibos a cuenta del lote que habían adquirido, pero no escrituras porque les faltaba mucho tiempo para terminar de pagar”⁴². Otra forma de estrechar las alianzas del patrón con sus trabajadores fue el alza de salarios de 37 o 50 centavos

por jornada, a 75 centavos o a un peso, más la ración semanal de maíz y frijol⁴³.

Así que si el gobierno pretendía encontrar aliados y combatientes prometiéndoles la tierra, los terratenientes supieron diferenciar las demandas y a algunos les aumentaron el salario y a otros, les mejoraron los términos de la aparcería y les prometieron la propiedad de las parcelas. Estas ofertas concretas, respaldada por la palabra del patron, que no requería de trámites y que se vivían unida al concepto de "libertad" y en concordancia con los principios religiosos, tuvieron más credibilidad que el proyecto del Estado, además, tenían el respaldo de los pocos curas existentes en el municipio que apoyaban la oposición a los programas del gobierno "bolchevique".

Los proyectos gubernamentales de reparto de tierras continuaron. De 1934 a 1940 en la Delegación Agraria se registraron alrededor de 83 solicitudes de dotación o ampliación de ejidos, y la mayoría fueron publicadas en el Diario Oficial del Estado de Guanajuato. Prácticamente todas las fincas del municipio y hasta las congregaciones fueron afectadas por alguna solicitud agraria.

Cuando una solicitud salía

publicada, los trabajadores de la finca afectada (seguramente sus patrones, pues ellos eran analfabetos) enviaban escritos a la Delegación en las que negaban haber realizado la solicitud y pedían que no procediera el expediente. En Los Cerna, por ejemplo, afirmaban que estaban conformes con la aparcería y que eran "los agitadores los que hacian los documentos y recogían firmas sin decir para qué"⁴⁴; en El Gallinero, decían que los agraristas los amenazaban y los obligaban a firmar, pero que jamás aceptarían las tierras que les ofrecía el gobierno. Señalaban: "deseamos estar enteramente libres para trabajar donde mejor nos convenga.... Tenemos suficientes tierras en mediería, no necesitamos nada del gobierno... nos harán un mal al darnos las tierras"⁴⁵. Referencias similares existen en todos los expedientes agrarios iniciados en aquel tiempo, incluso en aquellos en los que había agraristas, pues eran minoría.

Otra muestra del rechazo de los trabajadores del campo fue negarse en participar con los funcionarios del gobierno en las tareas técnicas que debían realizar. En el caso de Tequisquiapan, por ejemplo, Manuel Cáseres informaba: "para realizar el censo y las

mediciones de la finca fui acompañado por un pelotón de las fuerzas federales... los campesinos fueron hostiles y nos destruyeron los aparatos de medición”⁴⁶; en El Tajo (1º ampliación) Rafael Murillo señalaba: “los trabajos topográficos se hicieron con los peones de la cárcel por carecer de escolta y de la cooperación de los campesinos”⁴⁷; el mismo Rafael Murillo, para formar el ejido San Gabriel, informaba: “Los trabajos se hicieron rápido por ser zona de Rebeldes... No tuve la colaboración de los vecinos, así que ocupé como *estadaleros* y peones a los presos de la cárcel de Dolores”⁴⁸.

Ante el desprecio de los trabajadores de las fincas, el personal del departamento agrario insistía, trataban de explicar que el ejido era lo mejor que les podía pasar a ellos y a la patria entera, pero no lograban convencerlos. En su opinión, los campesinos no podían comprenderlo por su extrema pobreza, por su sumisión a los patrones, o por el temor de ser víctimas de las gavillas de oposición.

Pero la gran mayoría de los dolorense no interpretaban la reforma agraria como “una acción liberadora” sino como una “pérdida de libertad”, como una traición a los curas con lo

cual quedarían excomulgados y perderían la “bienaventuranza en el más allá”; además, en su opinión, el gobierno daba algo robado, los únicos que podían dar la tierra eran sus patrones porque le pertenecía.

El ejido era manejado viendo una similitud en su estructura con la aparcería: el propietario prestaba la tierra, la semilla y el instrumental de labranza a cambio de una parte de la cosecha. El Estado también prestaba la tierra (no la daba en propiedad), el instrumental de labranza y las semillas (por los apoyos bancarios) a cambio también de una parte de la cosecha (los impuestos y el pago del crédito bancario) y, sobre todo, de tenerlos como aliados bajo su control. El cambio de patrón y con esto, la continuidad de los lazos de subordinación, podía no ser motivo de tanta violencia (como se demostró tres décadas después), pero sí el hecho de que en esa sumisión política, el ejidatario pasara a ser anticlerical, se organizara en Defensas Rurales y pasaba a formar parte de las Reservas del Ejército. Eso pareció asustar mucho a la población, sin embargo, los finqueros y terratenientes también tenían sus ejércitos (o guardias blancas) y en el campo concreto, a veces, tenían más poder que las instituciones del Estado.

En efecto, a pesar de que en las Defensas se habían integrado algunos *ex cristeros* que conocían las estrategias de los adversarios, no parecían suficientes para enfrentar la oposición de la sociedad local, cuyos líderes mercaban carabinas en el país vecino⁴⁹. Los funcionarios del gobierno escribían informes sobre de la debilidad de las defensas rurales ante el equipamiento de las gavillas de los finqueros.

Lo que era un hecho es que la oposición estaba presente en todo el norte del estado: hubo municipios como San Diego de la Unión y San Luis de la Paz donde la acción agraria fue más limitada que en Dolores Hidalgo. En esos lugares montañosos y de difícil acceso, los terratenientes bloquearon las fronteras con sus gavillas armadas e hicieron muy difícil la entrada de los federales.

Por otra parte, el que el ejidatario fuera un “diablo” resultaba algo simplista. Si bien formalmente se sumaban al anticlericalismo, hubo signos de su religiosidad como el portar escapularios debajo de sus ropas y testimonios como el de Eusebio Carrillo de la guardia rural de El Llanito quien relata: “estábamos protegidos con las armas y por San Martín que era el abogado de los peticionarios de Tierra Blanca”⁵⁰. Y también

cuestionaban la legitimidad de los títulos de propiedad, ya que en varios casos (Tequisquiapan, Ojo Zarco, El Llanito, Tierra Blanca y otros) aseguraban que la tierra había sido arrebatada a los pueblos y congregaciones, por lo que no se trataba de un robo que hacía el gobierno, sino de un acto de justicia, pues los que se decían “dueños”, habían robado antes. En lo que se refiere a los trabajadores de las fincas que se habían integrado a las gavillas, no lo hacían sólo por un sueldo (seguían recibiendo su salario de peón, que había aumentado de \$0.50 a \$1.00 por jornada), sino porque estaban convencidos de las banderas de su lucha: defender al clero y a la religión, la familia, la propiedad y el empleo, porque todo eso era defenderse a sí mismos. Su rechazo al ejido no era por ignorancia, sino porque estaban inmersos en un proyecto que prometía otra forma de hacerse de la tierra, que, por cierto, en muy pocos casos cumplió.

En ese tiempo la violencia fue una constante y se intensificó en 1936-1937, cuando en el norte de Guanajuato se realizó el recorrido del campo para levantar solicitudes agrarias. En estos casos hubo muertes de los peticionarios de La Haciendita; La Ventilla; El Capulín, El Tajo,

La Erre, Las Yeras, Soledad Nueva, Tequisquiapan, Los Terreros, entre otros. Además, la violencia no sólo se daba en los combates donde ambas partes estaban armadas, sino también en el trato cotidiano: a un ejidatario se le prohibía entrar a los templos una vez que fue regularizado el culto religioso (1937), y un hijo de ejidatario no podía jugar con el de un aparcero, por ejemplo.

Para 1940 el ambiente social principiaba a dar signos de pacificación, en buena parte por la apertura de templos y la reanudación del culto católico (1937) y un discurso presidencial que insistía en la reconciliación social. Por su parte, los cristeros o alzados se dividieron: unos cuantos se sumaron al agrarismo, otros fueron derrotados, otros continuaron sus enfrentamientos contra federales y agraristas hasta 1942-1943 y otros más (la mayoría) fueron controlados por sus patrones y se sumaron al Sinarquismo. Así se iniciaba un nuevo tejido social en el que los finqueros entablarian nuevas negociaciones con el Estado, frecuentemente en perjuicio del proyecto ejidal y de los ejidatarios.

En materia de acción agraria podemos mencionar que de 1923 a 1940 se firmaron 23 Resoluciones Presidenciales de

dotación y 2 de ampliación⁵¹. Además, había cuatro ejidos en posesión provisional, lo cual hace un aproximado de 1670 beneficiados con una superficie de alrededor de 20,382 has que representa el 13.5% de la superficie municipal. Pero en realidad, sólo 13 de las 25 Resoluciones Presidenciales estaban ejecutadas (12 de dotación y una ampliación) y tres ejidos que estaban “en provisional”. El número de ejidatarios era un poco mayor de 200 en todo el municipio (17%). El 50% de las afectaciones (11 de dotación, una ampliación y una provisional) eran poblados que seguían trabajando como antaño, con la obligación de pagar las contribuciones y otorgar el 25% de la producción a la Delegación Agraria por trabajar en superficie ejidal. Este pago estaría vigente hasta que los campesinos beneficiados se asumieran como ejidatarios⁵².

Un aspecto a resaltar es que el no ser agrarista fue una decisión colectiva de ranchos y fincas completos encabezada por el finquero o patrón; mientras que la decisión de ser agrarista fue individual (del jefe de la familia nuclear). En esta opción, el ejidatario se vinculó al Estado a cambio de quebrantar (o hasta anular) no sólo las relaciones clero -patrón-trabajador, sino también las

relaciones vecinales y la unidad familiar de corte “patriarcal”. Los agraristas, que podían montar a caballo y manejar las armas, eran hombres de 30 a 40 años que podían lanzarse a la lucha a muerte dejando a los padres y tomando sólo a su esposa e hijos, éstos últimos, a pesar de su corta edad (14 o 16 años) ya formaban parte de las defensas rurales. La quiebra de redes sociales, más allá de la familia nuclear, fue una condición que ayudó a los agraristas a tener mayor movilidad en su acción política y militar, pero, al rebasar los límites de una ética social se quedaron aislados a la hora de organizar el ejido y ponerse a producir.

Para terminar quiero reiterar que los planteamientos referidos a la representación del mal surgieron en un contexto de “guerra”. Por paradójico que parezca, el anticlericalismo y los aspectos socialistas del gobierno, aunados al discurso de los católicos que afirmaba que quien se sumara a ellos quedaría excomulgado, ayudaron a los finqueros a entablar firmes alianzas con sus trabajadores y a convertirlos en opositores de la reforma agraria.

Para la sociedad dolorensse, el “diablo” justamente lo fueron los representantes del gobierno y los agraristas que se sumaron a

su proyecto, porque fueron vistos como desestabilizadores sociales; pero para los agraristas, la encarnación del mal lo fueron los *persinados*, de ellos conocieron su parte más violenta. Ambos sectores tuvieron que convivir con los odios que dejaron las batallas y después, durante los siguientes años, que supuestamente fueron de paz social, los finqueros fueron apoyados por el gobierno, ya buena parte de los agraristas además de que les quitaron las armas, los expulsaran del territorio municipal. Por su parte, los ejidos se fueron “catolizando”: en los tiempos del presidente Miguel Alemán, se construyeron templos en esos lugares para borrar el sello del anticlericalismo con el cual surgieron.

Las promesas no cumplidas podrían ser parte de la representación del mal y de esto “pecaron” tanto los finqueros que prometieron hacer de cada trabajador un digno pequeño propietario independiente del Estado (y que en el mejor de los casos sólo les otorgaron el solar donde estaba construida su vivienda), como el Estado que de hecho frenó el reparto agrario y se desentendió de un amplio sector de gente que lo apoyó en los tiempos más adversos. El tiempo también fue

juez y cuando se reactivó el agrarismo gubernamental (1960-1980) los hijos de quienes alguna vez lucharon contra el gobierno, recurrieron al Estado para que les otorgara la tierra.

Notas

1. Censo General de la República Mexicana, 28 de octubre de 1900, estado de Guanajuato.
2. Véase, Sepúlveda Garza, Manola. Vaivenes de la historia ejidal, Dolores Hidalgo, CIN, Guanajuato 1960-1970. ENAH, México, 2011, pp. 80-82.
3. Taussig, Michael. El diablo y el fetichismo de la mercancía en Sudamérica. Nueva Imagen, México, 1993 pp. 37-38.
4. Meyer, Jean. La Cristiada. T. II, Siglo XXI, México, 1974. pp.243-246 y 286.
5. Ibíd., t. II, pp. 262 y 265.
6. Ibíd., t. I, pp. 19, 31 y 50.
7. Mendoza, Octavio. Informes de gobierno, 1927 // Guanajuato en la voz de sus gobernadores. Compilación de Informes de Gobierno 1917-1991. T. I, Gobierno del Estado de Guanajuato, Guanajuato, 1991, p. 320.
8. Meyer, Jean. Op. cit., pp. 37 y 49.
9. Entrevistas: Arredondo, Carmen. El Gallinero, 2002; María Sánchez, Soledad Nueva, ampliación, 2004.
10. Entrevistas: Camerino Valor, ejidatario de San Cristóbal, 2006; Pablo Ramírez, Ojo de Agua de Cervantes, 1996; Antonio Salazar, Trancas Viejas, 1998; Adrián González. La Palmilla, 1997; Ignacio Aguilar, hijo de Cosme Aguilar, El Molino, 1998; Nazario Sánchez, Palma Prieta, 1997; Antonio Garay, El Jaguey, 2003; Eusebio Carrillo, ejidatario de Tierra Blanca, 2005.
11. Barrón Zacarías, Apuntes Históricos de Dolores Hidalgo. Mata Impresores, México, 1978 p. 262.
12. Victorio Valencia ejidatario de Jesús María, 1998.
13. Munive, José. Entre pueblo y Estado: la rebelión cristera en Guanajuato. Tesis, ENAH, México, 2000 p. 82.
14. Meyer, Jean. Op. cit., t. I, pp. 113 y 142.
15. Ibíd., t. I, p. 80.
16. Ibíd., t. I, p. 181.
17. Octavio Mendoza. Op. cit., t. I, p. 320.
18. Entrevista: Ignacio Aguilar Manzano, hijo de Cosme. El Molino, 1998.
19. Meyer, Jean. Op. cit., t. I, p. 237.
20. Existen varios relatos del acontecimiento: Santiago Pérez, San José de Badillo, 2002; Carlos Alday, 2002-2004;

28/09/1968 Al Presidente de la República. De Margarito Santana Garay, CPEA de La Concepción. Exp. La Concepción 3331.

21. Arroyo, Agustín. Gobernador, informe 1º de abril de 1930. Op. cit., t I, p. 341.

22. Bartra, Armando. Los herederos de Zapata. Movimientos campesinos posrevolucionarios 1920-1980, Era, México, 1985, pp. 22-27.

23. 03/03/1930. Inf. de Antonio Ramírez, Comisionado de la Comisión Local Agraria. Ejido Dolores, exp., 59.

24. Entrevista: Felipe Godínez y J. Guadalupe Palacios, ejidatarios de Los Cerna, 1998.

25. Ídem.

26. El gobernador otorgó en provisional 4,161 has para 681 beneficiarios y el Presidente de México 2787 has. para 452. Véase Sepúlveda Garza, Manola. Op. cit., pp. 48-50.

27. Diario Oficial de la Federación. Resolución Presidencial del ejido de Los Cerna, 02/06/1932; 26/12/1930. Al Presidente de la Comisión Local Agraria. Del Secretario de Gobierno. Transcribe oficio de Manuel Aguirre B. Exp. Tierra Blanca, 219.

28. Bartra, Armando. Op. cit., p. 33.

29. Meyer, Jean. Op. cit., t. III, p. 85.

30. 21/05/1931 Formación y reparación de la Casa del Agrarista. Dolores Hidalgo, exp. 59.

31. Entrevista: Alberto Gutiérrez, Dolores, 2002; Isidoro Azanza, 2004.

32. Meyer, Jean. Op. cit., t. I, p. 374.

33. 07/10/1929 Al Procurador de Pueblos. De Luis Rodríguez, Oficial Mayor, José de Badillo, exp. 222.

34. 12/12/1937. Al Delegado. De Clemente Valencia, Ismael Arredondo, agraristas; 16/05/1968. Al Srio. Gral. de Asuntos Agrarios. De representantes de la CNC. Exp. Palma Prieta, 1227.

35. Entrevista: Timoteo Ramírez, ejidatario de La Cantera, 2000.

36. Agustín Arroyo. Informe de gobierno 1º/04/1930. Op. cit., t. I, p. 354.

37. El plan se basaba en cuatro puntos: educación de masas; reparto de tierras, crédito e irrigación; aplicación de los principios del Artículo 123 (derechos del trabajador) y el desarrollo de las comunicaciones internas para ligar áreas de producción con las de consumo. Serrano, Pablo. La batalla del espíritu. El movimiento Sinarquista en el Bajío (1932-1951). Conaculta, México, 1992, pp. 124-126.

38. Bartra, Armando. Op. cit., p 61.
39. Serrano Álvarez, Pablo. Op. cit., t. I, pp. 53, 63, 72, 77, 101-105; 123-137.
40. Ibíd., p. 210.
41. Entrevista: Victoriano Valencia, ejidatario de Jesús María, 2001.
42. 11/06/1935 Eduardo Abarcoa. Informe de la ejecución del ejido de Dolores. Exp. 59.
43. Informes técnicos de diversos expedientes agrarios de la época.
44. 27/08/1929. Acta firmada por Antonio Martínez V. ante el juez de 1º instancia. Los Cerna exp. 220.
45. 21/05/1935. Acta certificada, El Gallinero, exp. 739.
46. 15/06/1936. Al Presidente de la CAM. De Manuel Cáceres. Inf. Técnico. Exp. Tequisquiapan, 1059.
47. 11/10/1936 .Informe de Rafael Murillo (CAM) El Tajo, 1º ampliación, exp. 1369.
48. 13/10/1937. Informe para proyectar la dotación ejidal. Rafael Murillo. Exp. San Gabriel, 1236.
49. Entrevista: Timoteo Valencia, 2002.
50. Entrevista: Eusebio Carrillo , San Antonio del Llanito, 2004.
51. De 1941 a 1959 se firmaron cinco Resoluciones Presidenciales más y de 1960 al 2000 se resolvieron once expedientes cuya solicitud agraria data de los años treinta.
52. Sepúlveda Garza, Manola. Op. cit., pp. 80-86.

Манола Сепульведа Гарса – Доктор Антропологии, профессор-исследователь Национальной Школы Антропологии и Истории, Мексика, Мексика

Doctora en Antropología Manola Sepúlveda Garza es profesora-investigadora de la Escuela Nacional de la Antropología e Historia, México, D.F.

Manola Sepulveda Garza - Doctor of Anthropology, a research professor of the National School of Anthropology and History, Mexico City, Mexico.

Никита Александрович Трегубов
**Национально-культурная специфика голосования на муниципальных выборах 2012 г.
(на материалах Челябинской области)**

Nikita Tregubov
**Cultural identity of voting in municipal elections in 2012
(on the materials of the Chelyabinsk region)**

В статье рассмотрены особенности электорального поведения на муниципальных выборах в современной России. На материалах Челябинской области проанализированы наиболее распространённые национально-культурные стереотипы поведения избирателей, повлиявшие на результаты выборов в органы местного самоуправления в 2012 году.

Ключевые слова: электоральное поведение, политические стереотипы, муниципальные выборы, Челябинская область

This article describes the features of electoral behavior in the municipal elections in Russia. With the use of the materials of the Chelyabinsk region the author analyzed the most common cultural patterns of electoral behavior, that affected the results of the elections to the local self-government in 2012.

Keywords: electoral behavior, political stereotypes, municipal elections, Chelyabinsk region

В октябре 2012 г. серией муниципальных выборов в России закончился очередной электоральный политический «сезон». По итогам этого «сезона» практически повсеместно уверенную победу одержали кандидаты, поддержанные «партией власти». Попробуем разобраться в некоторых причинах такого исхода, рассмотрев национально-культурную специфику поведения российских избирателей на муниципальных выборах 2012 года.

Анализ будет осуществляться с опорой на материалы о ходе и результатах избирательных кампаний в отдельно взятом субъекте Российской Федерации (метод кейс стадии). В качестве наиболее доступного объекта исследования выбрана Челябинская область. В соответствии с этим, исходным эмпирическим материалом для анализа стали данные о кампаниях по выборам главы Златоустовского городского округа (март-май 2012 года), а также по довыборам депутатов городской Думы в Центральном и Курчатовском районах города Челябинска (июнь-октябрь 2012 г.).

Известно, что муниципальные выборы (особенно выборы муниципальных органов законодательной/представительной власти) все-

гда относились в России к разряду так называемых «выборов со слабым содержанием». Население не особо верит в то, что власть на местах, в отличие, скажем, от Президента или Губернатора, обладает достаточными полномочиями для того, чтобы эффективно решать насущные проблемы людей. Соответственно, «достучаться» до избирателей на таких выборах кандидатам бывает очень и очень непросто¹. В Златоусте и Челябинске дополнительным фактором, снижающим интерес населения к местным выборам 2012 г., стал досрочный/дополнительный характер этих выборов. Так, в Златоусте в связи со «скоропостижной» отставкой главы округа А. Караваева, выборы проводились в «неурочное» время – 20 мая 2012 г. Соответственно, для уставших от череды федеральных избирательных кампаний 2011-2012 гг. златоустовцев отдых на природе или работа на садовом участке становились заманчивой альтернативой скучной, малозначимой и малопонятной процедуре «исполнения гражданского долга». В свою очередь, в Челябинске довыборы депутатов городской Думы 14 октября 2012 г. проводились только в двух одномандатных округах (округ № 35 в Центральном

районе и округ № 9 в Курчатовском районе города). Кандидаты избирались на «ушербные» то ли полтора, то ли два года (ясности в этом вопросе не существовало до самого последнего времени), вместо «полнценного» пятилетнего срока.

Таким образом, интерес избирателей Златоуста и Челябинска к местным выборам 2012 г. изначально был на достаточно низком уровне. Некоторой активизации избирателей могла способствовать разве что яркая и интригующая предвыборная кампания кандидатов. Однако итоговые показатели явки на выборы (Златоуст – 26%, Центральный район Челябинска – 18,9%, Курчатовский район Челябинска – 15,7%) красноречиво свидетельствуют о том, что необходимого для «разогрева» избирателей качества предвыборной борьбы кандидаты избирателям в итоге так и не продемонстрировали.

Судя по характеру агитационной активности на муниципальных выборах в Златоусте и Челябинске, избирателям на этих выборах было предложено «меню» из четырех основных категорий кандидатов.

1. Кандидаты – ставленники действующей власти. Главные аргументы, на основании которых гражданам

предлагалось проголосовать за претендентов на выборные должности от «партии власти» – это поддержка данных кандидатов уважаемыми в области (городе/районе) политиками и общественными деятелями, а также то, что данные кандидаты уже сегодня делают реальные «добрые дела», помогают людям в решении их насущных проблем.

2. Кандидаты – оппозиционеры. Очевидно, что голосование за оппозиционных кандидатов обуславливалось в основном негативной логикой «от противного»: (а) сегодня люди в городе/районе живут плохо; (б) в этом виновата действующая власть; (в) следовательно, надо голосовать за того, кто ярче всех выступает против кандидата от действующей власти.

3. Кандидаты, «приятные во всех отношениях». Такие кандидаты в основном стремились произвести на избирателей благоприятное внешнее впечатление (хороший костюм; умные глаза; приятная улыбка; красивая, качественная агитационная продукция и т.п.).

4. Фоновые, случайные кандидаты, в том числе кандидаты-статисты от политических партий «второго и третьего эшелонов», а также подставные кандидаты. За таких кан-

дидатов люди голосовали в итоге по самым разным, преимущественно случайным и второстепенным мотивам (понравилось/знакомо название партии, которая выдвинула кандидата; новое (молодое) лицо; учился(ась) с кандидатом в одной школе и т.д. и т.п.).

Представляется, что именно приведенные выше основные мотивы голосования во многом определили базовую логику поведения избирателей Златоуста и Челябинска на муниципальных выборах 2012 г. Более того, судя по результатам данных выборов, голосование избирателей за фоновых кандидатов и кандидатов, «приятных во всех отношениях», оказало не меньшее влияние на итоги избирательной кампании, чем голосование за кандидатов от действующей власти и оппозиции.

Еще одним важным показателем, уточняющим логику поведения избирателей на соответствующих выборах, является уровень «связанности» голосования избирателей за пары кандидатов-конкурентов. Этот показатель позволяет с большой долей вероятности выявить из всего множества участников в выборах претендентов на выборные должности пары «кандидатов-антагонистов», борющихся за

одних и тех же избирателей².

Отталкиваясь от приведенных выше общих рассуждений, попробуем рассмотреть ход и результаты златоустовских и челябинских муниципальных выборов 2012 г.

1. Город Златоуст: негативная кампания с антимобилизационным эффектом

В городе Златоусте в предвыборной борьбе за пост мэра участвовали следующие кандидаты:

1. Кандидаты от действующей власти: единоросс, и.о. главы города В. Жилин и самовыдвиженец, вице-мэр по экономическим вопросам А. Зырянов.

Представляется, что изначально А. Зырянов «работал» на выборах мэра г. Златоуста преимущественно в образе кандидата, «приятного во всех отношениях». Однако в ходе кампании этот образ довольно быстро эволюционировал в сторону образа «молодого и энергичного» кандидата от действующей власти. В результате конструируемый положительный образ А. Зырянова стал практически идентичным характеру позиционирования единоросса В. Жилина. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно просто сравнить предвыборные роли-

ки этих кандидатов³.

2. Оппозиционные кандидаты – самовыдвиженцы Р. Истомина и В. Усков.

3. Фоновые кандидаты – лдпровец С. Тронов, самовыдвиженец А. Симковский, а также представитель КПРФ Н. Мурашова.

Необходимо заметить, что С. Тронов и А. Симковский в рамках данной кампании, по нашему мнению, являлись так называемыми «подставными кандидатами». С. Тронов на протяжении всей кампании целенаправленно «лил воду на мельницу» В. Жилина, выступая в роли бескомпромиссного критика всех оппонентов кандидата-единоросса А. Симковского, в свою очередь, судя по всему, выполнял аналогичные функции в интересах кандидата Р. Истоминой.

До финиша избирательной дистанции дошли лишь пять из семи участвующих в выборах кандидатов. А. Симковский отказался от участия в выборах «по собственному желанию», тогда как А. Зырянов был снят с выборов по судебному иску С. Тронова.

Уровень «связанности» результатов голосования на выборах главы Златоустовского городского округа 20 мая 2012 г. схематично можно представить следующим образом (см. рис 1).

Как нетрудно заметить, после снятия с выборов второго кандидата от действующей власти А. Зырянова, основными антагонистами в данной кампании стали единоросс В. Жилин с одной стороны, и самовыдвиженцы-оппозиционеры Р. Истомина и В. Усков, с

Рис. 1. Уровень связанных голосования за кандидатов на выборах главы Златоустовского городского округа (20 мая 2012 г.)

другой. Команда В. Жилина для доказательства своего превосходства над оппонентами в течение всей кампании демонстрировала избирателям поддержку кандидатуры и.о. мэра Губернатором⁴, а также расписывала населению все выгоды голосования за «губернаторскую креатуру».

Кроме того, кандидаты-оппоненты за два месяца предвыборной борьбы умудрились вылить друг на друга немоверное количество «грязи». В итоге кампания по выборам главы Златоустовского городского округа 2012 г. приняла очевидный негативный характер. Значительная часть избирателей проголосовала на этих выборах главным образом не за своего «хорошего» кандидата, а против плохих «кандидатов-врагов»⁵. Соответственно, Р. Истомина и В. Усков поделили на этих выборах голоса протестного электората, тогда как команде В. Жилина, помимо прочего, удалось мобилизовать в свою поддержку некоторую часть избирателей, обеспокоенных возможностью прихода к власти в городе «людей с чёрной репутацией».

Большинство же избирателей, просто не пришли в день голосования на избирательные участки, отказавшись от навязываемого им выбора

между «жуликом», «пенсионеркой» и «фашистом».

Весьма важную роль в данной кампании сыграл кандидат-лдправец С. Тронов. Как видно на приведенной выше схеме, в день выборов имел место, пусть и слабый, но статистически значимый переток голосов между В. Жилиным и С. Троновым. В итоге, получается, что кандидат С. Тронов в целом сослужил кандидату В. Жилину тройную «службу»: во-первых, своей самоотверженной работой в качестве бескомпромиссного критика всех оппонентов В. Жилина (дебаты «Тронов-Симковский», а также сольные выступления С. Тронова на канале «Златоустовское ТВ»⁶ заслуживают в этом смысле особого восхищения); во-вторых, «выбиванием» из борьбы одного из серьезных соперников В. Жилина – второго кандидата от действующей власти А. Зырянова; и, наконец, в-третьих, «оттягиванием на себя» некоторой части протестного электората с использованием «оппозиционного» бренда ЛДПР непосредственно в день выборов.

Кандидат от коммунистов Н. Мурасова выступила в рамках данной кампании в роли абсолютного статиста, практически никак не повлияв на поведение электората. Более то-

го, на определенном этапе кампании её, судя по всему, даже попытались использовать «втёмную» некоторые стороны предвыборного противостояния.

Анализ связи уровня явки с результатами кандидатов на выборах позволяет уточнить некоторые нюансы данной кампании. Очевидно, что команда В. Жилина целенаправленно работала на снижение неорганизованной (неконтролируемой) явки избирателей. В итоге, чем ниже была явка избирателей на конкретных избирательных участках, тем выше оказалась на них результат В. Жилина. С другой стороны, достаточно результативными можно признать мобилизационные усилия команды оппозиционного кандидата В. Ускова. На участках с относительно высокой явкой результаты В. Ускова оказались гораздо более весомыми, нежели на участках с явкой «ниже среднего». Наконец, штабу Р. Истоминой, несмотря на все предпринятые усилия, не удалось привести на участки достаточно количество «своих» избирателей.

В итоге совокупный протестный электорат, мобилизованный командами кандидатов Р. Истоминой и В. Ускова при очень низком уровне явки избирателей «вообще», всё равно

оказался несколько меньше численности златоустовцев, продемонстрировавших лояльность В. Жилину в условиях его борьбы с конкурентами «не на жизнь, а на смерть». Представляется, что победа В. Жилина на выборах главы Златоустовского городского округа была достигнута, главным образом, за счёт голосования людей в соответствии со следующим национально-культурным стереотипом: «Сегодняшняя жизнь в городе (стране, регионе, районе и т.п.) меня никак не устраивает. Но если придут новые непонятные мне люди, о которых я к тому же услышал в последнее время много плохого, как бы не стало ещё хуже».

2. Центральный район города Челябинска: «разделяй, запутывай и властвуй».

В Центральном районе г. Челябинска на довыборах депутата городской Думы по одномандатному избирательному округу № 35 в предвыборной борьбе участвовали 11 кандидатов.

1. О. Иванов («Единая Россия») – кандидат от «партии власти».

2. Оппозиционные кандидаты А. Талевлин («Яблоко») и М. Пронин («Справедливая Россия»).

3. Кандидат, «приятный во всех отношениях», Д. Довженко («Города России»).

Претензия на некую оппозиционность действующей власти «проскочила» в кампании Д. Довженко всего один раз – в форме «ироничной усмешки» в адрес агитационной продукции О. Иванова. Понятно, что подобный единичный намёк был слишком робок и изящен для того, чтобы его заметило и оценило по достоинству хоть сколько-нибудь значимое число избирателей.

4. Когорта из семи «фоновых» кандидатов: Л. Вайднер (КПРФ), Н. Пыхно (ЛДПР), С. Григоренко («Партия Пенсионеров России»), Д. Станкевич (движение «Суть времени»), В. Комин (партия «За справедливость!»), Т. Малышева (Партия Социальной защиты), а также самовыдвиженец А. Курочкин.

К числу «условно фоновых» (или «вынужденно фоновых») кандидатов в рамках данной кампании следует отнести коммуниста Л. Вайднера. Его агитационная продукция достаточно определенно свидетельствует о желании кандидата представить перед избирателями в образе коммуниста-оппозиционера.

Вместе с тем, по факту, практически вся предвыборная активность кандидата от

КПРФ в Центральном районе оказалась методично «вычищенной» с улиц города, и массовый избиратель просто не заметил оппозиционного настроя Л. Вайднера.

Достаточно весомая часть «фоновых» кандидатов, судя по всему, участвовала в рамках данной кампании на правах «спойлеров» по отношению к оппозиционным «справедливороссу» и «яблочнику». В первом случае такое подозрение возникает в отношении В. Комина и Т. Малышевой, а во втором, – в отношении самовыдвиженца А. Курочкина. Основаниями для предположений подобного рода являются, во-первых, названия партий, выдвинувших данных кандидатов, а во-вторых, характер агитационной продукции, распространяемой от их имени.

Наконец, оставшиеся «фоновые» кандидаты, судя по всему, «работали» на данных выборах в основном на повышение узнаваемости названий новых политических партий и движений, а также на «окучивание» небольшой части голосов избирателей с использованием старых и испытанных брендов (типа бренда ЛДПР).

До финиша предвыборной гонки благополучно дошли все одиннадцать кандидатов. Ожидаемую победу на этих выборах одержал ставленник

«партии власти» О. Иванов. Судя по характеру агитационной активности О. Иванова, он получил свои 40,9% голосов избирателей в основном на отождествлении с «уважаемым человеком» А. Мотовиловым, а также за счет массированного пиара «добрых дел О. Иванова на благо жителей района», в том числе под эгидой движения «Активист».

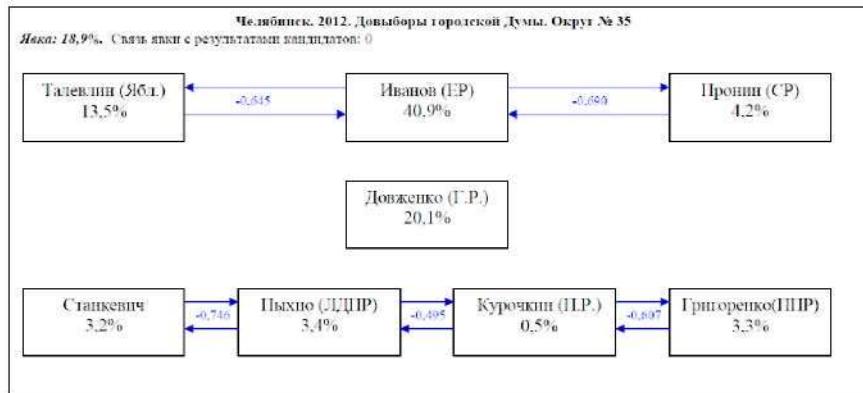
Кроме того, с помощью чётко организованной системы «зачистки» чужой агитпродукции команде О. Иванова удалось завоевать доминирующее положение во всех агитационных нишах. Это во многом оказалось «деморализующим» воздействие и на основных конкурентов О. Иванова, и на большую часть неорганизованных (неконтролируемых с помощью административного ресурса) избирателей. В част-

ности, у жителей Центрального района, на каждом углу встречавших листовки и портреты «одного Иванова», вполне могло сформироваться стойкое ощущение предрешенности исхода выборов и, соответственно, бесполезноститраты своего свободного времени на эту никчёмную процедуру.

«Связанность» результатов голосования за основных кандидатов на данных выборах отражена на схеме (см. рис. 2).

Судя по характеру «перетекания» голосов избирателей на данных выборах основными оппонентами О. Иванова для жителей Центрального района стали кандидаты-оппозиционеры: «яблочник» А. Талевлин и «эсэр» М. Пронин. Вместе с тем, результаты голосования свидетельствуют о том, что оппозиционным кандидатам

Рис. 2. Уровень связности голосования за кандидатов на довыборах депутатов Челябинской городской Думы (14.10.2012).

даже «на пару» удалось мобилизовать лишь очень небольшую часть протестного электората – менее половины от пришедших на участки «loyalistically oriented» избирателей О. Иванова.

На наш взгляд, здесь сыграли свою роль два основных фактора.

1. Не вполне удачный выбор основной темы кампании А. Талевлина. Лозунги типа «Зелёная эволюция» и «Защитим городской бор!», при всей их значимости, не вполне подходят для агитации жителей 35-го избирательного округа, хотя бы потому, что территория данного округа непосредственно не граничит с территорией Челябинского городского бора.

2. Недостаточная интенсивность агитации. На выборах с таким слабым содержанием для мобилизации большей части протестного электората кандидатами-оппозионерами должно было быть затрачено, как минимум, в несколько раз больше людских и материальных ресурсов, чем это имело место в реальности.

Интересную позицию в выборном «раскладе» занял кандидат Д. Довженко. Изолированное положение Д. Довженко в системе предпочтений избирателей округа свидетельствует о том, что этот кандидат

не сумел или не захотел чётко позиционировать себя по отношению к основным конкурентам. В сознании массового избирателя в итоге образом кандидата Довженко стал не образ «достойной альтернативы» О. Иванову, а образ «мужчины в хорошем костюме, производящего в целом довольно благоприятное впечатление».

Как оказалось, при отсутствии у Д. Довженко конкурентов в данной номинации положительного образа, а также при условии достаточно эффективной кампании по доведению образа «приятного кандидата» до избирателей (по нашим наблюдениям, агитационная продукция Д. Довженко попадалась на глаза избирателю почти так же часто, как продукция О. Иванова) за подобного кандидата оказались готовы проголосовать 20% пришедших на выборы жителей округа.

Роль остальных кандидатов в избирательной кампании, исходя из её результатов, свелась в основном к тому, чтобы бороться за голоса избирателей, осуществляющих свой выбор по разнообразным случайным соображениям. О том, по каким мотивам голосовали люди, выбиравшие на участках между голосованием за Д. Станкевича и Н. Пыхно, между голосованием за Н. Пыхно и А.

Курочкина, между голосованием за А. Курочкина и С. Григоренко, можно только догадываться.

**3. Курчатовский район города Челябинска:
«игра в поддавки» с закономерным итогом**

В отношении агитационной активности на довыборах в Курчатовском районе Челябинска у нас имеется довольно скучная информация. Судя по всему, с задачей сделать эти выборы максимально незаметными для избирателя команда кандидата от «партии власти» справилась безукоризненно. Поэтому даже характер позиционирования многих кандидатов на этих выборах вызывает немалое количество вопросов. Согласно нашему предположению, выделенные выше амплуа, скорее всего, оказались распределены между участниками данной кампании следующим образом:

1. С. Селешук («Единая Россия») – кандидат от действующей власти.
2. «Оппозиционный» кандидат Н. Мухаметьярова («Справедливая Россия»).
3. Кандидаты, «приятные во всех отношениях»: представитель партии «Города России» А. Бердников, а также самовыдвиженцы О. Корниенко и В. Алёшкин.

4. Фоновые кандидаты: М. Ефремов (КПРФ), С. Биткин (ЛДПР), М. Гранкин (Партия пенсионеров России), а также самовыдвиженцы А. Нестеров, Е. Лисин и С. Махалов.

Как и в 35-м избирательном округе, кандидат от КПРФ по избирательному округу № 9 М. Ефремов, скорее всего, стал «фоновым кандидатом поневоле». Информация о его оппозиционности просто не дошла до массового избирателя.

Кроме того, лдпровец С. Биткин и самовыдвиженец Е. Лисин на рассматриваемых выборах, скорее всего, являлись «подставными» кандидатами, выполнявшими «юридические поручения» штабов О. Корниенко и С. Селещука, соответственно. Закономерным результатом судебных разбирательств, затянутых данными кандидатами, стал отказ от снятия с выборов С. Селещука и отмена регистрации кандидата О. Корниенко.

«Связанность» результатов голосования за основных кандидатов на данных выборах отражена на схеме (см. рис. 3).

Как представляется, «великолепный» (58,6%) результат единоросса С. Селещука на выборах в Курчатовском районе Челябинска, по аналогии с выборами в Центральном районе, может быть объяснен, во-первых, «добрими делами»

Рис. 3. Уровень связности голосования за кандидатов на довыборах депутатов Челябинской городской Думы (14.10.2012).

кандидата под эгидой движения «Челябинцы», а вторых, отождествлением С. Селешука с фигурой главы Курчатовского района С. Колесника.

Поскольку упор в этой кампании штабом С. Селешука был сделан, прежде всего, на систему «добрых дел», то конкурент в сфере «добрых дел» О. Корниенко, представлявший движение «Соцгород», непременно должен был быть снят с предвыборной дистанции. Это и произошло незадолго до дня голосования. Показательно, что в ходе судебного заседания по делу о снятии с выборов О. Корниенко «представитель ответчика признал в полном объеме заявленные истцом требования»⁷ и не стал обжаловать данное решение в вышестоящей инстанции.

Единственный «оппозиционный» С. Селешуку кандидат Н. Мухометьярова никакой особой агитационной активности в ходе кампании, судя по всему, не проявила. Это также весьма показательно, с учётом двух обстоятельств:

1. На выборах мэра г. Златоуста «справедливоросс» О. Мухометьярова (по нашему предположению – мать Н. Мухометьяровой) выступила с открытым обращением в поддержку кандидата от «ЕР» В. Жилина.

2. Избирательную кампанию С. Селешука обслуживала та же самая команда политтехнологов, что весной 2012 г. работала на В. Жилина⁹.

Наконец, пара «приятных кандидатов» А. Бердников и В. Алёшин, также не продемонстрировали в ходе данной кампании практически никакой

значимой предвыборной активности. По мнению политолога А. Подопригоры¹⁰, одной из причин подобного поведения (по крайней мере, в случае с В. Алёшкиным) могла стать «бурная кулуарная деятельность» первого вице-губернатора области О. Грачёва.

В этих условиях «разводки в форме выборов» непосредственно в день голосования несколько десятков человек умудрились увидеть альтернативу ставленнику «партии власти» даже в фоновом кандидате А. Нестерове (результат на выборах – 1,4%), который, по крайней мере, пытался вести свою кампанию более или менее активно, и даже обращался к избирателям с некими программными заявлениями.

Но подавляющее большинство избирателей решили просто проигнорировать подобное, с позволения сказать, «мероприятие».

По итогам рассмотрения хода и результатов златоустовских и челябинских муниципальных выборов 2012 г. можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Муниципальные выборы 2012 г. в Златоусте и Челябинске изначально рассматри-

вались населением как мало-значимые. При этом кандидаты от партии власти всеми силами стремились укрепить мнение населения о никчёмности этих выборов, тогда как оппозиционные и «нейтральные» кандидаты не смогли убедить население в обратном: отчасти – в связи с огромным неравенством ресурсных возможностей, отчасти – в связи с допущенными стратегическими и тактическими ошибками, отчасти – в связи с банальным недостатком воли к победе.

2. Выяснилось, что при условии низкой явки избирателей и монополизации позиции «кандидат от действующей власти» ставленниками «Единой России» шансов на победу над представителями «партии власти» на муниципальных выборах не имеют ни оппозиционеры (тем более, что они, как правило, выступают в таких кампаниях спойлерами по отношению друг к другу, «разрывая» протестный избирательный блок на сравнительно мелкие части), ни кандидаты, «приятные во всех отношениях».

3. Соответственно, основными и самыми общими условиями победы над кандидатами от «партии власти» на муниципальных выборах являются мобилизация явки на участки максимально большого числа «своих» избирателей (в ос-

новном, через хорошо организованную и методично ведущуюся «полевую» агитационную работу; других неадминистративных способов мобилизации избирателей на муниципальных выборах ещё не придумано¹⁰), а также недопущение «распыления» этих избирателей между несколькими похожими кандидатами.

В целом, муниципальные выборы 2012 г. в Златоусте и Челябинске показали, что на «политтехнологическом» фронте оппозиционные и «нейтральные» кандидаты пока проигрывают кандидатам от «партии власти» по всем статьям. При этом самыми «работающими» (принесящим и победу провластным кандидатам) национально-культурными стереотипами электорального поведения на муниципальных выборах стали (1) нежелание тратить свое время на участие в выборах властных органов, которые «ничего не решают»; (2) политическая апатия и абсентеизм в связи с тем, что результаты подобных выборов «известны заранее»; (3) растерянность в связи с наличием в списке кандидатов нескольких «критиков действующей власти», до предела сужающая возможности рационального распоряжения своим «протестным» голосом.

Представляется, что для

повышения уровня цивилизованной конкурентной борьбы политических сил на муниципальном уровне кандидатам от оппозиции и их командам, помимо прочего, следует более тщательно работать с национально-культурными стереотипами электорального поведения населения. А для этого имеет смысл начать извлекать уроки из своих собственных ошибок, а также в определенной степени «поучиться мастерству» у своих более умелых оппонентов.

Примечания

1. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. – М.: «Русская панорама», 2006. – С. 147-148.

2. Подробнее о методе выявления уровня «связанности» голосования см., напр.: Ахременко А.С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. – М.: [б.и.], 2008. – С. 112-120.

3. Златоуст. Выборы 2012. Жилин В. Реклама // Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=CcpS5_2VnCU – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.10.2012.; Златоуст. Выборы 2012. Зырянов А. Реклама // Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=QGIx15i4_9Y – Загл. с экрана.

на. – Дата обращения: 30.10.2012.

4. Михаил Юрьевич посетил Златоуст // «Единая Россия». Региональное отделение. Челябинская область. Пресс-служба. Видеогалереи. – Режим доступа: <http://chelyabinsk.epr.ru/video/2012/5/12/mihail-yurevich-posetil-zlatoust/> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.10.2012.

5. Подробнее о негативных избирательных кампаниях см.: Малкин Е., Сучков Е. Указ. соч. – С. 124-129.

6. Златоуст. Выборы 2012. С. Тронов на ЗлатТВ. 18.05.12. // Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=O_tExY8A8OE&feature=plcp – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.10.2012.

7. Суд снял с выборов первого кандидата в гордуму Челябинска // Агентство Ново-

стей «Челябинск.ру». 8.10.12. – Режим доступа: <http://chelyabinsk.ru/text/newsline/574118.html#c574118> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.10.2012.

8. Основанием для данной гипотезы служит сравнительный анализ образцов агитационной продукции кандидатов В. Жилина и С. Селещука.

9. Подопригора А. Двушечку залепили // Режим доступа: <http://prod.o-d.o-prigora74.livejournal.com/212971.html> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.10.2012.

10. О роли и специфике организации «полевого» направления избирательной кампании, см., напр.: Полуэктов В.В. Полевые и манипуляционные технологии. Настольная книга менеджера избирательных кампаний. – М.: [б.и.], 2003. – С. 13-194.

Никита Александрович Трегубов – кандидат политических наук, доцент кафедры Политологии Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов – теория политики, политический анализ и прогнозирование, политическая система современной России.

Nikita Tregubov – Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor of Political Science Department of South Ural State University. Research interests – theory of politics, policy analysis and forecasting, the political system of modern Russia.

Леонид Михайлович Батурин
Немецкая национальная идея и развитие государства

Leonid Baturin
German National Idea and Development of the State

В статье рассматривается роль национальной идеи в формировании и развитии немецкого государства. Показано влияние национальной идеи на консолидацию немецкого общества в XIX-XX веках. Выделены два идеиных направления развития Германии, которые оказали большое воздействие на практические решения немецких политиков. Статья дает представление об использовании национальной идеи в годы фашистской диктатуры и в послевоенное время.

Ключевые слова: национальная идея, немецкая нация, национальное единство, «экономическое чудо», постиндустриальная экономика.

The article deals with the role of national idea in forming and developing the German state. Its influence on consolidation of the German society in XIX-XX centuries is shown. Two ideological trends which had great impact on practical decisions of German politicians are emphasized. The use of the national idea during fascist dictatorship and after World War II is noted.

Key words: national idea, German nation, national unity, German «economical miracle», post-industrial economy.

Успехи развития любой нации во многом зависят от осознания своей идентичности, своего места в мире, от наличия национальной идеи. Она представляет собой совокупность ценностных ориентиров, которые выполняют определенные функции и оказывают влияние на судьбу нации на определенных этапах исторического развития. Национальная идея сопровождает эволюцию государства, выступает средством консолидации общества. Потребность в конструктивной национальной идеи остро ощущается в сложные, кризисные периоды в жизни государств. В современных условиях интерес к ней вызван процессом глобализации.

Национальная идея имеет не только чисто научное или познавательное значение, но и огромное прикладное. На ее основе государство определяет стратегию своего развития и, в конечном итоге, от нее зависит судьба нации.

Исходя из этого, обращение к опыту формирования и реализации немецкой национальной идеи позволит лучше понять процессы, происходящие в Германии, которая является важнейшим партнером России в Западной Европе и одной из наиболее развитых стран мира. Изучение немецкого опыта представляется

весьма важным с точки зрения поиска оптимальной национальной идеи и ее основных элементов в современной России. Кроме этого нельзя не учитывать и то, что немецкая национальная идея оказала большое влияние на европейскую историю.

Попытки формирования немецкой нации на основе духовной идеи и определения места Германии в мире активизировались в начале – середине XIX века. До образования национального государства, в условиях раздробленности немецких земель, национальная идея в основном развивалась немецкой интеллектуальной элитой. Научно-теоретические основы национальной идеи заложили И.Кант, Г.Гегель, И.Г.Фихте другие мыслители¹. Они внесли огромный вклад в разработку философии единства немецкой нации и необходимости объединения германских земель в единое централизованное государство.

Кроме философов эта проблема нашла свое выражение и в классической немецкой литературе, которая в немалой степени способствовала сплочению политической элиты Германии вокруг темы национального объединения. Наиболее яркими представителями литературного романтизма являлись И.Ф.Гете и И.Шиллер,

чии эстетические и религиозно-этические воззрения оказали огромное влияние на умы не только немцев, но и на настроения интеллектуалов других стран. Немецкий романтизм был детищем революционных преобразований в духовной жизни и культуре Германии. Литераторы видели уникальность и самобытность немецкого народа во владении огромными массивами знаний, накопленных предыдущими поколениями. Согласно этим представлениям, немцы представлялись творцами многих технических и духовных достижений. Кроме этого, большое внимание в их произведениях уделялось единству языка, традиций, общности нравов, истории, культурных ценностей. Они воспевали геройизм немецкой нации ее высокий дух, любовь к отечеству, набожность, свободолюбие, честь и отвагу, а также другие качества.

Таким образом, в немецкой национальной идеи XIX века сложились два идеиных направления: первое опиралось на мифы о великом и героическом прошлом немецкой нации, а второе исходило из представлений о неизбежном национальном возрождении Германии, ее особой миссии и блестящем будущем. Эта убежденность во многом про-

явилась в период образования Германской Империи в январе 1871 года.

В начале XIX века на территории будущей Германской Империи существовали несколько десятков разрозненных государств². Их правителей мало интересовала идея общегерманского единства, поскольку они преследовали свои собственные интересы в области внутренней и внешней политики. Первой попыткой реализации национальной идеи и ее основных положений, среди которых выделялась задача создания единого национального государства, являлось создание Германского Союза в 1815 году. Его высшим органом являлся Бундестаг, в состав которого входили представители всех германских государств. Однако работа Германского Союза была малоэффективной, принятие решений затягивалось из-за отсутствия единства по обсуждаемым вопросам, к тому же Союз не располагал общей армией, финансами, четкими государственными структурами.

Следующей попыткой достижения национального единства было формирование в 1834 году Таможенного Союза, на базе которого планировалось создание единого экономического пространства. Его участники условились от-

менить таможенные пошлины и тарифы, стремились к развитию внутреннего рынка и расширению предпринимательской деятельности. Эти меры должны были способствовать созданию единого национального государства, устранив экономическое и политическое отставание Германии от других стран.

Очередным шагом к объединению Германии стала революция 1848 года, в ходе которой была предпринята попытка принятия единой конституции, введения демократических свобод, отмены феодальных повинностей. Однако основные задачи революции не были осуществлены, Германия не стала единым государством. Тем не менее, отмена многих феодальных институтов, феодального права способствовала экономическому подъему страны, особенно в сфере промышленности.

В этих условиях национальная идея объединения страны стала стимулом для интеграционной активности Пруссского государства под руководством О. фон Бисмарка. Господство Пруссии было юридически оформлено в 1867 году принятием Конституции Северогерманского Союза, в который вошли 22 государства. Фактическим руководителем Союза стал О. фон Бис-

марк, назначенный канцлером.

Для реализации задачи объединения Германии, по мнению Бисмарка, было необходимо преодолеть религиозную разобщенность. Для этого он использовал политику «Культуркампфа», которая по своей сути была направлена против влияния в немецком обществе католицизма. Она не увенчалась большим успехом, поэтому позднее, в 70-80-х годах XIX века, борьба за единство немецкой нации стала базироваться на межконфессиональной основе.

Победа Пруссии в войне с Францией в 1871 году окончательно закрепила ее господство во всей Германии, после чего объединительные процессы начали активно развиваться и получать юридическое оформление. 16 апреля 1871 года была принята новая Конституция Германской Империи, которая действовала с небольшими изменениями до начала 1919 года. К ее достоинствам можно отнести то, что она определяла состав и полномочия общеимперских органов власти, а также провозглашала буржуазно-демократические свободы. Не менее важное внимание уделялось в этот и последующие периоды в немецкой истории развитию высшего и среднего образования, как одного из важнейших ус-

ловий реализации национальной идеи и повышения конкурентоспособности страны.

После окончания Первой мировой войны немецкая национальная идея претерпела кардинальную трансформацию. Германия была серьезно оскорблена огромными репарациями и гигантской контрибуцией, а так же оккупацией ряда жизненно важных районов страны. Такое положение вызывало в немецком обществе неприятие итогов Первой мировой войны и положений Версальского мирного договора. В этих условиях активно начинают пропагандироваться идеи национал-социализма. В немецкой национальной идее начинает превалировать воинственный национализм с опорой на милитаризм.

После прихода к власти фашистской партии, нацисты выдвинули на первое место в национальной идее превосходство немецкой нации над другими народами, активно проповедовали расизм и антисемитизм, идею пересмотра Версальского договора. Для того, чтобы мобилизовать немецкую нацию на решение задач, поставленных нацистской элитой, НСДАП активно позиционировала себя в качестве единственной защитницы интересов немецкого народа, использовала в своей пропаганде по-

нятия «народ», «национа», использовала социальную политику для поддержки идей национал-социализма³. Кроме этого, грандиозные праздничные мероприятия проводимые нацистской партией, съезды НСДАП, даже Олимпийские игры, проведенные с невиданным размахом, призваны были пробудить у немцев чувство величия нации и гордости за нее. Для того чтобы добиться полного одобрения действий нацистского режима, были ликвидированы все идеиные противники, политические партии, демократические институты.

Таким образом, в период с 1933 по 1945 годы, немецкая национальная идея носила деструктивный, откровенно реакционный характер, была направлена на достижение мирового господства и уничтожение народов и мало соответствовала тем ценностям, которые изначально сплотили немецкую нацию и обеспечили ей устойчивое развитие.

Напротив, приверженность идее превосходства арийской расы и попытка ее реализации на практике обрекла Германию на огромные трудности и лишения, преодоление которых стоило немецкому народу больших усилий.

После окончания Второй мировой войны, проведения политики денацификации, де-

милитаризации и демонополизации, перед Германией встала задача определения такой национальной идеи, которая привела бы к консолидации нации, была понята и поддержана всеми слоями немецкого общества, позволила преодолеть последствия войны, обеспечила бы устойчивое развитие страны и укрепление ее позиций как в Европе, так в мире. Для этого, в качестве основной, была сформулирована идея о скорейшем восстановлении разрушенного войной хозяйства, на которой базировалась вся модель социально-экономического развития страны, и которая определяла содержание всех экономических реформ, проводимых под руководством Л.Эрхарда.

В основу немецкого «экономического чуда» была положена система смешанной экономики, являющаяся определенным компромиссом между свободным рынком и государственным регулированием экономики. Активная социальная политика, на нужды которой выделялось до 30% ВВП, способствовала активной позиции большинства немецкой нации. Тому способствовала социально-демократическая система, которая функционировала в соответствии с культурными традициями и сочетала в себе элементы индивидуа-

лизма, корпоративные и государственные стратегии социальной защиты.

Германия первой из развитых стран вступила на путь структурных преобразований и создания постиндустриальной экономики. Ее проявлениями стали: снижение в структуре ВВП доли материального производства, увеличение доли услуг, особенно финансовых и страховых, в экспорте страны увеличились объемы товаров с высокой добавленной стоимостью. Росту значения сферы услуг в национальном хозяйстве способствовала социальная направленность государственной экономической политики, активность государства в сфере образования, в охране окружающей среды, медицинского обслуживания, жилищном строительстве, социальном обеспечении. Особо следует отметить то обстоятельство, что в условиях проведения курса на модернизацию экономики, немецкие реформаторы уделяли большое внимание поддержке высшего и среднего образования, которое, по их мнению, является одним из ключевых факторов для продвижения страны. В рамках постиндустриальной экономики освоение накопленных массивов знаний и организация на этой основе материального производства является глав-

ным условием успешного развития государства.

Исключительная роль, отводимая в немецкой национальной идеи образованию, нашла свое подтверждение как в XIX веке, так и во второй половине XX века, и сохраняет свое значение в современных условиях. Именно государственная поддержка образования является мощным фактором повышения конкурентоспособности государства.

Таким образом, в начале – середине XIX века в Германии основой немецкой национальной идеи являлось объединение немецкого сообщества на основе языковой и культурной общности под лозунгами «Единство, независимость и свобода немецкого народа». В первой половине XX века национальная идея претерпела существенные изменения. «Творцы» национальной идеи из НСДАП окончательно отказались от достижения обще-германских интересов, заменив их интересами нацистской элиты. Основной целью нацистского режима являлось закрепление превосходства немецкой нации любыми, в основном военными методами.

Учет интересов всей немецкой нации, а не узкой группы национал-социалистов, стал возможен только после поражения Третьего Рейха в

1945 году. С учетом послевоенных реалий, в немецкую национальную идею были внесены серьезные изменения, которые позволили сплотить немецкий народ не на разрушительных, а на созидательных устремлениях. Такая политика позволила Германии обеспечить поддержку проводимых преобразований со стороны большинства немецкого общества и добиться впечатляющих успехов в экономическом развитии, что позволило Германии стать третьей страной в мировой экономике.

Изучение немецкого опыта определения национальной идеи и ее последовательного претворения в жизнь, позволит лучше понять необходимость разработки российской национальной идеи, ее основных элементов и влияния на политическое и экономическое развитие страны. Дискуссии на эту тему продолжаются не одно столетие, без какого-либо положительного результата. В эту дискуссию вовлечены учёные, политологи, политики. Ежегодно издается огромное количество научных трудов по данной проблеме, защищаются диссертации, однако до сих пор не разработаны основные положения национальной идеи, которые были бы понятны большинству многонационального населения России,

пользовались бы его поддержкой, привели бы к сплочению нации и к улучшению социально-экономических показателей страны. Исходя из объективных и субъективных сложностей разработки собственной, оригинальной концепции развития России, представляется весьма важным изучение опыта тех стран, которые смогли на переломных этапах своей истории сформулировать единственно возможные, адаптированные к существующим реалиям, концепции национального развития.

Примечания

1. Кант И. Метафизика нравов. М., 1996, Гегель Г.Ф. Наука логики. – М., 1972.
2. Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. – СПб.: Петрополис, 1997. – С. 47.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. – М.: Наука, 1989. – С. 227.

Леонид Михайлович Батурин, кандидат исторических наук (1987), доцент, кафедры Политологии Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: мировая политика, международные отношения, российско-германские отношения.

Leonid Baturin is a Candidate of Historical Science (1987), an Associate Professor of the Department of Political Science of South Ural State University. Research interests: world politics, international relations, Russia-Germany relations.

Иван Валентинович Евсеев
**Истоки трудового использования заключенных
в свете российской идеи «Исправлять трудом»**

Ivan Evseev
**The origins of the labor of the prisoners in the light
of the Russian idea «Correction by labor»**

В работе рассматривается вопрос трудового использования заключенных в России. Автор приходит к выводу, что российская уголовно-исполнительная система еще с периода первых Романовых была ориентирована на использование рабочей силы заключенных. Труд, по мнению властей, должен был стать наказанием с выгодой для власти. Советская власть в 1920-30 гг. только расширила опыт применения труда спецконтингента.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, трудовое использование заключенных, «исправление трудом»

The paper deals with the employment of prisoners in Russia. The author comes to the conclusion, that the Russian penal system since the time of the first Romanov was focused on the use of prison labor. Work, according to authorities, was to be the punishment with the benefit to the state. Soviet power in 1920-30 only expanded the employment of convicts.

Keywords: criminal-executive system, labor use of prisoners, «Correction by labor»

Многие исследователи советской уголовно-исполнительной системы в своих работах ссылаются на высказывания А.И. Солженицына, который, по их мнению, указывал, что исправительно-трудовые лагеря – это изобретение большевицкой власти. Но ради исторической правды необходимо отметить, что это не совсем так.

Еще в Соборным уложением царя А.М. Романова предусматривалось отправлять «мошенников, воров и разбойников в оковах работать на всякие изделия, где государь укажет»¹. В данном случае сам факт фиксации «наказания трудом» в законе свидетельствует о его широком применении. Особенно же масштабно труд как средство наказания стало применяться в конце XVII века, когда в стране развернулось масштабное заводское и крепостное строительство. Это началось с Указа от 24 ноября 1699 г., где представителям власти предписывалось отправлять преступников «в Азов на каторгу, чтоб от них впредь воровства не было» или в «tüремные дворы работать каторжную работу»².

Начиная с XVIII и до конца XIX века в России принудительный труд осужденных практиковался в отношении

правонарушителей и заключался, прежде всего, в тяжелых ручных работах на заводах и рудниках, фабриках и крепостях. Количество заводов и рудников на Урале росло год от года, и в связи с этим только за вторую половину XVIII века было принято около ста законодательных норм, регламентирующих содержание и условия труда осужденных. В основном нормы права регламентировали режим отбывания уголовного наказания, в котором отдельной строкой описывались условия трудового использования заключенных.

Принудительный труд правонарушителей применялся почти на каждом заводе Южного Урала. Иногда заводской рудник превращался в импровизированную тюрьму. В период масштабного строительства крепостей и заводов на Урале, на уровне правящего сената было принято решение обеспечить заводы рабочими за счет ссыльных и каторжных, т.е. за счет принудительного труда³. В соответствии с данным решением, в декабре 1760 г. Появился Указ «О приеме в Сибирь от помещиков дворовых, синодальных, монастырских, купеческих и государственных крестьян с зачетом их за рекрут и о платеже из казны за жен и

детей обоего пола тех крестьян по нареченной в сем указе цене»⁴. Согласно положениям данного Указа, помещик получал возможность отправлять в Сибирь вместе с семьями либо отдельно своих крестьян. Бывшие крестьяне составляли до 80% всех этапов, шедших через Урал. Бывали случаи, когда предпримчивые заводчики перекупали этап у «Камня». Это было связано с тем, что на первых порах идущие этапы конвоировали башкиро-мешерякские команды. Они сопровождали ссыльных из Пермской губернии до Иркутска. Башкиро-мешерякские команды использовались для сопровождения этапов на дороге Уфа-Челябинск (через Златоустовский завод)⁵.

Прибывшие по этапу ссыльные должны были заниматься либо работами на заводах или рудниках, либо должны были развивать свое хозяйство, снабжая сельскохозяйственными продуктами заводские районы. Необходимо отметить, что указ формулировал жесткие требования к возрасту и физическому состоянию ссыльных, и что эти требования (возраст до 45 лет, отсутствие инвалидности или тяжелых и хронических заболеваний, наличие навыков работы и т.д.) почти в неиз-

менном виде сохранялись до XX века⁶. В основном в XVIII веке этапы оправлялись для пополнения рабочих рук на заводах и рудниках. Об исправлении и воспитании не упоминалось, а о трудовом использовании говорилось и указывалось на его обязательность.

Наказание трудом сохранилось и в нормативно-правовых актах XIX века. Так в «Уложения о наказаниях» 1845 г., прослеживаются карательные элементы, которые, являлись элементами возмездия и устрашения осужденного или сосланного⁷.

До XIX в. тюрьма в России воспринималась как место устрашения и характеризовалась полным пренебрежением правительства к заключенным, находившимся в ней. Вся российская карательная система до начала 60-х гг. XIX века основывалась на телесных наказаниях и трудовом использовании.

В 1860-е годы в России был проведен ряд государственных реформ, которые отразились, в том числе, и на системе исполнения наказания. В Указе от 1863 г. «Об отмене телесных наказаний» предписывались новые меры по преобразованию тюремной системы. Все началось с ведения унификации для всех тюрем.

Так же вводилась градация осужденных и ссыльных по возрасту и срокам наказания. Создание в 1879 г. Главного тюремного управления положило начало принципиально новому этапу тюремной реформы в России – практическому воплощению теоретических положений реформаторского характера, сформулированных ранее, но так и не примененных на практике.

Российские тюремы с телесными наказаниями, громоздкой системой управления, пешими этапами на Урал и в Сибирь, ветхими помещениями требовали срочной модернизации не только по соображениям гуманности, но и потому, что не соответствовали стоящими перед ними задачам⁸. Министр юстиции Н. Муравьев писал в 1878 г., что «русская тюрьма не является и не может быть тем, чем ей быть следует, то есть институтом внутренней политики для борьбы с преступностью. Она, напротив, поддерживает и вновь зарождает преступления, ибо арестант выходит из тюрьмы испорченный и беспомощный, деваться ему некуда, строгая и трезвая дисциплинированная жизнь ему не знакома, работать он не привык, не умеет, или не хочет. За отсутствием в остроге честной и законной работы, в

нем неустанно кипит работа преступная, точная, неуловимая»⁹. В документах Министерства юстиции за 1879 г. отмечается, что выполнение задач, поставленных перед тюремной системой России, осложняется «полною дезорганизациею и безусловно недовлетворительностью современного тюремного дела в Империи и совершенным отсутствием на местах органов, способных прийти в этом отношении на помощь центральному установлению»¹⁰.

В декабре 1879 г. появился указ «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре уложения о наказаниях»¹¹. В соответствии с положениями данного законодательного акта, все категории осужденных (от каторжан до заключенных в тюрьму на срок до года) обязательно должны были заняться работами. Этот факт явился непременным условием осуществления преобразований тюремной части Империи¹².

В связи с этим можно отметить, что заключенные губернских и уездных тюрем использовались на хозяйственных работах в городах и на производстве заводов и рудников. Архивные данные дают об этом четкое представление.

Так, в заводской тюрьме Златоустовского завода количество спецконтингента доходило до 300 человек без учета рудничных отделений. Все они привлекались к работам, в том числе, и на соседних рудниках и заводах на основе договоров между тюремным управлением и Уральских горным правлением. Но рабочих рук не хватало, а также не хватало и самих тюрем.

Первое, за что взялось тюремное ведомство – это за надлежащее устройство тюремных помещений. Эти помещения в конце XIX века на Южном Урале в массе своей устарели и уже разрушались. Необходимо было строить новые тюрьмы, но это было настоящей проблемой. Так как сооружение новых тюремных зданий требовало крупных затрат, их строительство было ограничено крайней необходимостью. Основной упор был сделан на приспособление под тюремные помещения уже существующих строений. Главное тюремное управление попыталось решить проблему помещений, в том числе, за счет найма помещений у частных лиц. В Челябинске, Златоусте, Верхнеуральске и Троицке были наняты квартиры под размещение заключенных.

Итогом поисков и разра-

боток конкретных форм применения труда заключенных стал закон от 18 января 1886 года «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов». Данный закон зафиксировал трудовое использование всех категорий осужденных в качестве основного направления деятельности государства в данной области. Труд рассматривался в качестве наказания. Обязанность трудиться распространялась на все находящиеся в тюрьмах группы заключенных. Исключение составляли политические и важные государственные преступники, несостоятельные должники и те, кому заключение заменяло крупные денежные штрафы; но и они могли принимать участие в некоторых работах по своему желанию¹³. Для всех работающих устанавливалась продолжительность рабочего дня, которая составляла 11 часов летом и 10 часов зимой, «полагая в то число время, посвящаемое занятиям в школе и употребляемое для довольствия работающих пищею»¹⁴.

Новый Закон от 6 января 1886 г. заложил два принципа существования уголовного наказания, один из которых существовал в уголовно-исполнительной системе стра-

ны до конца 1920-х годов, а второй продолжает оставаться в действии и сегодня.

Первый принцип, заключался в преимущественном развитии внутренних работ из-за опасения побегов спецконтингента и с этой целью на территории устраивались мастерские и учебные производства¹⁵. На внешние же работы направлялись заключенные со сроками наказания до трех лет.

Второй принцип состоял в признании за заключенными права на получение вознаграждения за свой труд. Тогда же была распространена на оплату труда и система вычетов, в рамках которой прибыль, полученная государством от использования труда заключенного, объявлялась «компенсацией» за ущерб, нанесенный его преступной деятельностью. Осужденный, отбывающий заключение в тюрьме, имел право на 40% от вырученного дохода, осужденный к ссылке в каторжные работы – на 10% от заработанных средств. Остальные деньги поступали и делились поровну между казначейством и тюремным управлением. Само же тюремное управление должно было за свой счет ремонтировать тюрьмы по всей Империи и развивать материально-техническую базу

работ¹⁶.

Наиболее характерным примером такого применения внешних работ для всех категорий осужденных была Златоустовская тюрьма. Так каждый год Уральское Горное правление и Тюремное управление заключали договор на использование заключенных. Заключенные Златоустовской тюрьмы отправлялись на заводы Сатки, Усть-Катава и Катав-Ивановска, а в связи со строительством железной дороги от Самары до Иркутска возникла необходимость их привлечения на обустройство железнодорожного полотна. Для этих работ были разработаны специальные правила. Это были «Временные правила», регламентирующие привлечение арестантов, ссыльно-каторжных и ссыльнопоселенцев на работах Транссиба. «Правила» предоставляли генерал-губернаторам право привлекать по договору с администрацией дороги на строительные работы ссыльно-каторжных, арестантов и ссыльнопоселенцев, устанавливая им по договору с подрядчиками сроки, место проведения работ и размер заработной платы. Для поощрения производительности труда рабочих впервые в российской пенитенциарной практике официально устанавливали

лись нормы зачетов рабочих дней за календарные. Для ссыльнокаторжных ударный труд означал сокращение срока наказания на треть, для ссыльнопоселенцев – наполовину¹⁷.

Ссыльнокаторжные посыпались на работу под руководством чиновников тюремного ведомства, которые представляли их интересы перед администрацией строительства. Согласно заключавшимся в каждом случае договорам подряда, железнодорожная администрация оплачивала пребывание осужденных в зоне работ, а тюремщики на выделенные деньги обеспечивали размещение, питание и вещевое довольствие заключенных. Ссыльнопоселенцы работали артелями, принимавшимися на работу по вольному найму на основе договора с подрядчиком. Труд осужденных применялся на этапе подготовки трассы: при валке и корчевке леса, прокладке дорог, на земляных работах, т.е. там, где требовалась массовость, и не требовалось высокой квалификации.

Отдельным направлением регулирования тюремной жизни была организация оплачиваемых и неоплачиваемых хозяйственных работ для арестантов. В циркуляре от 20 мая 1880 года констатирова-

лось, что не во всех губерниях арестантские работы были организованы¹⁸. Причинами тому назывались региональные неблагоприятные условия: во-первых, недостаток спроса на арестантский труд; во-вторых, малочисленность конвоя во многих городах препятствовала выходу арестантов на внешние работы; в-третьих, внутренние работы не всегда могли быть осуществимы из-за тесноты тюремных помещений. Взаимосвязанность существовавших проблем усложняла борьбу с ними. В упомянутом циркуляре анализировалась практика бесплатных казенных работ арестантов по очистке площадей, улиц, дворов. Был сделан однозначный вывод о неправомерности такой практики, поскольку, согласно букве закона, бесплатно арестанты могли работать только на внутренних работах либо во время эпидемий и других экстремальных ситуаций. Незаплаченные суммы официально взыскивались с соответствующих «начальствующих лиц».

В Оренбургской губернии исследуемого периода важнейшим элементом внутренней организации мест заключения являлись мастерские. Но их количество было недостаточным. Так, в Оренбург-

ском тюремном замке под мастерскую была приспособлена только одна из камер. Мастеровые арестанты занимались починкою обуви, одежды, белья. Остальные арестанты занимались уборкой двора, камер, возили воду; эта работа, естественно, не оплачивалась.

Арестанты выполняли работы в тюремном хозяйстве, шили обмундирование для заключенных и надзирателей, исполняли разнообразные частные заказы — плотничий, кузнецкие, слесарные, сапожные, столярные и картонажные. Особое место в производстве занимали кирпичные заводы, имеющиеся при трех тюрьмах - уфимской, мензелинской и стерлитамакской.

Необходимо отметить, что в то время внутренние арестантские работы в тюрьмах были направлены главным образом на удовлетворение различных хозяйственных потребностей самого учреждения. Исключением являлись переплётные мастерские по изготовлению коробов под уголь, изготовление из бумаги папиросных гильз, плетение кружев и т.п. — эти виды деятельности были направлены на извлечение дополнительного дохода. Однако главными источниками дохода были контрагентные отношения

между местными предприятиями и тюрьмой. Ежегодно между организациями подписывались договоры на пилку дров, очистку площадей и улиц, плотничные и столярные работы, сбор овощей с огородов, сенокошение, обжигание алебастра на основе. Немалую долю доходов составляли сапожные и портняжные ремесла, которыми успешно занимались арестанты Оренбургской губернской тюрьмы. Они производили одежду и обувь для всех остальных тюрем губернии. Часть вырученных денег шла в пользу тех, кто непосредственно работал, а часть сдавалась в казну¹⁹. Циркуляр Главного тюремного управления от 30 ноября 1882 г. жестко регламентировал сумму такого отчисления: на счета государственного казначейства должно было поступать 2/3 всех сумм, зарабатываемых арестантами, содержащимися в исправительных арестантских отделениях²⁰.

Идея использования трудовых ресурсов заключенных не потеряла своей актуальности и в советской России. Она стала претворяться в жизнь сразу же после победы Октябрьской революции. Согласно инструкции Наркомата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибуна-

ле», одной из мер наказания, назначаемых трибуналами, являлись обязательные принудительные работы. В приказе от 5 июня 1918 г. наркомвоенмор Л.Д. Троцкий потребовал заключить в концлагеря насильственно разоружаемых солдат чехословацкого корпуса, а 27 июня отправил в СНК меморандум, в котором предлагал применить аналогичную меру для бывших офицеров царской армии, отказавшихся вступить в Красную Армию²¹.

В 1918 г. используя опыт царской России, советская власть на местах стала создавать объединения мест заключения для выполнения работ по заказам учреждений и организаций. Места лишения свободы, например, в Златоустовском уезде были объединены по принципам, сложившимся к началу XX века. Центром такого объединения стала Златоустовская тюрьма, а ее отделениями стали пункты в Сатке, Юрзине и Катав-Ивановске. Осужденные поступали в тюрьму, а затем, на основе решения распределительной комиссии, отправлялись на работы в отделение пинудработ.

В период Гражданской войны тюремный комплекс использовали как «Белые», так и «Красные» представители местной администрации.

Так, в августе 1918 г. в Златоустовском уезде было арестовано более 1000 граждан из числа сочувствующих большевикам. Примерно 800 человек было доставлено в прежнюю городскую тюрьму. Которая по лимитам была рассчитана на 450 человек спецконтингента. В местной газете публиковались списки арестованных и доставленных в тюрьму²². По мнению местной власти, это был резерв рабочей силы. Администрация учреждений, представляющая господствующую власть, по-прежнему, заключала договоры на выполнение работ с местными организациями и заводами. Так, 6 сентября 1918 года начальник тюрьмы предложил горному начальству использовать на рубке дров 300 арестованных красноармейцев под охраной.

После окончания Гражданской войны Златоустовская тюрьма приобрела статус исправительно-трудового дома губернского отдела Юстиции²³. В это время в связи с отсутствием запросов на спецконтингент от сторонних структур было организовано производство на месте. Этим и объясняется низкое количество спецконтингента в учреждении. Всего в Златоустовском исправительном доме содержалось в разное время

1920 г. от 152 до 354 граждан. На апрель 1920 г. в учреждении было 287 пересыльных мужчин и 14 женщин. К ним можно добавить еще 78 мужчин и 8 женщин, содержащихся на постоянной основе для отбытия срока уголовного наказания решением местного суда.

Таким образом, можно сказать, что советская власть, используя прежний исторический опыт, а также уже отработанную систему использования заключенных на работах, стала создавать на местах прежних учреждений исполнения наказания «Принудкуст». В этих учреждениях заключенные должны были покрыть недостаток рабочих рук на производстве.

Центральная власть решила узаконить данную практику нормативно-правовым актом Главного Управления Местами Заключения НКВД РСФСР. С этой целью был разработан Устав принудкуста. 4 марта 1922 г. данный устав был опубликован в журнале «Власть Советов»²⁴. В Уставе указывалось, что основными направлениями деятельности нового производственного управления будут «объединение и руководство местными предприятиями при лагерях на всей территории республики; рациональная

постановка в них производства; целесообразное использование труда заключенных и наибольшее извлечение материальных выгод, обеспечивающее поступление средств на содержание лагерей и дальнейшее развитие производства»²⁵.

Надо отметить, что созданные «Принудкусты» обладали значительной автономией в своей деятельности, так как подчинялись местным исполнкомам. Местные исполнительные органы могли свободно распоряжаться всеми материальными и финансовыми средствами лагерного отделения, за исключением заработной платы заключенных. Последняя полностью перечислялась на счета Главного управления принудительных работ для использования в подъемном фонде. Получалось, что Центральный лагерь или дом заключения находились в ведении НКВД, а отделения от этого лагеря находились в подчиненности местных исполнкомов.

В деятельности «Принудкуста» и сменившего его вскоре «Кустгумза»²⁶ наблюдается много черт, роднящих лагеря принудработ с местами заключения обычного типа. Прежде всего, это стремление отказаться от внешних работ в понимании того времени, т.е. от

распределения рабочей силы по различным не связанным между собой объектам, что делало трудновыполнимыми требования режима заключения. Такой способ считался наихудшим из всех возможных²⁷. Поэтому руководство стремилось всемерно развивать производство в лагерных мастерских либо шло на такой неординарный шаг, как арендование простаивающих предприятий для использования на них своих заключенных. На этот путь, в частности, призывал встать все лагеря Циркуляр Главного управления принудительных работ при НКВД РСФСР №82 от 24.3.1921. Подчеркивая, что прежняя практика сводит на нет само понятие наказания, составители документа требовали превращения лагерей «в фабрику, завод, мастерскую, но не в казарму, из которой черпают рабочую силу на очистку снега и прочего»²⁸. Наилучшим способом организации лагерного хозяйства авторы документа считали взятие в аренду предприятий с простым технологическим циклом (назывались кирпичные и лесопильные заводы) и размещение осужденных непосредственно на их территории²⁹. В представленной выдержке привлекает внимание сама идея создания самостоя-

тельного лагерного хозяйства, применяющего труд заключенных в массовом порядке и способного к оперативному маневрированию рабочей силой. В дальнейшем эта идея трудового использования нашла свое осуществление в исправительно-трудовых лагерях СССР 1930-1971 годов.

Таким образом, с 1699 и по 1930-е годы в России окончательно сформировалась система трудового использования, при которой «спецконтингенты» учреждений исполнения наказания, стали неотъемлемой частью трудовых ресурсов страны. Это хорошо просматривается на примере Уральского экономического района, где заключенные использовались практически всеми отраслями промышленности, строительства и сельского хозяйства. Труд заключенных применяли на контрагентских началах размещенные в регионе предприятия и ведомства различной подчиненностью. При этом треть предприятий, эксплуатировавших на своих уральских предприятиях заключенных, задействовала здесь от 50 до 100% этого контингента, привлеченного ими в качестве рабочей силы в масштабах страны.

Примечания

1. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии. — Л., 1987. — 360 с.
2. См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. — М., 1997. — С. 93-95.
3. Колесников А.Д. Сылка и заселение Сибири // Сылка и каторга в России XVIII — начале XX века. — Новосибирск, 1975. — С. 40.
4. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ I). В 50 т. — Т.15, №11166, — СПб, 1830. — С. 582.
5. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно. В 50 т. — Т. 11. Ч. 1. — СПб., 1902. — С. 78-79.
6. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ I). В 50 т. — Т.15, №11166. — СПб, 1830. — С. 583-584.
7. См.: Пионтковский А.А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение. — Одесса, 1892. — С. 7.
8. Деревянные тюрьмы в уездных городах выполняли свои функции только на протяжении 30-40 лет. Примером может служить Златоустовский тюремный замок, который через 30 лет своего существования пришел в негодность из-за ветхости строения.
9. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М., 1990. — С. 71.
10. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч.1. Делопроизводство 1. Д. 6592. Л. 116.
11. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ) II. В 129 т. — Т. 54. Отд. 2, № 60268. — СПб, 1830. — С. 280.
12. Там же. — С. 281.
13. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ III). В 48 т. — Т.6. — СПб, 1885. — С. 8-9.
14. Там же. — С. 9.
15. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ III). В 48 т. — Т.6. — СПб, 1885. — С. 10.
16. Там же.
17. Сапилов Е.В. Из истории строительства Сибирской железнодорожной магистрали. — М., 2001. — С. 82.
18. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. — № 4364 — СПб., 1911.— С. 126-127.
19. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 21.
20. Сборник циркуляров, изданных по Главному

Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – № 34. – СПб., 1911. – С. 222..

21. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. В 2 т. – Т.1. – М., 1923. – С. 216.

22. Златоустовский вестник. 18.08.1918.

23. Златоустовский архив Челябинской области. Ф. Р-87. Оп. 1. Ед. хр. 3.

24. Власть Советов. – 1922. – №10. – С. 67.

25 Златоустовский архив Челябинской области. Ф. Р-4042. Оп. 10. Д. 94. Л. 1922-1928.

26. Принудкусты появились еще в 1920 г и были организованы по принципу трудового использо-

ования заключенных уездных лагерей во взаимодействии с губернским и, как правило, это объединение находилось в ведении местных Советов. Кустгумзак это организация кустовой системы учреждений под контролем Главного управления мест заключения.

27. Власть Советов. – 1922. – №10. – С. 67.

28. Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций НКЮ и НКВД РСФСР за 1918-1928 о деятельности мест лишения свободы. – М., 1959. – С. 62.

29. Там же. – С. 62-63.

Иван Валентинович Евсеев – кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и социологии СФТИ НИЯУ МИФИ, г. Верхний Уфалей Челябинской области.

Ivan Evseev – Cand. Sc. (Jurisprudence), an Associate Professor of Sverdlovsk Physics and Technology Institute, Verkhniy Ufalej, Russia.

Максим Юрьевич Гутенев
Дискурсивность оснований искусственного интеллекта

Maxim Gutnev
The Discourse of Basis of Artificial Intelligence

В статье предпринимается попытка исследовать наиболее актуальные дискурсы естественного и искусственного интеллекта. Рассмотрены наиболее актуальные теоретические проблемы области искусственного интеллекта наиболее популярные точки зрения на природу интеллекта. Большое внимание в статье уделяется причинам, которые повлияли на изменение догматической точки зрения на природу человеческого интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, человек, компьютер, трансгуманизм, Китайская комната.

The article is devoted to the research of the most current discourses of natural and artificial intelligence. The most relevant theoretical problems of artificial intelligence and the most popular points of view on the nature of intelligence are considered. A lot of attention in the article is paid to the reasons, which have influenced the change of dogmatic point of view on the nature of human intelligence.

Key words: intelligence, artificial intelligence, a person, a computer, transhumanism, the Chinese Room.

С изменением условий существования общества в каждую эпоху по-разному раскрываются возможности и природа человека, его ценностные ориентации, доминирующие идеи, основные условия существования культуры. Создание первых компьютеров в середине XX века привело к изменениям во многих сферах жизнедеятельности общества и личности. Догматичный постулат о том, что человек является единственным мыслящим существом на планете, стал подвергаться обильной критике со стороны философов, кибернетиков, математиков, а также представителей медицинских и биологических наук. Несмотря на то, что идеи о некоем «думающем устройстве» существовали задолго до появления компьютеров, именно в XX веке некогда догматическая точка зрения на природу человеческого интеллекта стала дискуссионной, обретя множество дискурсов. В данной статье мы предпримем попытку исследовать, какие причины повлияли на изменение догматической точки зрения на природу человеческого интеллекта, а также попытаемся разобраться в наиболее актуальных дискурсах естественного и искусственного интеллекта.

Появление искусственного интеллекта и интенсивное

развитие научного потенциала оказало значительное влияние на интеллектуальную культуру российского общества. Социокультурная тенденция середины XX века заставила многих ученых и философов задуматься, что представляет собой искусственный интеллект и какие перспективы он открывает для человечества, что есть искусственный интеллект, каковы его границы и где грань между человеческим и машинным разумом? Эти и многие другие вопросы привели к обострению спора о границах и возможностях естественного и искусственного интеллекта.

Создание искусственного интеллекта обусловлено с исследованием и пониманием естественного интеллекта. Проблема определения искусственного интеллекта во многом сводится к определению интеллекта вообще: является ли интеллект чем-то монолитным, или же это понятие определяет набор различных способностей? В какой мере интеллект можно создать? Что происходит при создании такого интеллекта? Что такое интуиция? Возможно ли создать компьютерные машины, обладающие интеллектом? На эти и многие другие вопросы современная наука все еще не дала ответов, но они во многом способствовали осмыслению и

формированию задач и методологий, составляющих основу теории и практики современного искусственного интеллекта.

Термин «интеллект» «представляет собой латинский перевод древнегреческого понятия Нус («ум») и по своему смыслу тождествен ему»¹. Рассмотрим его содержание более подробно.

В психологии понятие интеллект раскрывается в ряде теорий, среди которых наиболее известны: психометрические теории интеллекта (Ч. Спирмен, Л. Терстон, Дж. Гилфорд, С. Берт, Р. Кэттел), когнитивные теории интеллекта (Ф. Гальтон, Ф. Вернон, И. Хант), теория множественности интеллекта (Р. Стернберг, Г. Айзенк, Х. Гарднер). В данной статье мы не ставим целью раскрыть особенности содержания понятия «интеллект», а также дать ему развернутое определение в рамках каждой из этих теорий. Ограничимся обобщенным определением из современной психологии, которая под интеллектом понимает «единственный психический механизм, который отвечает за переработку информации об окружающей действительности и ее воспроизведение в индивидуальном сознании в виде познавательных образов той или иной степени

полноты и сложности»².

В античной философии «ум» или «нус» является важной категорией. Одним из первых мыслителей, придавших наибольшую ясность термину «Нус», был Анаксагор. Под Нусом он понимал «силу, приводящую частицы в движение и производящую видимое в настоящее время состояние мира»³. «Нус» у Анаксагора выступает как первоначало мирового порядка и одновременно характеризуется и как сознательная, целесообразно действующая сила, и как чисто механическая сила. В истории философии после Анаксагора данная категория редко встречалась, но благодаря ему было положено начало традиции представлять интеллект как субстанцию.

Не обошел стороной проблему интеллекта и Платон. Разделив мир на две части (мир идей и мир вещей), Платон считал идеальный мир основой мышления человека. Интеллект человека содержит всю информацию об окружающем мире. Философ считал, что «Нус» – это то, что отличает душу человека от души животного. Творческая индивидуальная способность, направленная на понятийное содержание вещей и приобщающая человека к миру божественного, есть

«Нус» (интеллект) по Платону.

В Античности были предприняты попытки определения структуры интеллекта. Так, Аристотель в своей работе «О душе»⁴ выделил ум деятельный (активный) и теоретический (пассивный). Деятельный ум, по Аристотелю, мыслит понятиями и постигает истину, являясь бессмертным началом человеческой души. Пассивный ум является источником толкования содержания вещей, обращается к мысленным предметам. В отличие от активного, пассивный ум является преходящим и смертным. Стоит отметить, что под движением ума Аристотель подразумевал мышление. Кроме того, Аристотель дал классификацию когнитивных процессов на основе определения свойств души.

У Плотина ум (интеллект) – это то, что дает форму душе, сила, составляющая основу идей. Плотин придерживался мнения, что ум происходит из Единого, а душа – из интеллекта. В уме Плотин выделял три момента: понятие вещества, мыслимое бытие, само мышление. Сам ум (интеллект) у Плотина в одно и то же время множественен и един. «1) Ум – не самодовлеющее начало: к Уму мы возвысились от красоты, а красота зависит от блага; 2) Ум содержит в себе множество

– множество идей; 3) Даже рассматриваемый сам по себе, в качестве только Ума, он предполагает двойственность: мыслимого и мышления, предмета и интеллектуальной деятельности. Будучи высшим, он имеет своим предметом то, что выше его самого»⁵.

В средневековой философии понятие «интеллект» также занимает одно из центральных мест. Для мыслителей того времени (Альберт Великий, Фома Аквинский) было характерно стремление ограничить значение интеллекта в познании и подчинить его вере. Зачастую под интеллектом вообще понималось только пассивное познавательное свойство души (Иоанн Дунс Скотт). Познание при помощи интеллекта противопоставлялось познанию с помощью веры, при этом оно считалось более низким видом познания. Как орган познания Бога интеллект вообще был исключен.

В эпоху Возрождения и Новое время интеллект рассматривается в работах многих философов. Так, Николай Кузанский понимал под интеллектом некую духовную силу, с помощью которой можно познать истину – «начало и конечную цель рационально постигаемого»⁶. Интеллект в его представлении является основанием всей познаватель-

ной деятельности человека: «Как известно, человек состоит из чувства, интеллекта и посредника-рассудка. Ощущение стоит порядком ниже рассудка, рассудок – интеллекта. Интеллект не погружен во временное и вещественное, он абсолютно свободен от них...»⁷.

В философии Б. Спинозы понятие интеллект тождественно понятию разум. Интеллект понимается им как врожденная способность человека к познанию сущности вещей. При этом интеллект, по мнению Б. Спинозы, обладает идеями от природы, кроме того, интеллект способен создавать более совершенные умственные орудия: «...подобно тому как люди изначала сумели природными орудиями (*instrumenta innata*) сделать некоторые наиболее легкие, хотя и с трудом и несовершенно, а сделав их, сделали и другие, более трудные, с меньшим трудом и совершеннее, и так постепенно переходя от простейших работ к орудиям и от орудий к другим работам и орудиям, и дошли до того, что с малым трудом совершили столько и столь трудного; так и разум природной своей силой создает себе умственные орудия (*instrumenta intellectualia*), от которых обретает другие силы для других умст-

венных работ, а от этих работ – другие орудия, т. е. возможность дальнейшего исследования, и так постепенно подвигается, пока не достигнет вершины мудрости»⁸.

Немецкий философ Иммануил Кант, изучая познавательную деятельность человека, в работе «Критика чистого разума» выделил понятия разум и рассудок. Интересно то, что оба немецких слова «*Verstand*» (рассудок) и «*Vernunft*» (разум) можно перевести как интеллект. Под рассудком И. Кант понимал способность образовывать понятия, суждения, правила, а также способность мыслить предмет чувственного созерцания. Под разумом И. Кант имел в виду специальную способность образования идей⁹. Так как И. Кант считал, что объективное знание о мире недостижимо, он отвергал постановку вопроса об интеллекте как способности познания.

В философии Гегеля разум (интеллект) приобретает максимальную степень обожествления, который в качестве абсолютной идеи развертывается в сфере истории, духа, природы. Человеческий разум, по Гегелю, есть «в-себе-и-для-себя-сущая истина...», представляет собой простое тождество субъективности понятия с его объективностью и всеобщ-

ностью»¹⁰.

Анри Бергсон в своих работах противопоставляет интеллект «чистой интуиции». Интеллект он трактует как орудие оперирования с материальными, пространственными объектами: «...точное приспособление ума к его объекту, совершенная настройка внимания, некое внутреннее напряжение, дающее нам в нужный момент силу, необходимую, чтобы быстро схватить, крепко сжать, удержать надолго. Именно это и есть, наконец, интеллект как таковой»¹¹.

В марксистской философской литературе, посвященной проблемам гносеологии и эпистемологии, понятие интеллект практически не употребляется, либо упоминается как синоним понятию мышление. В марксистском учении мышление (интеллект) не является некой изначальной способностью души. Возникновение и развитие интеллекта в марксистской философии объясняется с точки зрения теории отражения и трудовой теорией антропосоциогенеза. В рамках теории антропосоциогенеза интеллект рассматривается как функция головного мозга, которая возникла в результате воздействия на человека внешних факторов. Интеллект человека имеет общественную при-

роду. Он не может существовать вне общества, вне языка, вне накопленных человеческим знаний.

В современной философии проблема понимания термина «интеллект» стоит все еще остро: «интеллект по-прежнему остается «черным ящиком», неким комплексом активности, который уважается, но не понимается»¹². Основная трудность заключается в том, что интеллект не является монолитной структурой, у него много различных проявлений. Отсутствие общепринятого терминологического понимания интеллекта мы также можем обнаружить в философских исследованиях Д. И. Дубровского, В. Г. Пушкина, А. Д. Урсула, Ю. Ю. Петрунина, А. И. Ракитова.

Стоит особо отметить, что массовое распространение компьютеров в социальном пространстве привелочество к эре искусственного интеллекта. Развитие информационно-вычислительных технологий обостряет в терминологическом плане проблему толкования понятия «интеллект».

В связи с тем, что мы не ставим задачу дать новую дефиницию интеллекта, мы будем исходить из следующей философской интерпретации: «Интеллект – способность к

опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение»¹³. При этом отмечается, что высший уровень развития интеллекта определяется по уровню развития мышления, рассматриваемого в единстве с другими познавательными процессами – восприятием, памятью и т. п. Именно мышление является ключевым понятием в современном понимании термина «интеллект». Основной спор противников и сторонников признания искусственного интеллекта сводится к обсуждению перспективы создания электронных устройств, обладающих способностью к мыслительной деятельности.

Изучение искусственного интеллекта – направление еще молодое и его структура, круг вопросов не так четко определены, как в других науках. Несмотря на то, что уже в XVIII–XIX в., а также в начале XX века исследования в области математики создали предпосылки для появления искусственного интеллекта, само направление начало формироваться только к середине 50-х годов XX века. «К концу 1940-х гг. электронные цифровые компьютеры продемонстрировали свои возможности в пре-

доставлении памяти и процессорной мощности, требуемой для интеллектуальных программ. Стало возможным реализовать формальные системы рассуждений в машине и эмпирически испытать их достаточность для проявления разумности»¹⁴.

Хотя первые работы в области искусственного интеллекта появились уже в 40-е годы XX века, само название этой области было предложено лишь в 1956 году. Летом 1956 года в Дартмутском университете проходил двухмесячный семинар, на котором присутствовали исследователи, проявляющие интерес к теории автоматов, нейронным сетям и исследованиям интеллекта. Дартмутский семинар не привел к каким-либо серьезным открытиям, но позволил познакомиться всем наиболее важным представителям в этой области. Одним из главных результатов этого семинара стало соглашение о принятии нового названия для данной области, которое предложил американский информатик Д. Маккарти, – искусственный интеллект. «Возможно, лучше было бы назвать эту научную область «вычислительная рациональность», но за ней закрепилось название «искусственный интеллект»»¹⁵.

В настоящее время уче-

ные все еще не пришли к единому пониманию значения термина «искусственный интеллект». Чаще всего он употребляется в трех значениях: «1) Научное направление, ставящее целью моделирование процессов познания и мышления, использование применяемых человеком методов решения задач для повышения производительности вычислительной техники; 2) различные устройства, механизмы, программы, которые по тем или иным критериям могут быть названы «интеллектуальными»; 3) совокупность представлений о познании, разуме и человеке, делающих возможным саму постановку вопроса о моделировании интеллекта»¹⁶. Как мы видим, под искусственным интеллектом может пониматься как научное направление, так и различные устройства, способные к рефлексии, моделирующие человеческий интеллект.

В современной науке круг вопросов, объединяемых термином «искусственный интеллект» довольно обширен: «В настоящее время искусственный интеллект объединяет большое число разделов. К искусственному интеллекту относят как общую теорию очущения или восприятия, так и специальные методы типа игры в шахматы, доказа-

тельства математических теорем, написания стихов или диагностики заболеваний. Ученые, специальностью которых не является искусственный интеллект, находят в нем основу для систематизации и решения интеллектуальных задач, которым они посвятили значительную часть своей жизни. И наоборот, специалисты применяют методы искусственного интеллекта в самых разнообразных областях, где без них не удается достичь успеха. Именно поэтому искусственный интеллект является воистину универсальной областью знаний»¹⁷.

Классик кибернетики Н. Нильсон определял область искусственного интеллекта следующим образом: «В самом общем смысле – это решение «интеллектуальных» задач с помощью автоматических методов, в первую очередь, с помощью вычислительных машин. Но какую деятельность следует считать интеллектуальной, а какую нет? Это не вполне ясно. ... Под интеллектуальной деятельностью мы понимаем решение сложных вычислительных задач и получение новых знаний»¹⁸.

При всем разнообразии трактовок понятия искусственного интеллекта общим для большинства из них является признание того, что системы

искусственного интеллекта направлены на моделирование или имитацию человеческого мышления, в частности, способности к рефлексии.

Большое внимание к проблемам естественного и искусственного интеллекта заставило специалистов из многих областей начать изучение конкретных черт естественного интеллекта, чтобы в дальнейшем применить эти результаты для построения искусственного интеллекта: «...теоретическое соотнесение искусственного интеллекта с естественным интеллектом – важнейшее условие основательного осмыслиения возможностей искусственного интеллекта, перспектив его развития, а в то же время и одно из актуальных направлений исследования сознания»¹⁹.

Теоретические исследования, а также практические успехи имитации некоторых простых интеллектуальных функций в исследованиях 50-х годов породили у многих исследователей уверенность в том, что задача создания полноценного искусственного интеллекта вполне разрешима и, более того, создание «думающих машин» – дело ближайшего будущего.

Впервые вопрос о возможности создания полноценной искусственной имитации

человеческого интеллекта был поставлен английским ученым А. Тьюрингом в его статье «Вычислительные машины и разум»²⁰, опубликованной в 1950 г. в журнале «Mind». В статье А. Тьюринг рассмотрел вопрос о том, можно ли заставить машину действительно думать. Отмечая, что в вопросах «Что такое думать?» и «Что такое машина?» есть фундаментальная неопределенность, он предпочел заменить вопрос об интеллекте более точно определенным эмпирическим тестом. В тесте один или несколько людей должны задавать двум другим людям вопросы и на основании ответов своих собеседников определять, кто является машиной, а кто человеком. Если машину, которая маскировалась под человека, раскрыть не удавалось, это означало, что машина обладает разумом.

Тест Тьюринга оказал значительное влияние на исследования в области искусственного интеллекта. Суть интеллекта по предполагаемому варианту сводилась к способности генерировать рассуждения, неотличимые от поведения реального человека. Главная задача искусственного интеллекта, на его взгляд, состояла в имитации такого поведения.

Хотя такой подход А. Тьюринга вызывал критику

со стороны философов, его стиль во многом предопределил прагматический стиль в области исследования искусственного интеллекта. Стоит рассмотреть влияние теоретических установок А. Тьюринга на развитие области искусственного интеллекта.

Первой практической попыткой реализации теста Тьюринга стала программа Элиза, созданная Д. Вейзенбаумом в 1966 г. Эта программа была способна имитировать осмысленный диалог. По принципам этой программы в настоящее время создано огромное количество, так называемых, виртуальных собеседников. Эти виртуальные собеседники имеют определенные базы знаний, которые позволяют им имитировать диалог с человеком. В самом простом случае база данных представляет собой набор возможных вопросов пользователя и подходящих им ответов. Интересно, что с 1990 г. на базе Кембриджского центра изучения поведения машин ежегодно проходят соревнования по формальному прохождению теста Тьюринга.

К настоящему времени ни одна компьютерная программа так и не смогла пройти полноценный тест Тьюринга в рамках соревнований, но, несмотря на это, в пространстве Интернета существует огромное

количество программ, которые могут долгое время вести с живым человеком вполне корректный диалог. Зачастую компьютерный пользователь сталкивается с такими программами в социальных сетях или блогах и не может по неопытности первое время понять коммуницирует ли он с человеком, или с ботом-роботом.

Особо актуальными проблемами исследования естественного и искусственного интеллекта стали в 70-е годы XX века²¹. В связи с этим, стало распространяться мнение, согласно которому быстро нарастающая вычислительная мощь компьютеров может автоматически привести к появлению у них интеллекта. Однако уже через несколько лет большинство философов и ученых признали, что с данной точкой зрения они согласиться не могут. Практика показала, что это не совсем тот случай, когда огромные количественные накопления приводят к совершенно новому качеству. Из того, что компьютер способен очень быстро накопить и переработать информацию не следует, что он обладает интеллектом и сознанием.

Эйфория прошла, и уже с середины 70-х годов ученые стали осознавать, что наука и философия не видят путей соз-

дания машинного аналога естественного интеллекта, способного к рефлексивной деятельности. Нынешнее состояние исследований искусственного интеллекта также нельзя назвать удовлетворительным. Все еще нет четкого определения понятия «интеллект», его состава и главных его механизмов. Несмотря на активные исследования в области искусственного интеллекта, и по сей день ученые и философы не пришли к однозначному мнению по поводу возможности построения искусственного интеллекта, который бы функционировал по аналогии с естественным интеллектом человека. Вопрос о принципиальной возможности машинной имитации человеческого интеллекта остается открытым.

Теоретические проблемы искусственного и естественного интеллекта наиболее широко разрабатывались в рамках аналитической философии. В настоящее время в современной философской мысли существует два основных подхода к профессиональному интеллекту: сильная (дискурсивная) версия искусственного интеллекта и слабая (догматическая) версия искусственного интеллекта. Сильная версия искусственного интеллекта предполагает, что компьютеры могут приобрести способность к рефлек-

тивной мыслительной деятельности и к осознанию себя, пусть даже их мыслительный процесс будет проходить отлично от человеческого. Слабая версия искусственного интеллекта, опираясь на догматические установки, отвергает любую возможность мышления компьютерными устройствами.

Термин «сильный искусственный интеллект» впервые ввел американский философ Дж. Серл. Он выступает противником сильной версии искусственного интеллекта. Широко известен знаменитый аргумент Дж. Серла в пользу догматической версии искусственного интеллекта, названный им «аргументом китайской комнаты»²².

Суть самого аргумента сводится к следующему: человека, владеющего только английским языком помещают в закрытую комнату и предоставляют ему китайский текст для чтения. Так как он не имеет никакого представления о значении китайских иероглифов, человек ничего не понимает. Затем ему дают еще один текст на китайском и инструкцию на родном языке о том, как можно сравнить два этих текста. Изучив правила, человек в комнате сможет идентифицировать наборы формальных символов из английского

и китайского языка. Далее приносят третий текст с инструкциями на английском, позволяющими соотнести его с первыми двумя. В итоге после продолжительных упражнений ответы человека, сидящего в комнате, неотличимы от ответов китайцев.

Дж. Серл сравнивает человека с компьютером, производящим действия с неинтерпретированными формальными символами. Понимает ли испытуемый китайский? Дж. Серл дает категорически отрицательный ответ, т. к. простое выполнение подходящего алгоритма еще не говорит о понимании смысла. Если этот англичанин не изучал китайский язык, а знает только программу, написанную на понятном ему языке и позволяющую ему давать «верные» ответы на такие же китайские вопросы, то усвоение такой программы никоим образом не может приблизить его к пониманию китайского языка. По его мысли, действия англичанина полностью аналогичны работе искусственного интеллекта. Компьютер, исполняющий роль программы не является разумным. Искусственный интеллект, несмотря ни на какие технологические прорывы, согласно Дж. Серлу, неспособен мыслить. Позицию Дж. Серла поддерживают филосо-

фы Д. Денет, К. Гедель, Дж. Лукас и др.

Дж. Серл подорвал веру в создание искусственного аналога человеческого интеллекта. «Китайская комната» вдохновила огромное количество когнитивных ученых, попытавшихся ответить Дж. Серлу. По истечении 20 лет можно констатировать, что «Комната» хоть и расшаталась, но устояла.

По мнению российского исследователя искусственного интеллекта В. В. Васильева догматичные идеи «Китайской комнаты» все еще не опровергнуты, потому что критические нападки на Дж. Серла исходили в основном от ученых когнитивистов, которые из-за своей ангажированности не смогли акцентировать важный дефект «Китайской комнаты».

В своей статье «Кока-кола и секрет Китайской комнаты» В. В. Васильев стремится в очередной раз опровергнуть идеи Дж. Серла. По мнению российского исследователя, ситуацию в корне меняет преображение «Китайской комнаты» в «Китайского робота»: «Во-первых, робот наделен собственной программой, которая неизвестна Серлу... Во-вторых, программа, инсталлированная в робота, имеет весьма специфический, квазисемантический характер»²³. То,

что было характерно для Комнаты, не подходит для Робота. В. В. Васильев полагает, что комната исключительно синтаксична, возможности этой комнаты крайне ограничены и она не может рассматриваться как реализация догматичной точки зрения на искусственный интеллект, т.к. она даже не сможет пройти тест Тьюринга. Автор считает, что главный дефект «Китайской комнаты» состоит в некорректном отождествлении «Робота» и «Комнаты». Оно некорректно, но именно оно позволило Дж. Серлу достичь эффекта различий человеческого и искусственного интеллекта. В.В. Васильев, будучи сторонником «сильной версии искусственного интеллекта», подчеркивает, что именно «Китайская комната» показывает безальтернативность искусственного интеллекта.

«Масло в огонь» подливают в последнее время большинство современных западных философов, физиков, нейробиологов и медиков. Человеческий организм, по их убеждениям, напоминает собой некий механизм, способности, деятельность и поведение которого зависят от особого расположения и функционирования атомов и нейронов. Специфика их взаимодействия и приводит к появлению способно-

сти к мышлению. Однако наукой все еще не дано окончательного ответа на вопрос: каким образом лишенные сознания частицы материи могут породить разум? На этот вопрос обычно следует типичный ответ: «Подобные кусочки материи организованы определенными динамическими образами, и именно динамическая организация создает разумность... Мы реально способны искусственным образом воспроизвести конкретную форму той динамической организации, которая делает возможной разумность. Лежащая в основе этой организации структура называется «компьютер», а проект программирования компьютера называется «искусственный интеллект», и, когда он действует, компьютер порождает интеллект, поскольку выполняет правильную компьютерную программу с правильным вводом и выводом данных»²⁴. Из данной идеи не вполне ясно, откуда берутся ментальные состояния, свойственные человеческому интеллекту.

Д. Серл и в этом случае стоит на догматической позиции, он не согласен с примитивизацией человеческого интеллекта. Он считает, что интеллект человека во многом схож с искусственным интеллектом по системе организации Но, в

то же время, каким бы усовершенствованным не был искусственный интеллект, не может обладать ментальностью.

В подтверждение своей гипотезы Д. Серл проводит следующий мысленный эксперимент: некий Д заболевает и в результате болезни у него отмирают некоторые функции мозга. Доктора заменяют мертвые участки мозга на силиконовые чипы. Пациент выглядит в порядке – он видит, слышит, понимает речь, но человек ли он? Д. Серл считает, что нет: «В этом случае электронные чипы не дублировали каузальные способности мозга вызывать сознательные ментальные состояния, они всего лишь дублировали определенные функции мозга на входе и выходе. Лежащая же в основе всего этого сознательная ментальная жизнь оказалась упущенной»²⁵.

По логике Д. Серла, искусственный интеллект, даже удачно спроектированный, не сможет быть аналогичным естественному, поскольку в данном случае исключается все ментальное: идеи, убеждения, чувства, эмоции, свойственные только человеческому существу. Поэтому пока науке не удастся объяснить природу ментальных состояний, искусственный интеллект вряд ли будет создан. Остается лишь кон-

статировать, что борьба догматической и дискурсивной точки зрения на природу искусственного интеллекта сохраняет оструту актуальности.

Борьба этих двух противоположных подходов к искусственноному интеллекту актуальна в современных философских исследованиях. Это приводит к постепенному накоплению новых теоретических знаний в области искусственного интеллекта.

Мы полагаем, что даже если сильная версия искусственного интеллекта и потеряет свои позиции в будущем, сам факт ее существования уже привел к изменениям взглядов на природу искусственного интеллекта, породив множество уникальных теорий, объясняющих феномен интеллекта и сознания.

Новые компьютерные технологии уже изменили существующий образ жизни, привели к перестройке социальной структуры общества и обусловили начало нового типа цивилизации – информационного общества. В значительной степени данные изменения проявили себя и в интеллектуальной сфере. На электронной основе стал формироваться новый тип интеллектуальной культуры, характеризующийся постепенной заменой во многих сферах человеческого тру-

да компьютерными технологиями. В интеллектуализации общества все большую роль стали играть компьютеры, которые позволили расширить познавательные возможности человека.

Особую значимость в развитии искусственного интеллекта имеет такой аспект, в основе которого лежит предположение, что искусственный разум в недалеком будущем приведет к усилению контроля над жизнью людей.

Возникает интересный вопрос о том, сможет ли человечество контролировать и использовать созданный им искусственный интеллект. Ответственность и здравый смысл должны стать основными принципами нового типа мышления человечества. Однако в каком ключе должна развиваться «дружба» человеческого интеллекта с искусственным – вопрос крайне дискуссионный.

Все чаще среди исследователей искусственного интеллекта появляются опасения и предостережения, связанные с компьютеризацией, более того, некоторые исследователи полагают, что искусственный интеллект является троянским конем: «Так, японцы уже создали компьютер, который совершает 300 млрд. операций в сек., на подходе компьютер со

скоростью 1 трлн. операций в секунду. В то время как Г. Каспаров проиграл компьютеру «Deep Blue», который просчитывал варианты всего лишь со скоростью 200 млн. операций в сек. Все чаще говорят о естественном превосходстве искусственного машинного интеллекта над непоследовательным и ненадежным естественным, о моделировании человеческой личности, о том, что ЭВМ может даже выступать творцом, способным к созданию произведений искусства. Разумная техника вообще грозит в будущем вытеснить человека как менее эффективную и менее рентабельную «модель»²⁶.

Наш соотечественник профессор А. А. Болонкин, который сейчас живет в США, считает, что благодаря развитию в области искусственного интеллекта уже через 20 лет будет возможно создание «электронного человека». Это будет сделано благодаря переписи всей хранящейся в мозгу человека информации в чипы, что приведет к его бессмертию. После замены естественного мозга человека на микрочип, по мнению А. А. Болонкина, должна последовать и замена человеческого тела: «И если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало [бы], что мы получили бессмертие. И тогда

наше биологическое тело стало бы нам тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобней иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужна пища и кислород»²⁷. На смену нашей цивилизации, имеющей биологическое основание, по мнению А.А. Болонкина, неизбежно придет электронная. Однако такого рода мыслимая возможность в настоящий момент крайне далека от конкретной практической реализации.

Подобные мысли о синтезе человеческого и машинного интеллекта не могут не пугать! Дискурс о будущем человечества в контексте развития искусственного интеллекта и компьютерных технологий в настоящий момент особо популярен в среде трансгуманистов и философов, занимающихся философской антропологией. Одним из ярых противников такого синтетического будущего человечества в настоящий момент выступает В. А. Кутырев. По его мнению, идея о замене человеческого мозга на искусственные чипы является фактом прямого объявления войны человеку: «Сейчас геноцид объявлен всему человечеству. Вопрос его

ликвидации только во времени... Но то ли еще будет, по мере распространения компьютеризации и внедрения чипов! И найдутся «философы», которые все это будут оправдывать... мы не будем знать, когда нас не будет»²⁸.

Чтобы не произошла подмена базовых ценностей нашего мира, заключающаяся в теоретическом обосновании самоотрицания человека и замены его интеллекта искусственным разумом, дискурс оснований естественного и искусственного интеллекта должен расширяться. Человечество имеет право знать, что происходит с ним в принципиальном плане, а помочь обеспечить осмысление этого важного для него дискурса должна философия. Уже сейчас мы должны быть озабочены, в первую очередь, не созданием бессмертного «электронного человека» с искусственным интеллектом, а сохранением жизни обычного человека в целом. Установка на постепенное устранение «биологического» человечества является крайне опасной и даже самоубийственной. Без сомнения, проблемы дальнейшего развития искусственного интеллекта будут в существенной мере определять судьбу российского общества и человечества в целом.

Примечания

1. Попов Ю. Н. Интеллект // Большая советская энциклопедия. Т. 10 / глав. редактор А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – С. 311.
2. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – С. 9.
3. Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. — изд. 2-е, переработ. — М. : Мысль, 1971. – С. 51.
4. Аристотель. О душе. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1975 – С. 369–550.
5. Асмус В. Ф. Античная философия. – изд. 2-е, доп. – М. : Высшая школа, 1976. – С. 513.
6. Кузанский Н. Сочинения / Общ. ред. и вступит. статья З. А. Таажуриной. – М. : Мысль, 1979. – С. 255.
7. Там же. С. 159.
8. Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 329.
9. См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным ; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2010.
- 736 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е. П. Ситковский ; ред. коллегия: Б. М. Кедров и [и др.]. – М.: Мысль, 1977. – С. 250.
11. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / Пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 266, 267.
12. Шипунова О. Д. Интеллект и субъективность: Социально-философский анализ: дис. ... доктора филос. наук : 09.00.01, 09.00.11. – СПб, 2004. – С. 31.
13. Суворов О. В. Интеллект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; научно-ред. совет : предс. В. С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусев-нов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 127–128.
14. Люгер Д. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем / Пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2003. – С. 35.
15. Рассел С. Искусственный интеллект: современный подход / Пер с англ.; 2-е изд. – М.: Вильямс, 2006. – С. 56.
16. Петрунин Ю. Ю. Искусственный интеллект // Новая философская энциклопе-

- дия в 4 т. Т. 2. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; Научно-ред. совет : предс. В.С. Степина, заместили предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 159–160.
17. Девятков В. В. Системы искусственного интеллекта. – М.: МГТУ им Н. Э. Баумана, 2001. – С. 12.
18. Нильсон Н. Искусственный интеллект. Методы поиска решений / Пер. с англ. В.Л. Стефанюка ; под. ред. С.В. Фомина. – М.: Мир, 1973. – С. 5.
19. Дубровский Д.И. Искусственный интеллект и проблема сознания [Текст] / Д. И. Дубровский // Философия искусственного интеллекта. Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции, г. Москва, МИЭМ, 17 – 19 января 2005 г. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 26.
20. Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // Глаз разума / Сост. и обработ. Д. Хоффштадтером и Д. Деннетом. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 47–59.
21. См. Нильсон Н. Искусственный интеллект. Методы поиска решений / Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под. ред. С. В. Фомина. – М.: Мир, 1973. – 271 с.; Попов Э. В. Алгоритмические основы интеллектуальных роботов и искусственного интеллекта. – М.: Наука, 1976. – 455 с.; Усманов А.А. Алгоритмы интеллектуальной деятельности. – Ташкент: Фан, 1979. – 130 с.; Хант Э. Искусственный интеллект / Пер. с англ. Д. А. Белова, Ю. И. Крюкова ; под ред. В. Л. Стефанюка. – М. : МИР, 1978. – 558 с.
22. Сирл Дж. Разум, мозг и программы // Глаз разума / Сост. и обработ. Д. Хоффштадтером и Д. Деннетом. – Самара : Бахрах-М, 2003. – С. 314–331.
23. Васильев В. В. Кокакола и секрет китайской комнаты – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/23/1213594898/Vasilev_Koka-kola.pdf. – Загл. с экрана. – Дата обращения – 30.10.2012 г.
24. Серл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 51.
25. Там же. С. 80.
26. Самохвалова В. И. Предполагает ли машинное творчество возможность машинного вдохновения? // Философия искусственного интеллекта. Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции, г. Москва, МИЭМ, 17-19 января 2005 г. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 62.
27. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. – Ниж-

ний Новгород: Нижегородский
университет, 2010. — С. 6.

28. Там же. С. 7.

Максим Юрьевич Гутенев, преподаватель кафедры Политологии Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: политология, философия культуры, интеллектуальная культура.

Maxim Gutenev, lecturer, Department of Political Science of South-Ural State University. Research interests: political science, philosophy of culture, intellectual culture.

Игорь Вячеславович Сибиряков,
Евгений Андреевич Шерягин
Типология политических партий: исторический обзор

Igor Sibiryakov,
Eugene Sherygin
Typology of Political Parties: a Historical Overview

Статья посвящена актуальной и слабоизученной в современной политологии проблеме типологизации политических партий. В статье показаны основные модели такой типологизации, которые были предложены исследователями в XIX – начале XXI вв. Особое внимание в статье уделено типологической конструкции, предложенной французским политологом М. Дюверже. В статье есть ряд «сюжетов», позволяющих объяснить отсутствие единой типологической модели в современной отечественной и зарубежной партологии.

Ключевые слова: политическая партия, типология, партийная система, партология.

The article deals with the typology of political parties. In paper shows the basic models of such typology, which have been proposed by researchers at the XIX – early XXI centuries. Special attention is paid to the typological construction, proposed by French scholar M. Dyuverzhe. The article has a number of «scenes», explaining the absence of a single typological model in modern domestic and foreign science of political parties.

Keywords: party, typology, the party system, partologiya.

Политические партии уже много лет играют важную роль в политической жизни самых разных государств. Изучение партий как политico-правового явления – это важное направление в современной политической науке. Исследователи, работающие в этом направлении, уже давно столкнулись с очень важной и трудноразрешимой проблемой типологизации политических партий. Дело в том, что за последние два века, в политическом процессе в той или иной форме участвовали тысячи политических организаций, называвших себя политическими партиями. Притом, что каждая политическая партия обладала или обладает определенной самобытностью, у многих организаций такого рода есть и некие общие или схожие черты. Выявление таких черт дает возможность профессиональным политологам точнее определять состояние партийной системы в исследуемых странах, лучше видеть логику развития многих политических процессов, в которых участвуют партии, экономить ресурсы необходимые при проведении масштабных политологических исследований.

Под типологизацией политических партий мы будем понимать соотнесение реаль-

ных партий с заранее определенной абстрактной моделью, каждая из которых наделяется важными сущностными характеристиками и соответствует определенному типу партий.

Изучение феномена политических партий имеет давнюю традицию. Упоминание о партиях мы встречаем еще в работах классиков политической мысли: Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Юма, Дж. Мэдисона, Б. Констана, А. де Токвилья, Ф. Гизо, М. Ковалевского, Б. Чичерина и ряда других исследователей. Теоретико-методологические основы изучения партий были заложены в работах М. Острогорского, М. Вебера, Дж. Брайса, Р. Михельса, А. Лоуэлла. В XX в. значительный вклад в разработку теории политических партий внесли М. Дюверже, Дж. Сартори, С. Нойманн, А. Панебьянко, Дж. Лаполамбара, К. Джанда, Р. Кац и П. Мейр, Ф. Эпстейн и некоторые другие. Среди российских ученых, работающих в этой области политической науки, можно выделить особо Ю. Коргунюка, В. Гельмана, Т. Шмачкову, Е. Спасского, Б. Исаева.

Объектом исследования в рамках данного научного проекта является партия как политическое явление. Предме-

том исследования – модели типологизации политических партий, существующие в научной литературе.

Цель нашего исследования – дать обзор различных типологий политических партий. В рамках достижения поставленной цели предполагается решение трех основных задач: во-первых, анализ исторических условий и причин возникновения первых моделей типологизации политических партий; во-вторых, выявление логики и основных направлений дальнейшего развития этих моделей; в-третьих, изучение современных моделей типологизации политических партий с определением наиболее перспективных вариантов их дальнейшего развития.

Политические партии в современном значении этого слова сформировались лишь в XIX века. Существовавшие до этого «партии» представляли собой «фракции», «клиенты» и были не более чем группами политиков-единомышленников, складывающимися вокруг какого-либо политического лидера для оказания ему помощи или поддержки. Такие «партии» не прошли стадию институционализации и не получили поддержки со стороны широких слоев населения. Это были организации

элитарного типа. Ярко выраженной потребности в типологизации таких партий со стороны общества или государственных структур артикулировано не было. Не случайно, ни один из классиков мировой политической мысли, уделявших внимание анализу феномена первых политических партий, так и не предложил универсальных критериев их типологизации.

Одну из первых попыток распределения партий по классам или типам предпринял еще Т. Гоббс. Говоря о государстве, он выделял определенные «группы», под которыми он понимал «известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом». Всё их множество Гоббс подразделял на абсолютные, независимые (только государство) и подвластные, которые, в свою очередь, разделялись на политические (т.е. образованные на основании полномочий, данных верховной властью) и частные (т.е. созданные либо чужеземной властью, либо самими подданными). Последние разделялись на законные – допущенные государством, и противозаконные, к которым относятся все иные группы¹.

Другой классик политической науки, Д. Юм говорил о фракциях («партиях»), выде-

ляя среди них личные, основанные на дружбе, либо вражде, и реальные – в основе которых лежали различия в интересах. Среди последних ученым были выделены партии, основанные на интересе, партии, основанные на принципе и личные фракции, клики².

Дж. Мэдисон, так же как и Т. Гоббс, писал о законности существующих групп. Он подразделял партии на парламентские фракции, которые не представляют угрозы, и «крамольные сообщества». Последние представляли собой «некое число граждан, которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества»³.

Немецкий теоретик и политический практик Ф. Шталь выделял партию законности и партию революции. Первая, по мнению Ф. Штала, занимает консервативные позиции и выступает за сохранение существующего порядка вещей, вторая же стремится к его переустройству⁴.

А. де Токвиль подразделял партии на «великие» и «малые». «Великие» партии возникают во времена глубоких потрясений, в процессе коренных преобразований политического устройства обще-

ства и привержены своим принципам, т.е. идеологиям. «Малые» же партии характерны для эпох спокойных и ими движут не великие идеи и убеждения, а эгоизм и расчет⁵.

Ф. Гизо в основу классификации партий положил такой критерий как прогресс общества, выделяя прогрессивные и регрессивные партии. Первые, соответственно,двигают общество вперед, вторые – его тормозят. По положению в парламенте Ф. Гизо выделял правящую и оппозиционную (оппозиционные) фракции. По политической силе партии подразделялись им на сильные, которые оказывают воздействие на прогресс общества, и слабые, которые этому прогрессу подчиняются.

В начале XX века политические партии во многих европейских странах заметно активизировали свою деятельность. Проблема типологизации политических партий приобрела реальное практическое измерение. Не случайно в ее решении активное участие принимали действующие политики. Так лидер большевистской партии В.И. Ленин в статье «Опыт классификации русских политических партий» выделил 5 основных типов политических партий, существовавших в начале XX в.

в России: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) тру-довики; 5) социал-демократы. В основу его типологизации была положена классовая при-рода той или иной партии⁶.

Лидер российской партии меньшевиков Ю. Мартов предложил несколько иную классификацию партий, выделив 4 их класса: реакционно-консервативные, умеренно-консервативные, либерально-демократические и революционные⁷.

Продолжали свои исследований в этой области и теоретики, такие как П.А. Берлин, который различал 2 вида партийной организации: бюрократический, когда руководство диктует свою волю всей фракции, и демократический, предполагающий наличие внутрипартийной свободы действий⁸.

Американский теоретик А. Лоузлл тоже описывал 2 типа партий: 1) вертикальные – в которых членами становятся представители разных социальных групп; 2) горизонтальные, выражющие интересы одного класса или социальной группы⁹.

Ряд теоретиков соотносили типологию партий с возрастом человека или с эпохами, которые, в свою очередь, содержали в себе черты определенных возрастов. Но тако-

го рода типологические схемы (например, типология Роме-ров – Блюнчли) подверглись жесткой критике еще во время своего создания.

Один из самых популярных социологов начала XX века М. Вебер, в свою оче-редь, подразделял партии на патронажные и мировоззрен-ческие. Первые стремятся обеспечить пост своему лиде-ру, вторые – реализовать оп-ределенные политические установки¹⁰.

Итак, мы видим, в процес-се развития института полити-ческих партий исследователями предлагались самые раз-ные критерии типологизаци-и партий. В качестве первых таких критериев использова-лись простые и очевидные позиции: была ли политиче-ская партия законной или не законной; являлась ли она правящей или оппозицион-ной; прогрессивной или рег-рессивной; великой или малой и т.д. Количество эмпириче-ского материала о деятельно-сти партий до середины XIX века было весьма ограничен-ным и это сказывалось на ка-честве предлагаемых типоло-гических конструкций.

Со второй половины XIX века интерес к политическим партиям в среде ученых стал возрастиать. В это время в За-падной Европе усиливаются

социальные конфликты, расширяются избирательные права и наблюдается рост числа политических партий, интегрирующих в политику все более широкие народные массы, оттесняя на второй план существующие до этого организации элитарного типа. Для ранее не участвующих в политическом процессе слоев населения партия, как форма политической организации, приобретает особое значение¹¹. Появились работы, посвященные различным аспектам деятельности политических партий в разных странах: англичанин Дж. Брайс исследовал партийные системы, россиянин М. Острогорский уделял особое внимание структуре и организации партии, немец Р. Михельс изучал механизм деятельности партийного аппарата.

В целом, несмотря на изменение отношения к партиям от негативного на позитивное, увеличение числа партий и заметную активизацию их деятельности, новых и сколько-нибудь осмысленных критериев типологизации предложено не было. Существующие партии развернули свою деятельность в рамках уже сложившихся идеологий, опираясь на четко определенные слои населения. Соответственно, типологизировать их

можно было по идеологическому критерию, по социальной базе, по методам, по отношению к действующей власти. Это позволяло определить место политической партии в политической системе того времени. По сути, другие новые критерии партийной типологизации в тех общественно-политических условиях просто не требовались.

Новыми подходами к проблеме типологизации политических партий мировая политическая наука обогатилась только после Второй мировой войны. Огромнейший вклад в развитие теории партий тогда внес французский ученый М. Дюверже.

Ни до его работы, ни многие годы после учеными не было предложено столь обоснованной теории партий. В основу типологии политических партий М. Дюверже предложил положить критерии, связанные со структурой партии. При этом нужно сказать, что до Дюверже вопросам структуры партии уже уделялось внимание в научной литературе – Р. Михельс и М. Острогорский в своих работах, так или иначе, затрагивали эту тему. Дюверже заглянул «вглубь», создав свою общую теорию партий. Именно структура партии, по его мнению, определяет рамки

деятельности, форму и особенности внутрипартийного взаимодействия. М. Дюверже были выделены партии с прямой и не прямой структурой¹².

М. Дюверже также писал о базовых элементах, «исходных составных клетках партийного организма». В связи с этим он выделял 4 особых типа партийной организации: партия-комитет, партия-ячейка, партия-секция и партия-милиция. Дюверже подробно останавливался на способах интеграции этих базовых элементов, дополнительно выделяя по уровню регламентации внутрипартийной жизни партии с сильной и слабой структурой.

Важное место в своей теории Дюверже отводил особенностям горизонтальных и вертикальных связей, централизации и децентрализации, роли партии в жизни своих членов.

Но, пожалуй, главными типами, выделенными французским ученым, являются массовая и кадровая партии. В основе этого разделения лежало понятие «член партии». Исследователь обращал внимание на то, что исторически первыми сложились кадровые партии. Собственно, эволюция от кадровых партий к массовым была связана с заменой ограниченного избирательного права всеобщим. Для вы-

живания в новой ситуации партиям было необходимо апеллировать уже к куда более широким массам. Кадровые партии – это партии комитетские, децентрализованные со слабой структурой; массовые партии чаще всего, обладали более жесткой структурой и были значительно более централизованными¹³.

Подходы М. Дюверже (и ряд выделенных им партийных типов) легли в основу многих работ, посвященных проблемам типологизации партий, написанных в 60-80-е гг. XX в.

Так, развивая подходы М. Дюверже, в 1966 г. О. Кирххаймер ввел понятие «catch-all party», «партии для всех» или «всеохватной партии»¹⁴. В 1967 г. Ф. Эпстайн предложил «универсальный тип партии»¹⁵. А. Панебьянко заявил о возникновении особого избирательно-профессионального типа партий¹⁶. При кажущейся разнице названий данные ученые описывали, по сути дела, один и тот же новый тип партийной организации, отражающий общую логику эволюции института политических партий в целом (стремление партий опираться на все более широкие слои населения и возрастание роли профессионалов в партийном руководстве).

Американский политолог У. Райт выделил два идеальных типа структурирования партийной деятельности: «модель партийной демократии» (ПДМ) и «рационально-эффективную модель» (РЭМ). Партия ПДМ характеризуется широким набором функций, артикулирует групповые интересы и агрегирует их, вырабатывая некий общий знаменатель национальной политики, устраивающий, в большей или меньшей степени, все стоящие за ней силы. Партия РЭМ сводит свои функции исключительно к избирательным задачам, ограничиваясь довольно формальным агрегированием интересов¹⁷.

Р. Кац и П. Мэир предложили свою типологию партий. В качестве критериев они использовали исторический контекст деятельности политической партии, ее место в системе «государство – гражданское общество», а также характер партийного членства и партийного лидерства, особенности партийной политики, отношение партии к выборам и СМИ¹⁸. В соответствии с данными критериями ими были выделены элитные партии, массовые партии, всеохватывающие партии и карательные партии. Данная типология была, скорее, обобщением уже существо-

вавших на тот момент способов типологизации политических партий¹⁹.

Дж. Сартори, занимаясь проблемами партийных систем, относительно партий пришел к примерно тем же типологическим моделям, что и его предшественники. Им были выделены парламентско-избирательные, организационно-массовые и избирательно-массовые политические партии, что, на наш взгляд, соответствует соотнесению партий с такими типами как кадровые, массовые и «вседоступные»²⁰.

Г. Киттельт выделял три типа партий – харизматический, клиентелистский и программный. Харизматические партии – это неструктурированные массы людей, сплотившихся вокруг лидера. Клиентелистские партии своей особенностью имеют персональный патронаж. Программные партии учреждаются для некой рекламы «желаемого общества», которое партия стремится обеспечить²¹.

С. Ньюман строил свою классификацию политических партий с опорой на функциональный критерий и выделял два класса партий: партии индивидуального представительства и партии социальной интеграции. Первые существуют

в обществах, с ограниченной политической сферой, партийная организация в перерывах между выборами бездействует. Основная функция таких партий – отбор представителей. Вторые характерны для обществ с высокой политической активностью и их главная функция – сплочение и определение, чьи интересы партия выражает²².

Американский теоретик Р. Макридис предложил ряд дихотомических характеристик, на основании которых выделял следующие типы партий:

Авторитарные и демократические;
Интегративные и представительные;
Идеологические и прагматические;
Национальные и региональные;
Светские и религиозные;
Олигархические и демократические;
Открытые и закрытые²³.

Актуальной сегодня остается и типология, построенная на основании идеологического критерия, поскольку она по-прежнему позволяет определить место каждой партии в партийной системе.

В целом, появление большого разнообразия новых форм партий, а так же утрата ими части своих функций²⁴, не способствовали выработке

новых и единых критериев типологизации партий. Все типологии второй половины XX века, по нашему мнению, есть развитие уже существующих к этому времени критериев, не более.

Единственная попытка более масштабного исследования партий вообще была предпринята американским исследователем К. Джандой в 1960-1970 гг. Его проект включал в себя исследование 158 партий и 53 стран из 10 географических регионов мира²⁵. В целом, он пришел к неутешительному выводу о том, что создание универсальной теории партии в конце XX в. не представляется возможным.

Почему это произошло? Во-первых, в течение XX в. неоднократно и стремительно изменялась роль политических партий в основных политических процессах, что соответственно влияло на интерес к данному политическому институту со стороны профессиональных политологов и лидеров политических партий. Падение такого интереса в конце XX в. выглядит совершенно закономерным в свете давно ожидаемого институционального «кризиса» партий. Во-вторых, политических партий стало просто очень много. Даже М. Дюверже, создав общую теорию партий,

оговаривается, что исключает из рассмотрения партии США, а также указывает на то, что исторические особенности в каждой стране по-разному воздействовали на партии, порождая разные их типы. В-третьих, выработка новых критериев просто не требовалась. Политическая практика не ставила перед исследователями этой необходимости. Уже существующие критерии позволяли определить место партий в партийной и политической системе. В-четвертых, предложенные в XX в. разнообразные теории и типологии партий чаще всего основывались на материалах одной определенной страны. Поэтому выделенные критерии были эффективны при рассмотрении лишь политических партий данного региона, но малоэффективны при рассмотрении партий другой страны или региона. Эта методологическая проблема не разрешена до сих пор.

Таким образом, можно констатировать, что после работы М. Дюверже эффективных типологических моделей политических партий, исследователями, по сути, предложено не было. Использовались либо старые простые критерии – идеология, социальная база; либо за основу

брался критерий М. Дюверже, а именно структура партии, на основании которого выделялся новый (чаще всего лишь по названию) тип партии.

Показательно, что в современной партологии не существует какой-то общепризнанной типологизации партий. Большинство ученых признает, что при анализе феномена политических партий необходимо учитывать особенности страны, партии которой рассматриваются, и, скорее, выделять критерии, исходя из целей исследования, нежели пользоваться какой-то одной из существующих типологий.

Что касается России, то интерес к партиям, а тем более их типологизации, практически отсутствует. Анализу подвергаются либо партийные системы в целом, либо электоральные циклы. Появились немногочисленные работы, посвященные истории отдельных партий. О крайне низком интересе к партиям свидетельствует и содержание последних всероссийских форумов политологов.

В целом, можно констатировать не разработанность многих проблем, связанных с теорией партий в России, что, во многом, так же является следствием отсутствия единой и общеизвестной теории партий.

Примечания

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 174.
2. Юм Д. О партиях вообще // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – 799, [1] с. – (Филос. наследие). – С. 511 - 518.
3. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джекса: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н.Яковleva, comment. О.Л.Степановой. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – С. 79.
4. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: Учебное пособие для студентов вузов / Б.А. Исаев. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 14.
5. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – С. 144-145.
6. Ленин В. И. Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 22.
7. Политические партии России: история и современность. / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В. В. Шелохова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 8.
8. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: Учебное пособие для студентов вузов / Б.А. Исаев. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 123.
9. Исаев Б.А. Указ. соч.
10. Спасский Е.Н. Трансформация политических партий и их типологизация: опыт западной партологии // Полития. – 2008. – №2 (49). – С. 103.
11. Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. XX-XXI в.: Сб. ст. / Отв. ред. Холодковский К.Г. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 61-81.
12. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2005. – С. 45.
13. Там же. С. 116-121.
14. Спасский Е.Н. Трансформация политических партий и их типологизация: опыт западной партологии // Полития. – 2008. – №2 (49). – С. 105 – 106.
15. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: Учебное пособие для студен-

- тов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 134.
16. Коргунюк Ю. Г. Эволюция организационных форм политических партий и современная представительная демократия // Полития. – 2004. – №1.
 17. Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. XX-XXI в.: Сб. ст. / Отв. ред. Холодковский К.Г. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 61-81.
 18. Партии и выборы: Хрестоматия / отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. – Ч.1. – М.: ИНИОН, 2004. – С. 7.
 19. Спасский Е.Н. Трансформация политических партий и их типологизация: опыт западной партологии // Полития – 2008. – №2 (49). – С. 108.
 20. Спасский Е.Н. Указ. соч. С. 106.
 21. Ишияма Дж.Т. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике // «Полис». – 1999. – №4.
 22. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 137.
 23. Исаев Б.А. Указ. соч. – С. 139.
 24. См., напр: Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. XX-XXI в.: Сб. ст. / Отв. ред. Холодковский К.Г. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 61-81.
 25. Кулик А.Н. сравнительный анализ в партологии: проект К. Джанды // Полис. – 1993. – №1.

Игорь Вячеславович Сибиряков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ. Научные интересы: политическая история России, история политических партий и движений, история российской интеллигенции.

Евгений Андреевич Шерягин – студент Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: политические партии, партийные системы.

Igor Sibirykov, Doctor of Historical Sciences, professor, head of Russia's History Department of the South Ural State University. Research interests: political history of Russia, the history of political parties and movements, the history of the Russian intelligentsia.

Eugene Sheryagin, a Student of the South Ural State University. Research interests: political parties, party systems.

Любовь Афанасьевна Фесенко, Валентин Викторович Рыгалов
**Социально-политические факторы трансгрессии
социокультурного пространства**

Lubov Fesenko, Valentine Ryalov
**Socio-political Factors of Transgression
of Socio-cultural Space**

В статье содержится анализ влияния социально-политических факторов на состояние социокультурного пространства. Для анализа использовано понятие трансгрессии. Обозначенные взаимосвязи позволяют сделать вывод о том, что противоречивое состояние культуры в России обусловлено влиянием общего состояния российского общества и реальной сферы политики. Принимаемые политические решения выступают в качестве предпосылок развертывания трансгрессии в отношении сферы культуры. Внутри данной сферы возникают ситуации фрагментации, вариативности ценностных ориентаций и установок.

Ключевые слова: трансгрессия, социокультурное пространство, культура, политика, политическая культура.

The article analyzes the impact of socio-political factors on the social and cultural space. For the analysis, the authors use the concept of transgression. Marked relationships suggest that the contradictory state of culture in Russia due to the influence of the general state of Russian society and the real policy areas. Political decisions are preconditions for the deployment of transgression in the cultural sphere. Within this sphere there are situations of fragmentation, variability of value orientations and attitudes.

Keywords: transgression, socio-cultural space, culture, politics, political culture.

Проблема взаимоотношения культуры и политики имеет особое значение для жизни современного российского общества.

Современная политическая жизнь России характеризуется циклическим характером политической активности населения, слабостью институциональной системы, неразвитостью институциональных традиций. При этом воспроизводится особый тип власти, обусловленный специфичностью российского культурного кода. Мы имеем в виду то обстоятельство, что в условиях провозглашенных демократических принципов, осуществления либеральных экономических реформ одновременно сохраняется и традиция авторитарного правления.

Также современное состояние российского общества характеризуется проявлением пессимизма в самых разных его слоях. Об этом свидетельствует не только непростые материально-экономические условия жизни основной массы населения, но и общественные реакции на другие нерешенные или плохо решаемые социально-гуманитарные проблемы (дискуссии о реформах в образовании, здравоохранении, о проблемах родного языка, музейного

дела, развития творческих способностей и т.д.).

Все это говорит о том, что вот уже в течение длительного исторического времени современный российский социум находится в процессе сложных экономических и общественно-политических трансформаций. Во всех сферах жизни общества – экономической, социально-политической, духовной – обнаруживают себя достаточно глубокие противоречия. Особенностью этих противоречий является то, что внутри каждого противоречия каждая из противоположностей имеет одинаково прочные базовые основания в реальной жизни¹.

Это вызывает изменения в содержании и формах жизни различных социальных групп, функционировании механизмов управления и контроля в экономике, политике, культуре.

Несмотря на определенные массовые выступления в столичных городах в период избирательных кампаний 2011–2012 гг., в целом по стране политическая активность масс заметно снижена. В этих условиях повышается роль политических технологий. Создаются разнообразные методики достижения целей за счет манипулирования массовым сознанием при

помощи СМИ (телевидение, Интернет-пространство), активного использования административного ресурса для навязывания обществу решений и идей в интересах определенных групп. Опыт последних десятилетий показывает: чем менее активны массы населения, тем эффективнее «работают» политические технологии.

Политические технологии существенно влияют на содержание и формы политической культуры, закрепляя прежние или вводя новые традиции.

Под традицией мы понимаем способность трансляции и актуализации национально-исторического и политического опыта, который обладает своеобразием в разных культурных системах. Известно, что в качестве традиции выступают культурные образцы, нормы и ценности, обычаи и идеи, образцы и стили поведения, а также различные виды деятельности человека и общества. Культура в целом, и традиции, в частности, обеспечивают устойчивость развития социума на основе преемственности. Специфика способов преемственности в России заключается в том, что каждая наступающая эпоха осуществляет принципиальный разрыв с наследием эпохи

предшествующей. При этом властные субъекты новой эпохи используют культурные коды и традиции в своих интересах, для укрепления своего положения и своих целей.

Исторический опыт показывает: когда возникает проблемная ситуация в системе политики, она неизбежно входит в противоречие с содержанием системы культуры. Это создает напряжение между двумя системами и возникает необходимость его преодоления. Такая ситуация может быть определена как предпосылка для возникновения трансгрессивного процесса.

Понятие «трансгрессия» при всей многозначности определений содержит в себе идею перехода, продвижения, преодоления границ. Синонимом данного понятия является понятие «наступление».

Относительно социума исследователи выделяют два вида трансгрессии: индивидуальную и коллективную (надиндивидуальную). Индивидуальная трансгрессия имеет место тогда, когда индивид намеренно выходит за рамки того, чем он является и что имеет, когда он расширяет свою территорию, делает открытия и создает себя в соответствии с собственным проектом.

Коллективная трансгрессия проявляется в массовых коллективных и глобальных действиях, предпринимаемых группами, общественными движениями и сообществами. Благодаря таким действиям люди превосходят свои материальные, интеллектуальные и духовные достижения, преобразуют науку, искусство, культуру².

При этом важно принять во внимание, что «трансгрессия» – это такое явление, которое «разворачиваясь», не имеет заранее определенного результата, так как она имманентно содержит в себе возможность положительного или отрицательного исхода.

При отрицательном результате происходит разрушение, уничтожение, отвержение чего-либо известного, привычного, понятного. Ситуация разрушения, слома, уничтожения, проявляющаяся в разных сферах жизни общества, создает, как правило, не учитываемые препятствия для дальнейшего позитивного движения вперед.

Таким образом, содержание данного понятия сводится к изобретательным и экспансивным функциям, выходящим за типичные границы деятельности. Это функции, благодаря которым субъект деятельности фор-

мирует новые структуры или уничтожает старые, создает новые ценности.

Трансгрессивный подход возможно применить и к анализу процессов, происходящих в отдельных сферах общества, в частности, в сферах культуры и политики.

Все, чем характеризуется общество в своем развитии, является результатом становления, формирования и укоренения культуры. Общество само по себе есть продукт культуры.

В общем и целом, культура есть результат творческой жизнедеятельности человека. Как известно, человеческая активность реализуется в ходе истории. Вне исторического процесса говорить о развертывании культуры не представляется возможным, ибо культура – явление социальное, возникшее в результате общественных запросов. Культура обусловлена потребностью общества в закреплении и передаче совокупного духовного опыта и не только.

Проблема сохранения и передачи духовного опыта, образцов и моделей поведения как никогда актуальна для современной России. Развитие России последних десятилетий свидетельствует о нарастании трансгрессивных процессов по всем направлениям

жизни общества. Наиболее чувствительны эти процессы в сфере культуры, в ее взаимоотношениях с политикой.

В самом деле, политика представляет собой, не только относительно самостоятельную сферу жизни общества, но и является частью культуры общества. Если общекультурные традиции помогают людям ответить на вопрос: «Как существует общество?», то в рамках политической культуры социума дается ответ на вопрос: «Как взаимодействуют общество и власть?».

Политическая культура – феномен, обладающий определенной устойчивостью, обусловленный символическим и харизматическим содержанием. Но одновременно политическая культура характеризуется гибкостью, способностью приспособления к изменяющимся условиям.

В реальной жизни в политической культуре могут сосуществовать традиционные и актуальные элементы, что не мешает возможности ее постепенного развития и изменения. Применительно к России в ее политической культуре также присутствуют противоречия. К их числу следует отнести стремление преподносить историю страны в соответствии с задачами и

целями действующей власти, резко негативное отношение к советскому прошлому, сведение всей советской истории страны к сталинизму. Все это сохраняет и углубляет раскол в обществе и в политической плоскости. В свою очередь, раскол в сфере политики не может не отражаться на состоянии культуры.

Политическая власть – центральный институт политики. В силу своего положения она по-разному влияет на сферу культуры. Она может способствовать ее позитивному развитию, но может создавать препятствия для существования культуры.

Власть может влиять на сферу культуры даже в связи с отсутствием какого бы то ни было целенаправленного влияния. И здесь может быть как положительный, так и отрицательный результат. С одной стороны, культура получает возможность самостоятельного существования и свободного развития. С другой – может утратить возможности даже для сохранения самой себя.

В свое время Элвин Тоффлер в книге «Шок будущего» обосновал идею о том, что шок будущего будет состоять в том, что все будет подвергнуто изменению (семья, брак, социальные отношения, тра-

диция...). И там, где в ходе изменения не удается что-либо создать, все будет разрушено³... Фактически Э. Тоффлер предсказывает нарастание трансгрессивных процессов в современном мире. Россия – часть большого мира. И она не может не испытывать влияния общих глобальных проблем.

Известно, что изменения в культуре (формирование новых знаний, создание новых технологий), воздействуют на изменение потребностей как отдельных индивидов, так и общества в целом. В этой связи важно понять, что на сегодняшний день можно считать результатом сознательной деятельности политических субъектов по отношению к социокультурному пространству. Со всей очевидностью можно утверждать, что это изменение иерархии ценностных позиций населения.

Исследования показывают, что население более чем десятка регионов Российской Федерации обладает значительным культурным потенциалом, который лишь в очень небольшой части становится культурным капиталом⁴. Население по большей части беспокоят повседневные проблемы выживания и безопасности.

Под влиянием осуществленных политическими субъектами решений произошли существенные изменения в общественном российском сознании. Так, Н.Е. Покровский замечает, что стремление к универсализации российского общественного сознания (приобретение им общих черт с другими системами общественного сознания) не может исключить сомнения в том, что универсализация может быть скрытой формой вестернизации и даже американизации⁵.

Здесь представляется уместным обратить внимание на то, что в течение довольно длительного времени актуальными остаются дискуссии между сторонниками своеобычной российской традиции развития и сторонниками западных, либеральных взглядов (дискуссия между «традиционистами» и «западниками»). Эти дискуссии влияют на определение проектов политического развития и моделей институализации власти. А это, в свою очередь, воздействует на этнонациональные отношения, обусловленные различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения полномочий между центром и регионами, а также базовых цен-

ностей, определяющих отношения между людьми. Возникает ситуация внутреннего напряжения социокультурного пространства.

Еще одним фактором, влияющим на состояние социокультурного пространства, можно назвать воспроизведение массовых правонарушений, неэффективность их наказания и проблемы дефицита правопорядка в целом. Количество принимаемых законов не решает этих проблем, поскольку имеют место серьезные упущения в правоприменительной практике⁶.

Особенно чувствительны для общества низкая управляемость, отсутствие или слабость институтов саморазвития региональных сообществ и российского общества в целом⁷. В последние годы достаточно много говорят о некомпетентности и коррумпированности многих чиновников, особенно высшего и среднего уровня. Согласно международному Индексу трансформации, Россия представляет собой один из примеров слабого управления трансформационным процессом. Только за последние два года в Рейтинге управляемости трансформационными процессами Россия переместилась с девяносто восьмой (в 2007 – 2009 годах) на сто

седьмую позицию среди ста двадцати восьми стран мира⁸.

Есть авторы, которые жестко говорят о том, что 2000-е годы – это время, когда произошел отбор худших по своим качествам людей во власть, ресурсом которых является способность к нарушению норм или свобода от моральных ограничений. В ситуации дезориентированности в пространстве возможностей, без моральных авторитетов и направляющих, всегда идет выравнивание по худшему варианту⁹.

В условиях сложного противоречивого развития российского общества увеличивается вариативность ценностных ориентаций, установок как у населения в целом, так и у различных социальных групп. Социологические исследования свидетельствуют, что 10% респондентов связывают будущее страны с либеральным проектом; 20-25% ориентируются на социалистические и коммунистические ценности; 22% выражают сугубо патриотические настроения; религиозно и монархически ориентированы 2-3%¹⁰. В общем и целом, исследователи выделяют три основные ориентации россиян: ориентация на восточные модели развития, поиск истинно российских своеобразных корней,

а также стремление к возвращению обновленной советской модели¹¹. При этом исследователи считают, что одновременно с новыми качествами (универсальностью, диверсификацией, критичностью, злободневностью) российское общественное сознание в своей значительной части остается размытым, неопределенным, переменчивым в отношении общественных ориентаций и социального настроения¹².

Экспертное и профессиональное сообщество выражает озабоченность тем, что на данный момент практически не осталось возможности для развития культуры, или они весьма ограничены¹³. Между тем, именно институты культуры создают среду для свободного развития экономической, социальной и политической жизни всего общества, обеспечивают изменения качества государственно-правового строя, возможности социального консенсуса и, что особенно важно, формируют национально-государственную идентичность населения.

Примечания

1. Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. – 2003. – №1. – С. 124.

2. Подгурецки Ю. Трансгрессия // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Выпуск 11 (74). – С. 65-66.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – С. 73
4. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – №9. – С. 5-6.
5. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте а мериканизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. – 2000. – №6.
6. Лапин Н.И. Указ. соч. – С. 5-6
7. Там же.
8. Индекс трансформации Фонда Бертельсмана. Формы политической организации в международном сопоставлении. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2010.
9. Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et contra. – Том 16. – №3. – Май-июнь 2012 г.
10. Тощенко Ж. Антимания как новая характеристика общественного сознания // Социологические исследования. – 2010. – №12. – С. 5.
11. Там же. – С. 11.

12. Там же. – С. 9.
13. Архангельский А.Н.
Дискуссия: Зачем нужна культура. «Фонд либеральная мис-
сия» // Режим доступа: [http://
www.liberal.ru/articles/1444](http://www.liberal.ru/articles/1444) –
Загл. с экрана. – Дата обраще-
ния: 29.10.2012.

Любовь Афанасьевна Фесенко. Доцент кафедры Политологии Южно-Уральского государственного университета. Кандидат философских наук. Научные интересы: история развития мировых идеологий, идеология современной России, политэкономия.

Валентин Викторович Рыгалов. Преподаватель кафедры Политологии Южно-Уральского государственного университета, аспирант. Научные интересы: история развития политической и правовой мысли, geopolитика, политическая культура.

Lubov Fesenko. Associate Professor of the Department of Political Science of South-Ural State University. Research interests: history of world ideologies, the ideology of the modern Russia, political economy.

Valentine Rygalov. Lecturer of the Department of Political Science of South-Ural State University, a graduate student. Research interests: history of political and legal thought, geopolitics, political culture.

**Михаил Иванович Разуваев, Михаил Дмитриевич Беседин
Реакция на протестное движение:
анализ нового «закона о митингах» в России**

**Mikhail Razuvaev, Mikhail Besedin
Reaction to the Protest Movement:
analysis of the New «Law on Demonstrations» in Russia**

Принятие поправок к закону о митингах в России в июне 2012 года вызвало широкий резонанс в обществе. В статье проводится детальный анализ поправок, а также процедуры их принятия. Рассматриваются его последствия в отношении развития гражданского общества в современной России. На основе проведенного анализа делается вывод, что реакция действующей политической системы направлена на подавление протестной активности и носит репрессивный характер.

Ключевые слова: протестное движение, протестная активность, массовые митинги, новый «закон о митингах» 8 июня 2012 г., Конституция РФ, политическая система, Постановление Конституционного суда РФ от 14 февраля 2013 года, Венская комиссия.

As the Russian «law on demonstrations» was amended in June 2012, it caused a wide resonance in the society. The article analyzes in detail the amendments and the procedure of passing the new law. The implications of the new «law on demonstrations» against the development of civil society in contemporary Russia are considered. Based on the conducted analysis a conclusion is drawn that the reaction of Russian political system is directed to suppression of protest activity and has a repressive character.

Keywords: protest movement, protest activity, meetings, the law of June 8, 2013, the Constitution of the Russian Federation, political system, The Constitutional Court of the Russian Federation's judgment of February 14, 2013, Venice Commission.

Одной из важнейших особенностей политической жизни России в конце 2011 – начале 2012 годов стал необычайный рост протестной активности населения. Вслед за голосованием 4 декабря 2011 года на выборах в Государственную Думу по стране прокатилась волна акций протesta, которая была отмечена невиданным для постсоветской России размахом массовой мобилизации: митинги в Москве собрали десятки тысяч участников. «Впервые за долгие годы люди вышли на улицы, чтобы открыто выразить недовольство режимом»¹.

Подобную эскалацию массовой митинговой активности можно рассматривать как вызов действующей власти, брошенный протестным движением. В этой связи особенно актуальным становится изучение реакции на этот вызов, в том числе реакции, связанной с коррекцией нормативно-правового поля взаимодействия власти и оппозиции.

6 мая 2012 года состоялся так называемый «Марш миллионов», который явился своеобразной формой протеста против инаугурации В.В. Путина и закончился столкновением демонстрантов с сотрудниками полиции. В последующие дни (8-16 мая 2012 года) оппозиция провела в Москве

«Прогулку писателей», а также ряд акций, которые по хештегу в Твиттере получили название «Окупай Абай» и которые, в конечном счете, были разогнаны полицией.

В этой социальной обстановке Государственная Дума и приступила к принятию закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (22 мая 2012 года законопроект был рассмотрен в первом чтении). Процесс принятия проходил в крайне сжатые сроки. Время на рассмотрение законопроекта Государственной Думой оказалось в пять раз меньшим, нежели в случаях, закрепленных в регламенте. Второе и третье чтение законопроекта проходили в течение одного дня (5 июня 2012 года). При этом на голосование по каждой поправке (из более 350-ти) было отведено по 15 секунд.

В процессе принятия нового «закона о митингах» развернулась ожесточенная парламентская борьба. Против данного законопроекта высказались все парламентские партии, за исключением «Единой России», которая фактически приняла этот законопроект в одиночку: из 239 голосов отданных «за» во втором чтении,

237 принадлежат членам партии «Единая Россия».

Обсуждение законопроекта во втором и третьем чтениях длилось «рекордные» 11 часов. Депутаты от партии «Справедливая Россия» выступили категорически против принятия данного законопроекта, считая его опасным и провоцирующим рост радикальных настроений в обществе. Как отметил член фракции «Справедливая Россия» Г.В.Гудков, «этого текста не было в редакции, принятой в первом чтении, и, естественно, здесь мы обсуждаем, по сути дела, новый законопроект.... Предлагаю перенести обсуждение этого вопроса на дополнительное заседание Госдумы в субботу, 9 июня»². Однако данное предложение было отклонено. В этой ситуации фракция «Справедливая Россия» избрала, тактику так называемой «итальянской забастовки» с целью затянуть рассмотрение законопроекта и перенести его на следующее заседание. По мнению Г.В.Гудкова, это дало бы возможность рассмотреть детально законопроект, волнующий многих граждан. «Действительно, мы будем выносить много поправок, даваться некуда: мы считаем закон очень опасным. И у президента будет время дополнить

тельное подумать³». При этом он отметил, что партия готова отказаться от этой тактики, если рассмотрение законопроекта будет перенесено.

Однако депутаты «Единой России» решили, что законопроект должен быть, во что бы то ни стало, принят на заседании 5 июня 2012 года. Было очевидно, что «партия власти» стремится вооружить правоохранительные органы новым законодательством до проведения нового шествия оппозиции, намеченного на 12 июня, и по возможности уменьшить число его участников. При этом по предложению председателя Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н.Плигина, было принято решение не голосовать по каждой поправке в отдельности так, как это предусмотрено регламентом Государственной Думы.

Обращает на себя внимание тот факт, что к концу многочасового заседания в парламенте находилось всего 140 депутатов, что составляет значительно меньше кворума, необходимого для принятия законопроекта. Несмотря на то, что большая часть членов партии «Справедливая Россия», во главе с С.М.Мироновым, в знак протеста покинули зал

заседания перед голосованием, законопроект, тем не менее, в итоге все-таки был принят и в третьем решающем чтении. Результаты голосования оказались следующими: за принятие проголосовал 241 депутат, 238 депутатов фракции «Единая Россия» и 3 депутата партии «Справедливая Россия» (И.Л.Зотов, Н.А.Лакутин, А.В.Митрофанов). Против данного законопроекта проголосовали 147 депутатов: 92 депутата партии «КПРФ», 55 депутатов партии «ЛДПР». При этом 61 депутат от партии «Справедливая Россия» не приняли участия в голосовании.

Отношение к результатам голосования по новому «закону о митингах» оказалось диаметрально противоположным. Руководитель фракции «Единая Россия» А.Ю. Воробьев под аплодисменты своих однопартийцев приветствовал принятие данного законопроекта: «Мы сегодня хорошо поработали и на самом деле всё сделали правильно. ... Мы верим в то, что делаем, и мы обязательно победим!». Депутат от Либерально-демократической партии России С.В.Иванов выразил мнение партии, сообщив что «... это, наверное, худший день в истории Государственной Думы, по крайней мере, за те три со-

зыва, что я здесь нахожусь. Вот большего позора, лично я считаю, Государственная Дума никогда не испытывала!». По его мнению, партия «Единая Россия» испугалась протестных настроений в обществе, и пытается сделать так, чтобы никто больше не выходил на улицу. Что касается «Справедливой России», то, как выразился С.М. Миронов, она не желает участвовать в этом фарсе и покидает зал заседаний. «Оставайтесь, господа «единороссы», наедине с этим антинародным законом, улица вам ещё это вспомнит!»⁴.

Уже на следующий день, 6 июня 2012 года новый «закон о митингах» был рассмотрен в Совете Федерации. 132 члена Совета Федерации одобрили данный законопроект, один сенатор проголосовал против, один — воздержался⁵. Уже 8 июня Президент РФ подписал данный законопроект. А 9 июня после опубликования в «Российской газете» этот важный правовой документ вступил в законную силу⁶.

Как было отмечено ранее, текст законопроекта «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонст-

рациях, шествиях и пикетированиях»» претерпел значительные изменения по сравнению с первой версией. Произошло изменение не только названия законопроекта, но и его содержания. Так, первоначальная версия законопроекта предполагала только увеличение штрафов за нарушения правил организации массовых мероприятий до 1 миллиона 500 тысяч рублей, а также введение обязательных работ как нового вида административного наказания за соответствующие нарушения. Законопроект же, вынесенный на второе и третье чтения, и впоследствии принятый Государственной Думой, помимо этого содержит множество новых ограничений в отношении протестной политической активности граждан.

В частности, статья 20.2 нового «закона о митингах» фактически предполагает разрешительный характер проведения публичных мероприятий. Отныне предварительная агитация о предстоящем мероприятии может проводиться только после получения согласования с органами власти. Люди, которые два и более раз привлекались к административной ответственности, не имеют права быть организаторами публичного мероприятия.

Кроме того, «новым законом о митингах» вводятся

штрафы за действия, «повлекшие создание помех движению пешеходов или транспортных средств либо превышение норм заполняемости территории», причем не уточняется, какие именно это действия. Одна из норм закона гласит о том, что «нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения влечет наложение административного штрафа или обязательные работы на срок до 40 часов». Помимо этого в закон включена статья 20.22 «Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественно-го порядка». В данной статье зафиксирован запрет на участие в массовом непубличном мероприятии либо на призывы к такому участию, если это может привести к «причинению вреда зеленым насаждениям, либо помехи движению пешеходов»⁷. При этом организатором массового одновременного пребывания граждан в общественных местах считается лицо, выполнившее организационно-распорядительные функции по его организации или проведению.

Особое внимание следует обратить на общие положения закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федера-

ции об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁸. В частности, в статье 2 данного нормативно-правового акта зафиксировано, что единые, специально отведенные места для проведения публичных мероприятий определяют органы исполнительной власти. Эта норма может быть истолкована как прямое нарушение права на свободу проведения публичных мероприятий, закрепленного в 31-й статье Конституции РФ. Очевидно, что право «собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования»⁸, во взаимодействии с другими правами и свободами, гарантированными Конституцией РФ, предоставляет гражданам возможность оказывать влияние на деятельность органов государственной власти, способствуя мирному диалогу гражданского общества и государства. Безусловно, данное право не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом, для того чтобы обеспечить общественный порядок и безопасность. Однако подобные ограничения могут иметь место только при «обязательном соблюдении принципов необходимости,

пропорциональности и соразмерности, с тем, чтобы вводимые им ограничения не посягали на само существование данного конституционного права и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных акций»⁹.

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании»» вызвало широкий резонанс в обществе. 13 июля 2012 года ряд депутатов Государственной Думы от фракций «Справедливая Россия» и КПРФ подали в Конституционный суд запрос о проверке конституционности в целом Федерального закона от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ и его отдельных положений. Заявителями выступили 102 депутата Государственной Думы – одна пятая ее членов.

В документе, направленном в Конституционный суд, указывалось на неопределенность в вопросе о том, соответствует ли недавно принятый закон действующей Конституции. Депутаты указывали на чрезмерное увеличение размеров штрафов за нарушение ус-

тановленного порядка проведения публичных мероприятий и на введение обязательных работ в качестве административного наказания. Была также поставлена под сомнение конституционность увеличения срока давности привлечения к административной ответственности, предусмотренное за нарушение законодательства о митингах¹⁰.

Позднее, 9 октября 2012 года, в Конституционный суд направил жалобу один из лидеров незарегистрированной партии «Другая Россия» Эдуард Савенко (Лимонов). Он оспаривал норму июньского закона, по которой права на организацию митинга, шествия и пикетирования лишается лицо, имеющее непогашенную судимость или более двух раз привлекавшееся к административной ответственности по ряду статей Кодекса об административных правонарушениях РФ¹¹.

Кроме того, члены Конституционного Суда В. Ярославцев, Ю. Данилов и С. Казанцев указывали на нарушения порядка принятия закона в следующих положениях. Во-первых, поскольку данный закон регулирует вопросы, которые относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, то, следовательно, согласно регламенту Государственной Думы, про-

ект закона должен был направляться в законодательные и исполнительные органы субъектов РФ. Этого сделано не было. Что ставит под сомнение положение о том, что принимаемые федеральные законы должны отражать интересы, как Российской Федерации, так и ее субъектов, то есть основные принципы федерализма. Во-вторых, при принятии закона был нарушен регламент Государственной Думы (часть 1 статьи 118), согласно которому, принятый в первом чтении законопроект не должен подвергаться существенным изменениям на следующих стадиях принятия, потому что в противном случае теряется смысл самого порядка принятия законопроекта. В случае же принятия «нового закона о митингах», очевидно, что во втором чтении произошло не только изменение названия закона, но и значительные изменения его содержания в части расширения регулирования отношений.

Как следует из особого мнения судьи Конституционного Суда В.Г. Ярославцева¹², «несовершенство Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» станов-

вится все более очевидным, что несет в себе опасность произвольного применения закона и тем самым грозит нарушением конституционного права граждан на свободу собраний (статья 31 Конституции Российской Федерации)».

Вместе с тем, 14 февраля 2013 г. большинство судей Конституционного Суда решили, что новый «закон о митингах» соответствует Конституции Российской Федерации. Это решение касается части процедуры принятия, поскольку субъекты федерации не оспорили принятые поправки, а те нарушения регламента, которые имели место, были вызваны необходимостью «адекватного противодействия попыткам искусственного блокирования законодательного процесса»¹³. Тот факт, что к моменту второго чтения в закон было добавлено более 20 новшеств, как посчитал Конституционный Суд, не повлиял на его концептуальное содержание.

При этом Конституционный Суд все же признал новый закон частично не соответствующим Конституции и постановил снизить минимальный размер штрафа за нарушения на митингах, отменить возможность использования наказания в виде обязательных работ в тех случаях, когда не на-

несен вред здоровью граждан или имуществу.

Европейская комиссия «За демократию через право» (Венецианская комиссия) опубликовала свое мнение по поводу Федерального закона № 65-ФЗ 11 марта 2013 года. Стоит напомнить, что в марте 2012 года, еще до принятия обсуждаемых июньских поправок, Венецианская комиссия уже рассматривала российский закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» по запросу Парламентской ассамблеи Совета Европы, и выразила мнение, что в законе имеются существенные недостатки. Тогда было предложено несколько рекомендаций, для того чтобы привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами.

В заключении Венецианской комиссии от 11 марта 2013 года констатируется, что, к сожалению, ни одна из этих рекомендаций не была принята к рассмотрению. Решение Конституционного Суда Российской Федерации приветствуется, хотя и отмечается, что оно не решает всех проблем. Обращается внимание на то, что в законе гарантия свободы собраний предусматривается только для граждан, а должна быть обеспечена для всех лиц находящихся на террито-

рии страны. Критикуется положение закона, запрещающее быть организатором митинга человеку, дважды подвергавшемуся административному взысканию. По мнению комиссии, ограничение в праве быть организатором публичного мероприятия человеку, не совершившему серьезного преступления, - это несоразмерное ограничение свободы собраний («disproportionate restriction of the right of freedom of assembly»)¹⁴. Подвергается критике часть закона, предписывающая наложение ответственности на организатора публичного мероприятия в случае превышения указанного в уведомлении количества участников. Комиссия поддерживает решение Конституционного Суда России о признании не соответствующим Конституции положения закона о том, что организатор публичного мероприятия несет ответственность за вред, причиненный участниками публичного мероприятия, поскольку организатор не обладает полномочиями органов правопорядка, необходимыми для предотвращения нанесения такого вреда. Следовательно, органы правопорядка должны обеспечивать общественную безопасность, а главная ответственность за причиненный ущерб должны нести сами правонарушители,

а не организаторы мероприятия. Также, по мнению комиссии, запрет на ношение масок на митинге не оправдан. Критикуется и запрет на проведение предварительной агитации о предстоящем мероприятии до его согласования, так как разница между агитацией и сообщением информации о проведении мероприятия не оговорена, а, следовательно, из-за неясности, формулировок возможно ущемление прав организаторов. Венецианская комиссия рекомендует пересмотреть и снизить максимальные суммы штрафов за нарушения, которые составляют 300 тысяч рублей для граждан и 600 тысяч для юридических лиц, поскольку эти суммы не соотносятся с минимальным заработком труда как это принято в административном кодексе, а также более чем в 14 раз превышают среднюю заработную плату. Отмечается, что суммы штрафов за нарушение на публичных мероприятиях значительно выше, чем в случаях гораздо более тяжелых административных и даже уголовных правонарушений. Например, они превышают суммы по таким статьям, как «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» (ст. 118 УК РФ), «Оставление в опасности» (ст. 125 УК РФ), «Фальсификация

итогов голосования» (ст. 142.1 УК РФ). Также рекомендуется отменить введение общественных работ в качестве нового вида наказания за нарушение законодательства о митингах.

Венецианская комиссия глубоко убеждена, что данный закон представляет собой шаг назад для защиты свободы и собраний в Российской Федерации, а его применение может привести к нарушению основополагающего права собираться мирно, гарантированного Конституцией РФ и Европейской Конвенцией по правам человека¹⁵.

Следует подчеркнуть, что принятие Федерального закона № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»» вызвало преимущественно негативный резонанс в обществе. Процесс обсуждения закона сопровождался протестными акциями, проходившими перед зданием Государственной Думы.

Очевидно, что ускоренное принятие закона, при нарушении большого числа регламентированных требований, было обусловлено желанием «партии власти» успеть принять закон до запланированно-

го оппозицией на 12 июня очередного «Марша миллионов». Такие действия Государственной Думы, которая в принципе должна демонстрировать образец соблюдения всех норм законотворческого процесса, подрывали ее и без того невысокий авторитет в глазах населения.

По нашему мнению, новый «закон о митингах» не соответствует Конституции ни в части процедуры его принятия, ни по его содержанию. Очевидно, что принятый Государственной Думой закон имеет репрессивный характер и направлен на подавление публичного протesta в Российской Федерации. Представляется, что подобная демонстрация силы будет негативно сказываться на рейтинге государственной власти в глазах общества, особенно наиболее активной его части. И те, кто принимал данный закон, должны понимать, что именно они будут нести ответственность за его несовершенство.

Безусловно, принятие этого закона придает дополнительный импульс дрейфу России в сторону авторитаризма, влечет за собой негативные последствия для тех, кто стремится к активной гражданской позиции и выражению своего мнения. Это отрицательно скажется на развитии гражданско-

го общества в России. Однако следует отметить, что ужесточение наказания за нарушения – это борьба с последствиями протестной активности, а не ее причинами. И это, в перспективе, может привести лишь к радикализации протеста и серьезным политическим кризисам.

Примечания

1. Фишман Л. Зимние протесты: от «групп населения» к новым классам? // Неприкосновенный запас. – 2012. – №2. – С.224-232.
2. Стенограмма заседания ГД от 5 июня 2012 г. // Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3652> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
3. Там же.
4. Там же.
5. Бюллетень 316 заседания СФ от 6 июня 2012 г. // Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d44e666fead9b2476d.doc> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
6. Федеральный закон N 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»» // Российская газета. – 9 июня 2012. – С. 4.
7. Там же.
8. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. – М.: «Омега-Л», 2012. – С. 28.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/02/27/mitingi-dok.html> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
10. Справедливая Россия и КПРФ намерены оспорить «закон о митингах» в Конституционном Суде // Режим доступа: <http://www.spravedliv.ru/news/anews/18723.php> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
11. Лимонов обратился в Конституционный суд с заявлением об отмене нового закона о митингах // Режим доступа: <http://drugoros.ru/news/9/2914.html> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 14 февраля 2013г. // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/02/27/mitingi-dok.html> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.
13. Там же.
14. Opinion on Federal Law no. 65-FZ of 8 June 2012

of the Russian Federation.

Amending Federal Law no. 54-FZ of 19 June 2004 on Assemblies, Meetings, Demonstrations, Marches and Picketing and the Code of Administrative Offences. Adopted by the Venice Commission at its

94th plenary session (Venice, 8-9 March 2013) // Режим доступа: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=cdl-ad\(2013\)003-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=cdl-ad(2013)003-e) – Загл. с экрана. – Дата обращения: 30.03.2013.

15. Ibid.

Михаил Иванович Разуваев. Студент пятого курса Южно-Уральского государственного университета (специальность «Политология»). Научные интересы: политический процесс в современной России, институциональные и политические трансформации в современной России, политическая философия, становление гражданского общества в России.

Михаил Дмитриевич Беседин. Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология» Южно-Уральского государственного университета. Научные интересы: политический процесс в современной России, теория и практика демократии, проблемы международной безопасности.

Mikhail Razuvaev. Fifth-year student at the Department of Political Science of South-Ural State University. Research interests: political process in modern Russia, institutional and political transformations in modern Russia, political philosophy, building of civil society in Russia.

Mikhail Besedin. Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Political Science of South-Ural State University. Research interests: political process in modern Russia, theory and practice of democracy, problems of international security.

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

- экспертное заключение для открытой печати
- рекомендация к публикации

Требования к срокам подачи статей:

- до 20 марта в первый номер года
- до 20 октября во второй номер года

Требования к содержанию статей:

- социально-политическая и гуманитарная направленность
- комплексный и межпредметный характер

Требования к форме статей:

редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1 пт., красная строка 1 см, поля 2x2x2x2 см

Требования к структуре статей:

УДК, название, список авторов, аннотация, ключевые слова, текст статьи (не более одного авторского листа – 40 тыс. знаков), концевые сноски (единая нумерация на всю статью)

Требования к языку статей:

- статья может быть представлена на любом языке
- название, список авторов, аннотация, ключевые слова повторяются на русском и английском языках, а также на языке оригинала статьи

**REQUIREMENTS
CONCERNING THE PUBLICATION**

Requirements concerning the enclosed information:

- expert's decision on public print
- recommendation for publication

Requirements concerning the dead-line for submitting the articles:

- March 20 – for the first issue of the year
- October 20 – for the second issue of the year

Requirements concerning the content of the articles:

- social and political focus
- complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the article's form:

MS Word, font of Times New Roman, size 12, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the article's structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, abstract, keywords, the article's text (no more than one author's sheet – 40 thousand characters), endnotes (single numbering for the full article)

Requirements concerning the article's language:

- The article can be presented in any language
- The title, the authors, the abstract, keywords are represented in Russian and English languages, as well as the language of the original article